

Любовь СИРОТА - Припятский синдром

Киев

Pripjat.com

2011 г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Все начиналось, как в кино. Замысел большого прозаического произведения о Чернобыльской катастрофе появился еще в 1990 году, когда закончилась почти ежедневная двухлетняя борьба за наш фильм "Порог" (режиссер Роллан Сергиенко), пробивший "железный" занавес замалчивания последствий этого бедствия, хотя сам фильм, запущенный в 1988 г. с легкой руки тогдашнего директора киностудии им. А. Довженко, известного кинорежиссера Николая Мащенко, был снят в невероятно короткий срок – всего за полгода.

Именно тогда все увиденное, услышанное, пережитое – весь четырехлетний постчернобыльский опыт, уже давно не вмещающийся в поэтические строки, начал выплескиваться на страницы будущего то ли романа, то ли повести – "Припятский синдром".

Тогда же Николай Павлович, вероятно, экстрасенсорно ощутивший этот процесс, предложил написать сценарий о Чернобыльской трагедии и сам дал название – "Как спасти тебя, сын". А поскольку в те сложные перестроечные годы киностудия переживала все углубляющийся финансовый кризис, работа над будущим (сначала двухсерийным, затем односерийным) фильмом, так и замерла на сценарном уровне.

Но именно эта работа повлияла на стилистику повести, которую я предлагаю Вашему вниманию, дорогой Читатель!

Любовь Сирота

Повесть посвящается моим землякам-припятчанам и всем, чьей судьбы коснулась зловещая тень Чернобыльской катастрофы. И хотя в основу ее легли реальные события, повесть не документальна, поскольку все ее герои – образы собирательные...

ПРОЛОГ

... В густом фиолетовом небе пульсирует далекая звездочка. Она увеличивается, превращаясь в яркую вихрастую звезду, затем – в огромный многоцветный шар, который надвигается все ближе и ближе, оставляя длинный лучистый шлейф... Вдруг ослепительная вспышка... Все небо занимается дрожащим от собственного жара красно-желтым заревом, которое вырвалось, оказывается, из распахнутого зева развороченного взрывом реактора... И еще горячей, красным-красна, громадная труба второй очереди ЧАЭС...

... Ирина резко просыпается. Уже ставший привычным, особенно за последние два года, криз нестерпимой болью терзает голову, горячим свинцом наполняет каждую клетку тела. Ах, как это некстати! Ведь она, наконец-то, решилась забрать сына, но до этого еще так много нужно успеть. Непослушной рукой она нащупывает лекарство, лежащее на тумбочке в изголовье постели. Вынимает из упаковки обезболивающую таблетку, разжевывает ее. Пытается достать таким же образом бокал, но рука срывается. Бокал падает, вода льется на ковер, заливая письма, лежащие на нем.

Ирина морщится от горечи и боли. Сжимает руками голову, отчего ее коротко стриженные волосы ерошатся еще больше. Начинает медленно подниматься. Берет там же, на тумбочке, упаковку валерьянки и отправляет в рот еще две таблетки. Тяжело дыша, она поднимает письма, кладет на тумбочку. Какое-то время сидит в постели, затем с трудом встает. И со стоном, осторожно ступая, держась за голову, бредет в ванную.

Ей слышится голос сына, его первое письмо из санатория:

"Здравствуй, дорогая мамочка! Пишу тебе сразу, после твоего отъезда в 7 ч. 31 мин. У меня все еще сильно болит голова. Так хочется, чтобы эти два месяца протекли незаметно, но впереди еще целых 58 дней. Так хочется тебя увидеть..."

Ирина рассматривает в зеркале свое лицо, изможденное болезнью.

"... Я уже говорил тебе, что не выдержу здесь больше месяца, а мне сказали, что здесь будет еще жарче...Пиши мне, мама!.. Твой Денис."

Изображение в зеркале расплывается. Слышится стон и шум падающих предметов ...

~~~~~

... Июльское утро одной из окраин столичного города уже дышит зноем. Автобусная остановка. Толпа на ней слишком велика даже для начала рабочего дня. Видно, очень долго нет автобуса. На противоположной стороне улицы показалась хорошо сложенная, но как-то не по возрасту перегнувшаяся фигура Ирины. С дамской сумкой через плечо, ничего не замечая, она медленно переходит дорогу, приближается к остановке. И только тут обнаруживает необычное столпотворение.

Ирина пытается остановить любую машину, но тщетно. Наконец, резко притормозив, respectable вида водитель лениво роняет:

– Куда?..

– Минздрав.

– 60 рэ.

– Да вы что? На такси десять рублей всего!..

– Так едете или нет? – вяло прожевал respectable гражданин.

Ирина отчаянно захлопнула дверцу. Машина, обдав ее газом, удаляется. Она, подавленная, идет под навес остановки, прислоняется к холодной шершавой опоре. Достает таблетку.

Проходящая мимо остановки женщина кричит ожидающим:

– Напрасно ждете! Автобусы не ходят. Забастовка у них...

На остановке оживление. Кто-то огорчен, кто-то обрадован.

Толпа редет. А поскольку Ирине непременно нужно сегодня добраться в центр, она решает все-таки дождаться автобуса. Подходит к освободившейся скамейке, усаживается так, чтобы можно было прислонить больную спину к, слава Богу, не полностью сломанной спинке. И, хотя ее беспокоит непредвиденная задержка автобуса, в глубине души она рада каждой новой весточке грядущих перемен, что сладким и одновременно тревожным ожиданием все сильнее напрягают необъятные просторы страны, которую давно в народе прозвали коротким и емким словом "совок". И это странное, но уже знакомое, ощущение сладкой тревоги напомнило ей ...

~~~~~

... Раннее утро 26 апреля 1986 г. Ирина в легком домашнем халатике отстукивает на старенькой портативной "Москве" очередную статью, за которой, по обыкновению, провела ночь. Она ставит последнюю точку, вынимает густо отпечатанный лист. Собирает рукопись и откладывает ее в одну сторону, в другую отодвигает машинку, прикрыв ее свежим номером "Огонька".

На столе, кроме пишущей машинки и рукописи, стоит пустой кофейник и чашка с остатками кофе, а на краю, у книжного шкафа, лежат книги, бумаги.

Рабочий стол у них с сыном один, поэтому днем и вечером обычно свободную площадь его занимает Денис, а ночью он – в полном распоряжении мамы.

Ирина очень любит тишину своих долгих ночей, когда никто и ничто не мешает ей работать или просто "сидеть в окне", размышляя о бытии и вечности наедине со звездами и постоянно изменяющейся, но всегда загадочной луной.

Ирина выключает настольную лампу, ибо в комнате уже достаточно светло. На трехстворчатом окне оранжево вспыхивают слегка раздвинутые шторы. Крайняя створка распахнута настежь, и легкий весенний ветерок развеивает тюлевую занавеску. Ирина отдергивает ее и с удовольствием вдыхает пронзительно-свежий воздух, сладко потягиваясь и радуясь удачно законченной работе, ясному небу, ветерку, ласково треплющему ее пышные, длинные светло-русые волосы, пробуждающемуся лесу через дорогу, который плотными соснами убегает вдаль – аж до Управления строительством, и дальше – до ЧАЭС. Лес этот за окном – столь же привычная и дорогая деталь ее ночных бдений. Сегодня он подернут сизовой, призрачной дымкой. Хорошо!..

Она будит сына, помогает ему собраться в школу, пока тот умывается и гремит посудой на кухне, завтракая.

Солнечные блики все больше заполняют небольшую комнату их малосемейной квартиры. Вот луч заиграл по инкрустированным часам на книжном шкафу, по многочисленным корешкам книг на

его полках, зажег чеканку над столом, пробежался по кофейным обоям, по декоративной люстре, упал на мягкий плед, покрывающий софу у противоположной от стола стены. Осветил замысловатый рисунок простенького молдавского ковра, который, однако, покрывал почти весь пол, настолько невелика была эта комната. Но у стены напротив окна – от угла до двери – еще уместился диван, на котором лежит расчехленная гитара. А дальше – белая двухстворчатая дверь довольно вместительной кладовки, служащей им еще и платяным шкафом.

Здесь, в одной из припятских малосемеек, Ирине с Денисом уже несколько лет жилось легко и уютно. И хоть через пару месяцев их ожидал переезд на новую квартиру, которого они ждали с нетерпением, все-таки было грустно расставаться с уже привычным жилищем. И потому, от близкого расставания что ли, все здесь казалось еще милее и дороже. И, возможно, поэтому к радостному ощущению чудного весеннего утра примешивалась какая-то щемящая тоска.

Денис, уже в куртке и туфлях, заскочил в комнату за портфелем. Ирина удивляется такой прыти:

– Куда это ты в такую рань? Еще целый час до занятий! Что-то на тебя не похоже...

– Да ладно, мам... Мы сегодня дежурные. И Сережка меня уже ждет во дворе. Мы так договорились, понимаешь?... Ну, прогуляться немного перед школой... Свежим воздухом подышать!... – многозначительно отбивается Денис.

– А... Свежий воздух – это хорошо! – сонно протянула Ирина. – Ну, беги, беги... Да, – вспоминает она, – Деня, знаешь, ночью опять на станции что-то гудело и ухало, аж стекла дрожали... Слышал?!...

– Ну и что?! – крикнул сын уже из прихожей. – Я пошел...

Через несколько часов Ирина тоже вышла из дома, и знакомым маршрутом, через дворы, направилась в ДК, где сегодня собиралась литературно-театральная студия.

День этот ей очень нравится, и как-то по-особенному волнует все: щебетание птиц, трепетные ветки лип и кленов, подернутые зеленью, даже каштаны уже расставили свои широкопалые листья под крохотными свечками. Все знакомо, радостно и вместе с тем как-то неповторимо сегодня. Приятно изумили Ирину пенные ручьи по дорогам и тротуарам, то там, то здесь виднелись поливальные машины. Ах, вот еще почему день сегодня так удивительно свеж! Должно быть, каждую субботу, так тщательно моют улицы города, просто раньше она этого не замечала. И эти пенные ручьи на улицах добавили ее приподнято-восторженному настроению некоторую торжественность и праздничность.

Вместе с тем, Ирина удовлетворенно отметила, что удачно оделась сегодня. Она в джинсах, легкой кофточке и распахнутой яркой ветровке, а главное – в кроссовках, что позволяет ей беззаботно шагать вприпрыжку по пенным лужам. Свежий ветерок приятно ласкает лицо, развеивает волосы. Хорошо!..

Появившаяся из-за углового дома старая полесянка еще издали спросила Ирину:

– Доню, дэ тут автостанция?..

– Вот так идите прямо по этой улочке, а там перейдете через дорогу и чуть вправо... Вон она около того леса, видите?! – обстоятельно объясняет Ирина подошедшей старушке.

– На автостанцию не идите! – прервал ее громкий мужской возглас. Ирина оглянулась. Шагах в двадцати от них стоял странный взъерошенный и чем-то озабоченный человек в грязной робе. – Автобусы сегодня все равно не ходят!.. – кричит он.

Старушка засеменила к нему, выяснить, почему же не ходят автобусы. А Ирина, пожав плечами – не ходят, так не ходят! – поспешила дальше.

На проспекте Ленина и на площади перед дворцом культуры необычно много праздного слоняющегося народа и еще больше серо-синих милицеских мундиров. Это обстоятельство вновь удивило Ирину. Праздная толпа, на тротуарах торговые точки с мороженым и прочими сладостями, все отнюдь не похоже на рядовую субботу, а дышит приближающимися майскими праздниками.

Во дворце же, наоборот, почти никого нет. Ирина приветливо поздоровалась с вахтером, не старой еще женщиной, которую все почему-то звали бабой Пашей. Та что-то хочет сказать Ирине, ибо любит посудачить с ней о своем житье-бытье. Но на этот раз Ирина разводит руками, давая понять, что опаздывает. И бежит вверх по лестнице, пересекает изящно оформленный танцевальный зал.

В студийной комнате оказалось только двое. Татьяна – инженер ЧАЭС, недавно родившая третьего ребенка. Освобожденная от "трудовой повинности", она каждую минуту свободного времени отдает теперь писанию стихов и рисованию. Сегодня она пришла пораньше, чтобы заняться стенгазетой. Второй в комнате была подруга Ирины Софья – профессиональная журналистка, работающая в местной газете и подрабатывающая на радио. Она стоит у окна и курит. Татьяна сидит за столом перед чистым листом ватмана, так и не нанеся на будущую газету ни штриха.

– Ну, что слышно?.. – встретили они Ирину дружным дуэтом.

– Вы о чем? – удивляется Ирина. – И почему нас до сих пор так мало? А я-то думала, что опоздала!..

– А!.. – разочаровано басит Софья, подходя к Ирине, целует ее в щеку, тут же вытирая след от помады. – Это дитя все еще в неведении. Как тебе это нравится, Татьяна?..

Софья возвращается к оставленной в пепельнице на окне сигарете, жадно затягивается и с любопытством разглядывает Ирину.

– Птичка Божия не знает ни заботы, ни труда, – подхватила Татьяна, но потом уже серьезно добавляет: – Больше никого не будет, наверное... Нас двоих тебе хватит?.. Можешь начинать, начальник!

– Что случилось? – упавшим голосом спрашивает Ирина.

– Да мы сами толком ничего не знаем, – тихо говорит Татьяна. – Что-то на станции произошло ночью... Очень плохое что-то... Даже жертвы есть...

– Кончай паниковать! – выдохнула вместе с дымом Софья. – Если бы что-то очень плохое, я бы уже точно знала!.. Не дрейфь, командир, – обращается она к Ирине. – Давай разберем, что там у нас сегодня, и разбежимся по домам... За детей тревожно-таки...

– Да, а что ты думаешь... В третьей школе учеников велели на улицу сегодня не выпускать, – подтверждает Татьяна, старшая дочь которой учится в пятом классе этой школы.

– Ах, вот оно что?!.. – какое-то непривычное, сладко-тревожное чувство овладело Ириной и, смешавшись с утренним восторгом, заполнило каждую ее клетку и даже защипало в носу. Однако, тут же собравшись, она сказала почти спокойно:

– Ладно. Не будем гадать. Татьяна, ты попробуй дозвониться на станцию. А я пока посмотрю, что у нас там запланировано на сегодняшний вечер...

– Звонить бесполезно! – бурчит у распахнутого окна Софья. – Она и так добрых полчаса "сидела" на телефоне. Молчит атомная...

Ирина, устроившись за столом, раскрывает журнал:

– Так... Ну, что поделаешь?.. Ты, Тань, сегодня свободна. Лети к своему малышу. Ему ты нужнее... А у нас, Софушка, с тобой два выступления в общежитиях... Давай так: ты пока тоже иди к своим. Вернешься сюда в шесть. А я к тому времени созвонюсь... или как-то свяжусь с общежитиями... Но, судя по всему, чаэсовским, думаю, не до вечера поэзии сегодня... А в стройковском – вполне возможно, нас будут ждать... Ты будешь читать, я петь... А ответы на вопросы, как обычно! Добро?..

– Окей!.. – прыгнула с окна Софья, колыхнув курчавой копной длинных темно-русых волос. – До вечера! – чмокнула она в щечку Ирину и ласково потрепала короткую стрижку Татьяны.

Ирина дома. Она взволнованно меряет шагами комнату, иногда выходя на кухню – пригласить за готовящимся обедом. Вдруг, спохватившись, плотно закрывает окно. Сына все еще нет. Часы показывают половину третьего. Наконец открывается входная дверь, Ирина спешит навстречу сыну в маленькую прихожую. Зрелище потрясающее – мальчик весь с головы до пят в глине и песке. Когда он сбрасывает туфли, из них высыпаются "горы" песка.

– Боже мой! Где тебя носило, – ужасается Ирина.

– А... это у нас субботник был сегодня... Мы... двор подметали, – соврал Денис.

На самом деле, он после школы бегал с Сережкой на речку, но об этом Ирина узнает позже. А пока она возмущается:

– В одних школах детей сегодня вообще не выпускали на улицу, а у этих, видите ли, субботник, да еще в младших классах... Безобразия!..

На что Денис, переодеваясь, ответил со знанием дела:

– Я все знаю. Ночью на станции что-то бабахнуло!... У нас даже совещание было для учителей... А нам сказали – нужно пить таблетки какие-то с йодом, а взрослым можно пить вино... Может, детей даже, как это... э... ва... вывезут в общем...

– Эвакуируют?! – подсказывает Ирина.

– Да, правильно! Э...ва...кую...ют, – умываясь, соглашается он.

– Ладно, знаток! Мойся. Пообедай. Займись чем-нибудь. Почитай. А у меня еще дела сегодня. Вернусь поздно. Я тебя закрою. Так что будь умницей!.. Окно, смотри, не открывай! Ясно?!

– Ясно, – вздыхает сын.

Литературный вечер, посвященный творчеству Марины Цветаевой, в стройковском общежитии подходит к концу. Молодежи в "красном уголке" собралось довольно много. Они долго не отпускают гостей. И вот Ирина исполняет последнюю песню:

Времени у нас часок.

Дальше – вечность друг без друга!

А в песочнице – песок –

утечет!

Что меня к тебе влечет –

вовсе не твоя заслуга!

Просто страх, что роза щек –
отцветет...

Ты на солнечных часах –

монастырских – вызнал время?

На небесных на весах –

взвесил – час?..

Для созвездий и для нас –

тот же час – один – над всеми.

Не хочу, чтобы заках –

этот час!..

На последних аккордах песни их с Софьей окружили, засыпая вопросами. На время этой встречи все забыли тревоги сегодняшнего дня. И только в одиннадцать, с букетами цветов, вырвались подруги от благодарной аудитории.

Миновав недостроенный стадион, они, опьяненные теплым приемом и чудесным ласковым вечером, идут к центральному проспекту с обычным для центральных улиц всех городов СССР именем Ленина, сопровождаемые яркой иллюминацией: лучистым "НАРОД И ПАРТИЯ ЕДИНЫ" над горкомом, "ГОТЕЛЬ ПОЛІССЯ" – рядом с ним, "ДВОРЕЦ КУЛЬТУРЫ "ЭНЕРГЕТИК" – над зданием

ДК, над магазином слева – "РАЙДУГА", а справа, издали, с высоты девятиэтажного жилого дома изливает на них свой неоновый свет бессмертная фраза – "ХАЙ БУДЕ АТОМ – РОБІТНИКОМ, А НЕ СОЛДАТОМ"...

Софья провожает подругу, ибо в такой чудесный вечер домой идти еще не хочется. Так, беспечные, дошли они до конца проспекта. И как только вышли на кольцо, ведущее к мосту, обе ахнули: вдали, над лесом, стояло огромное горячее зарево. Оно колыхалось и дрожало, как над раскаленным мартеном. И еще горячей, красным-красна была громадная труба второй очереди ЧАЭС.

– Да... – выдавила из себя Софья. – Значит, и впрямь дело дрянь!..

В Ирине же, наряду с потрясением, опять поднялась волна сладко-тревожного ребячьего восторга:

– Давай подойдем к мосту!.. Интересно, остановят нас или нет?!

Софья, похоже, испытывала такое же чувство. И молодые женщины бодро зашагали к мосту, ведущему из города. Они уже начали подниматься на мост, но никто их так и не остановил. И, потеряв интерес к авантюрной затее, подруги медленно возвращаются, не отрывая глаз от зарева над лесом.

– Вот бы забраться сейчас на крышу девятиэтажки и наблюдать за всем, что будет происходить дальше, а? – по-мальчишески восклицает Ирина. – А что?! Это, быть может, наш профессиональный долг...

– Слушай, мать! Тебе не кажется, что ты слишком близко живешь к этому джину?.. Как бы он и вовсе не вырвался из своей раскаленной бутылочки?!.. – басит Софья. – Значит, так: если что – пусть Денис с рукописями мчит ко мне, у нас все-таки подальше, значит, и безопасней... А ты можешь созерцать и летописать, сколько душе твоей угодно... Договорились?!

– Добро! – соглашается Ирина.

Прощаясь, они обнялись как-то крепче и теплее, чем обычно. И уже стали расходиться, как с моста, мимо них, по проспекту в сторону горкома промчалась вереница черных "Волг" и правительственных "ЗИЛов".

Ничего не говоря, подруги еще раз махнули друг другу на прощание и поспешили каждая в свой дом. И над каждой уже довлело, уже весело в воздухе и охватывало непонятным тревожно-сладостным трепетом сердце – полузабытое военное слово: эвакуация!

Дома Ирина застала уже спящего сына. Не снимая верхней одежды, она зажигает настольную лампу. Открывает настежь дверцы шкафа-кладовки, достает оттуда большую черную дорожную сумку. И, сев на стул, рассеянно осматривает комнату, соображая, что же самое необходимое нужно уложить в сумку, на случай, если...

Сын заворочался и открыл глаза:

– Мама, куда ты?..

– Я только пришла, сынок!..

– А что ты делаешь? – сонно и встревожено спрашивает он, глядя на сумку и распаханную кладовку.

– Думаю, что положить в сумку, чтобы быть готовыми в случае эвакуации...

– А что? Она будет?..

– Не знаю. Но, кажется, что будет... Ты спи пока. Спи. Я тебя разбужу, если что...

– Хорошо. – Денис, отвернувшись к стене, сразу сладко засопел.

Ирина же энергично встает, вынимает из кладовки теплые вещи, смену белья, два полотенца. Выходит из комнаты, возвращаясь с мылом и прочей парфюмерией. Вещи, часть писем и бумаг, несколько книг – постепенно заполняют сумку. Она открывает дверцу нижней секции книжного шкафа, роется в бумагах, собирает документы, кладет их в дамскую сумочку. Достает альбом, садится с ним к столу, листает. Выбрав несколько не вклеенных фотографий, тоже кладет их в сумочку.

Альбом, открытый на самой яркой театральной странице их припятской жизни, лежит на столе. На фотографиях – репетиции и премьера большой полуторалетней работы – поэтического спектакля о Марине Цветаевой. Ирина же, раскрыв окно, как обычно, сидит на подоконнике и смотрит в глухую, тревожную ночь. Ей слышится романс из спектакля на стихи М. Цветаевой:

Вот опять окно,

где опять не спят.

Может – пьют вино,

может – так сидят.

Или просто – рук

не разнимут двое.

В каждом доме, друг,

есть окно такое.

Крик разлук и встреч –

ты, окно в ночи!

Может – сотни свеч,

может – три свечи...

Нет и нет уму

моему покоя.

И в моем дому

завелось такое.

Помолись, дружок, за бессонный дом,

за окно с огнем!

А за окном, по дороге на станцию, туда-сюда тихо, без обычных сирен и сигнализации, снуют машины пожарной и "скорой" помощи, а также черные "Волги" с темными окнами.

Около трех часов ночи в квартиру тихонько постучали, потом громче.

– Кто?.. – спрашивает Ирина.

– Откройте! ЖЭК... – негромко проскрипело за дверью.

Ирина открывает. Незнакомый мужчина скрипучим голосом почти прошептал, как заведенный, фразу:

– Приготовьтесь к эвакуации. Не спите. Ожидайте...

– Где? – спрашивает Ирина.

Но тот уже скребется в другие двери. Ирина замечает в длинном полутемном коридоре несколько семей, тихо, словно тени, стоящих вдоль стен у своих вещей.

Вернувшись в комнату, она будит сына. Помогает ему, сонному, облачиться в уже приготовленную одежду. Денис обувается, набрасывает куртку. Они выходят и, как остальные, некоторое время молчаливою тенью стоят у дверей.

Воздух в коридоре как-то уж очень густ, до металлического привкуса во рту. Люди переговариваются сначала сдвленным шепотом, потом чуть громче, и вот уже можно расслышать обрывки фраз:

– ... говорят, автобусы под Шепеличами уже стоят...

– ... Да сколько же ждать-то?!.

Но, на удивление Ирины, все сдержаны и благоразумны. Нет ни паники, ни истерик, которые, по литературным описаниям, обязательны в подобных ситуациях. Лишь слышно, как в соседней квартире слева глухо скулит Антонина, жена сотрудника милиции. Оно и понятно – муж ее, Толик, конечно же, останется в городе при любых обстоятельствах.

Взволнованный Толик выскакивает из квартиры, кивает Ирине и спешно уходит. За ним выбегает зареванная Антонина. Увидев Ирину, она бросается к ней и тихо просит:

– Ирочка, присмотри минут пять за Анкой, пожалуйста!.. Я сейчас...

И, едва сдерживаясь, соседка быстро идет к лестнице, а там уже бежит. Из квартиры справа выходит буфетчица Вера с годовалым младенцем на руках.

– Так вы успели забрать его из больницы? – вместо приветствия спрашивает Ирина.

– Вчера вечером, – тихо отвечает соседка.

– Ну, слава Богу, что успели, – вздыхает Ирина, – теперь хоть вместе будете...

Из дверей слева выглядывает пухленькое симпатичное личико трехлетней Анюты – такое личико обычно изображают на детском питании "Малыш". Огромные голубые глазенки ее широко распахнуты.

– Де мама? – хнычет она.

– Иди ко мне, моя хорошая, – зовет ее Ирина, берет на руки, целует. – Мама сейчас вернется... Все хорошо... Все хорошо, маленькая...

Возвращается Антонина, она бледна и подавлена.

– Спасибо!.. Идем домой, Анна, будем собираться!..

Дети не выдерживают давящего ожидания и начинают убегать во двор. Денис тоже шепотом просит Ирину отпустить его. Она раздумывает, но потом сдается. И сын, радостный, вприпрыжку исчезает в лестничном пролете.

За детьми потихоньку начинают спускаться во двор и взрослые.

Ирина возвращается в квартиру, занеся вещи в прихожую. И вновь садится на подоконник, со второго этажа наблюдая за происходящим у подъезда. На скамейках и около них стоят чемоданы, дорожные сумки, авоськи, рюкзаки. Взрослые, кто в чем, собрались в кучки, обсуждая события минувшего дня, гадая, предполагая, споря о том, что ждет всех дальше. Тучный мужчина в теплом спортивном костюме доказывает всем, что одежда должна быть походной, мол, он точно знает: вывезут их километров за десять в палаточный городок денька на три, а потом все опять вернутся по домам, так что не стоит обременять себя лишним грузом.

Дети бегают, играя в догонялки. Самые маленькие, и среди них Анюта, копошатся в песке. Денис и несколько его ровесников, ребят 9 – 10 летнего возраста, забегают в подъезд и выбегают со спичками. Ирина кричит:

– Денис, зачем у вас спички? Вы что, жечь что-то собрались?

– Нет, мам, – громко отвечает сын. – Спички мы собираем уже испорченные. Это у нас игра такая. Смотри...

И они с Сережкой, полным сероглазым мальчуганом, продемонстрировали ей свою игру. Каждый берет спичку двумя пальцами правой руки, и затем с силой сталкиваются две спички. У кого сломалась, тот проиграл.

– Видишь, я выиграл! – подняв голову вверх, кричит Денис.

– Ну, хорошо! Играйте, – махнула рукой Ирина и посмотрела в небо, откуда приближался резкий рокот вертолета.

Был уже шестой час утра. И в посветлевшем небе четко вырисовался пятнистый военный вертолет, который, пролетев совсем близко от них и низко над лесом, приземлился где-то недалеко – то ли у автостанции, то ли на старом стадионе. Мальчишки ринулись туда. Взрослые всполошились:

– Стойте! Куда вы?!

– За дом! Только посмотрим, где он сел, и назад, – отвечает кто-то из ребят.

Ирина выскочила из квартиры и стремглав бросилась по лестнице. На первом этаже у коридорного окна, сидя на корточках, во что-то играют несколько девочек. Ирина, на миг остановившись, спрашивает у старшей:

– Ну, что слышно, Наталка?...

– Говорят, если нас до девяти не эвакуируют, то остаемся. Но реактор раскалился так, что только плюнь и взорвется!.. – охотно сообщает девочка.

– Ясно. Благодарю за информацию! – бросает Ирина и бежит дальше.

Она догнала сына почти у стадиона, где еще шумел пропеллер вертолета.

– Быстро домой! – строго говорит она ему. – И все остальные тоже – по домам. Вертолета не видели, что ли? Быстренько все отсюда!..

С десятков мальчишек неохотно плетутся обратно, то и дело, оглядываясь на громадную пятнистую машину. По дороге Денис, измученный почти бессонной ночью, простонал:

– Мам, ну будут нас ликвидировать, или нет?!..

Ирина невольно улыбнулась его ошибке, но ответила серьезно:

– Я знаю не больше твоего. Говорят, автобусы уже стоят в Чернобыле и под Шепеличами, но официальной информации нет никакой...

– Что значит – официальной?

– Ну, по радио никто ничего не сообщал... Поэтому – одни только слухи, понял?..

– Понял, – неуверенно ответил Денис.

– Я устал уже, мам, – говорит он, когда они вошли в свою квартиру. – Можно я еще немного посплю?

– Конечно, можно. Даже нужно! Все лучше, чем носиться за вертолетами. Ложись прямо в куртке и обуви, чтобы, если что, не терять времени...

Денис опять заснул очень быстро, а Ирина, закрыв его на ключ, поспешила к телефонным будкам на автостанции, в надежде дозвониться в ДК, в горком, в редакцию – куда-нибудь, чтобы узнать все более или менее достоверно. Но ни один телефон-автомат не работает. Значит, отключили, решила Ирина.

Она еще какое-то время кружит вокруг дома в надежде что-то узнать, сгорая от желания побежать во дворец и, в то же время, боясь оторваться от дома – вдруг в суматохе внезапной эвакуации она потеряет сына.

Солнце уже поднялось высоко. Жильцы их дома и ближайших, тоже разбуженных, домов давно разошлись по квартирам. По тротуару, в сторону железнодорожной станции Янов гуськом – с сумками и чемоданами – потянулись командировочные, вероятно, уже получившие документы на отъезд. Таких в городе, на строительстве пятого и шестого блоков ЧАЭС, было несколько тысяч.

А с балконов вдогонку им несется:

– Вы куда так спешите, мужики?!

– Нихт ферштейн, – отшучивается кто-то из них на ходу.

Из соседних домов перекрикиваются тоже:

– Эй, кума! Идите к нам!...

– Нет, лучше вы – к нам! У нас самогон есть!...

"Пир во время чумы", – подумалось Ирине. Она и сама – от неизвестности ли, от сжатости ли кислородного воздуха – была в каком-то странном, полупьяном возбуждении. Неведомая сила носила ее вокруг дома с такой легкостью, что, казалось, она не касается земли.

Лишь к полудню она решается-таки оторваться от дома и почти летит по знакомому маршруту в сторону ДК. То и дело с усилием трет она глаза и щеки, которые почему-то очень чешутся, все лицо слегка пощипывает. Но Ирине не до того, ей хочется сейчас запомнить все: и молодые, остро торчащие под крохотными еще свечками, листья каштанов; и пестрые, но теплые тона многоэтажек, стоящих в полушахматном порядке; и красивый детский садик с удобными игровыми площадками; и двор школы, где учится сын. И все-все вокруг кажется Ирине необычно компактным, как будто над городом висит невидимый купол-потолок, а сам город, сжатый атмосферой, стал похож теперь на огромную, прекрасную, уютную квартиру.

Идущие ей навстречу парень с девушкой, глядя на оживленное лицо бегущей, переглянулись. И парень прошептал спутнице:

– Вот видишь, люди спортом занимаются. А ты переживаешь... Все хорошо!..

А Ирина бежит дальше.

На площади перед дворцом собрался почти весь "творческий цвет" города. Еще издали Ирина заметила вихрастую шевелюру рослого, всегда веселого и находчивого Василия – руководителя дискотеки. Он, как обычно, в центре. Вокруг него стоят: Олег и Сережа – ребята из рок-группы; маленькая, рыженькая и непосредственная, как божий одуванчик, Верочка – хозяйка всех клубов и любительских объединений; статная Надежда – руководитель хора; быстрая остроязыкая Ольга – руководитель детского драмкружка; близорукая, добродушная Валя – руководитель агитбригады, которая, несмотря на поздний срок беременности, пришла к своим, чтобы узнать, что же все-таки произошло. Чуть в стороне от них щелкает фотоаппаратом, снимая оживленные улицы города, руководитель любительской киностудии – долговязый Коля, которого между собой все дворцовские зовут не иначе, как НикНик.

– Ба, знакомые все лица!.. – восклицает Ирина, пожимая протянутые руки. – Рассказывайте же!...

Но и здесь толком никто ничего не знал.

– Ты полагаешь, что от суммы наших "знаний" мы обогатились информацией?.. Увы!.. – горько иронизирует Василий. – Мы, как и все смертные, пользуемся только слухами...

– Слушайте, как гнусно было вчера играть и петь для пьющей, жующей и танцующей свадьбы, когда уже знаешь, что кто-то на станции погибает в это время?! – взволновано говорит Олег, в серых глазах его на миг блеснули слезы.

– Да, гадкое чувство, – соглашается с ним Василий. – Наша дискотека тоже вчера свадьбу обслуживала...

– Все! Я иду в горком, – не выдерживает Надежда, – попробую от вахтера позвонить куму, он как-никак наш "министр культуры", что-то же он должен знать...

И она, с присущим ей достоинством, гордо понесла свою статную фигуру в сторону горкома. А с противоположной стороны к собравшимся приближается яркая, как царица, Софья, держа за руки двух своих разнаряженных дочурок.

– Ах, да!.. Ведь сегодня у нас должен был "представляться" киевский кукольный театр, – оглянувшись на афишу перед дворцом, вслух догадывается Валя и, как всегда, смешно оттягивает пальцем правый глаз, "наводя резкость" на нарядную Софью с девочками.

– Ты, мать, никак в театр собралась?! – острит Ирина, подставляя щечку.

– А что? Мы народ стойкий!.. И в театр можем, – невесело отшутилась Софья, целуя Ирину и пожимая руки остальным.

Оказывается, Ирина знала больше всех, ибо только их район разбудили ночью, поскольку он – ближайший к атомной станции, остальные же безмятежно спали.

К собравшимся подходит высокий, худощавый директор ДК. Все взоры устремлены к нему, ведь пришел он ОТТУДА – из горкома.

– Ну что?! – встретил его хор голосов.

Польщенный таким вниманием, директор делает внушительную паузу, поправляя мягкие седые волосы. И только после этого медленно, растягивая слова, заговорщицким тоном сообщает:

– Была опасность большого взрыва... Мог здорово пострадать реактор... Тогда дела были бы куда серьезней... А сейчас... Пожар уже потушен... В общем, положение нормализуется...

– Вы нам лучше скажите, эвакуация будет или нет?! – прерывает его прямолинейная Ольга.

– Может быть... Но, может, и не сегодня...

– А с дискотекой как сегодня? – хитро щурит голубые глаза Василий.

– Если город не эвакуируют до вечера, то, безусловно, дискотека будет... Все должно быть, как всегда... Никакой паники!.. – авторитетно отвечает директор.

– А где это вы увидели хотя бы намек на панику? – басит Софья, гордо демонстрируя себя и обводя рукой пестрящую нарядной толпой площадь и по-праздничному людный проспект.

– Виталий Виссарионович, – не выдерживает Ирина, – а вам не кажется, что массовые мероприятия в такой день неуместны и недопустимы?!..

– Кажется, кажется!.. – нервно отпарировал директор. – Повторяю для непонятливых – если эвакуации не будет, то ни одно мероприятие не отменяется!..

И, резко повернувшись, он быстро идет в здание ДК.

– Мальчики-девочки, смотри-ка, народ в гастроном повалил!.. Айда и мы, что ли?! – разряжает создавшуюся неловкость Софья.

– Айда! – загудели "творцы" и дружно двинулись в центральный гастроном, расположенный на первом этаже недавно построенного двухэтажного торгового центра.

Их догоняет запыхавшаяся Надежда:

– Там уже вторые сутки правительственная комиссия заседает, все не могут решить, что с нами делать...А кум велел идти домой. Говорит, что детей будут вывозить обязательно, а остальных – еще неизвестно...

– Да уж вывезли бы детей. И то, слава Богу!.. И нам бы сказали, что делать?.. А то – где-то что-то происходит... Кто-то где-то пожар тушит... А мы как ни при чем!.. – горячится Ирина.

– На пристани, между прочим, песок в мешки засыпают, сам видел, – поправляя очки, говорит НикНик.

– Вот-вот, – подхватывает Ольга, – а мы как клоуны на пожаре!.. "Ни одно мероприятие не отменяется!.." – передразнила она директора.

– И где только наша хваленная гражданская оборона?! – возмущается маленькая Верочка. – Помните, как они пару месяцев назад будоражили дворец своей грандиозной репетицией?.. А сейчас уж второй день о них ни слуху, ни духу!..

– Спокойно-спокойно!.. – с горькой иронией успокаивает всех Василий. – Вчера были свадьбы, сегодня – дискотека... Так что веселись, народ!.. А начальство будет думать, что с нами делать... Жираф большой, – оглядываясь в сторону горкома, – ему видней!..

– Правильно, Василий! – поддержала его Софья. – Давайте решим так – если детей вывезут – вечером все соберемся у тебя в дискотеке. Окей?!. Все слышали?..

– А что делать будем, Софья Петровна? – со сладостно-почтительной улыбкой пропел НикНик, поправляя очки.

– Все, Коля! Все будем делать! – бодро басит та, когда они веселой гурьбой входят в просторный торговый зал гастронома с множеством отделов, около каждого из которых оживленный народ быстро выстраивается в привычные очереди.

– Боже мой! Как нас сегодня балуют!.. – удивляется обилию продуктов на полках Олег.

Действительно, кроме нескольких видов копченых колбас и прочих дефицитных – даже для неплохо обеспечивающихся из государственного резерва военных и атомных городков, – продуктов питания, сегодня в центральном гастрономе Припяти появилось немало редкого, почти "экзотического", провианта, включая сметану и другие молочные изделия в новых, доселе невиданных тут, удобных пластиковых упаковках.

– К чему бы это?.. – тоже удивляется НикНик, снимая и протирая очки.

– Так ведь к майским праздникам, наверно, – предполагает Валя, "наводя резкость" на мясной отдел, до неприличия заполненный красиво расфасованными куриными тушками и разными сортами говядины и свинины.

– Да нет, ребятки!.. По всему видно, это наши к приезду высоких гостей подсустились!.. – констатирует Софья.

– Точно!.. – подтверждает Василий.

– Ах, бедненькие!.. Неужели им пришлось опустошить все свои партийные закрома?! – пытается иронизировать Ирина.

– Ха!.. Ты думаешь, они могут что-то сделать себе во вред?! Держи карман шире!.. – язвит Ольга.

– Ты права, что-то тут не так, – соглашается с ней молчаливый сегодня Сергей.

– Так, не так!.. Что гадать, такие сюрпризы в нашей жизни бывают крайне редко... Так что налетай, братцы, пока есть на что!.. – гудит, как хрущ, Софья, направляясь к очереди в колбасный отдел.

И друзья, разойдясь по магазину, принялись с удовольствием отовариваться. Они полноценно воспользовались "счастливым моментом", выстояв в нескольких очередях, и потратив всю имеющуюся наличность. Авария – аварией, а праздники все-таки, действительно, не за горами!

Только они, уже с покупками, вышли из гастронома, как громко заговорил мощный дворцовый радиорепродуктор, бодрым женским голосом передавая официальное сообщение:

– Внимание! Внимание! Уважаемые товарищи! Городской Совет народных депутатов сообщает, что, в связи с аварией на Чернобыльской атомной электростанции, в городе Припяти складывается неблагоприятная радиационная обстановка. Партийными и советскими органами, воинскими частями принимаются необходимые меры. Однако, с целью обеспечения полной безопасности людей и, в первую очередь, детей возникает необходимость провести временную эвакуацию жителей города в близлежащие населенные пункты Киевской области. Для этого к каждому жилому дому сегодня, 27 апреля, начиная с 14-00 часов, будут поданы автобусы в сопровождении работников милиции и представителей горисполкома. Рекомендуется с собой взять документы, крайне необходимые вещи, а также, на первый случай, продукты питания... Руководителями предприятий и учреждений определен круг работников, которые остаются на месте для обеспечения нормального функционирования города. Все жилые дома, на период эвакуации, будут охраняться работниками милиции...

Товарищи! Временно оставляя свое жилье, не забудьте, пожалуйста, закрыть окна, выключить электрические и газовые приборы, перекрыть водопроводные краны!.. Просим соблюдать спокойствие!..

Организованность и порядок – при проведении временной эвакуации!..

– Девчата! – после общего оцепенения воскликнула Софья. – Вдруг мужичков-таки не вывезут?! А-ну, у кого что лишнее – отдавай дискотечникам, чтобы им не грустно было умирать! – горько шутит она.

Друзья обнимаются на прощание и спешат в разные стороны. Ирина бежит домой, крепко держа в руках свежую буханку хлеба да парочку сегодняшних дефицитов: треугольный пакет молока и блестящую пачку сметаны. Сильно запершило в горле. А громкоговорители со всех сторон добавляют к уже сказанному:

– Внимание! Внимание! Жителям Припяти, имеющим личный транспорт, разрешено покидать город самостоятельно!..

– Ну да, конечно, – бурчит не бегу Ирина, – хлопот меньше!..

Спеша домой, она все-таки успевает отметить, что мир вдруг как будто начал сворачиваться... А ранние широкопалые листочки каштанов почему-то свесились и жалко болтаются под незрелыми свечками. И опять странная волна возбуждения, смешанная с щемящей тоской, заполнила все ее существо.

– Ну, все, Денис, эвакуация! – выкрикнула запыхавшаяся Ирина, открывая дверь своей квартиры.

Зайдя в комнату, она обнаруживает сынишку, торчащим в окне. Впрочем, в комнате осталась лишь его нижняя половина, все остальное свесилось вниз и горячо что-то кому-то доказывало.

– Ах ты, сорванец! – Ирина затягивает сына в комнату.

Через несколько минут они уже выходят из подъезда – Ирина с дорожной сумкой и дамской сумочкой через плечо, Денис – с книгой под мышкой и пакетом, куда уложил за время маминого отсутствия кое-что из своих "ценностей".

Остановившись у той самой дороги, где ночью проносились пожарные, "скорые" и черные "волги", Ирина опускает на землю сумку и, присев на корточки, ласково уговаривает Дениса:

– Сынок, подожди меня здесь. Смотри, что бы ни случилось – ни с места!..

– Мам, ты куда? – испугался тот.

– Я сбегаю к тете Гале, здесь же недалеко – пять минут по дороге, ты меня будешь видеть! Я только гляну издали, если их машина еще стоит, то узнаю – может, и нам найдется местечко?.. А если машины нет, я сразу назад! Хорошо?!..

– Ты только побыстрей!..

Ирина опять почти летит над землей по дороге мимо стройковских общежитий – с одной стороны и знакомого леса – с другой. Когда она приблизилась к цели, машины – увы! – уже не было, зато к дому подкатил новенький "Икарус", полный милицейскими мундирами. Офицер, выпрыгнувший первым из автобуса, спросил ее:

– Вы в этом доме живете?

– Нет.

– Так что же ты здесь делаешь? Беги к своему и жди там!.. Ваших, может, уже вывозят!..

– Слушаюсь! – дерзко козыряет Ирина и несется обратно, тихонько бурча: – Ну, вот и вам, голубчики, настоящее дело нашлось!.. Поменьше будете людьми помыкать!..

Денис издали машет ей рукой.

Она не опоздала. Только через пару минут у подъезда появился милиционер, который объясняет, что забирать их будут с другой стороны дома, на улице Дружбы Народов, что каждый пусть поднимется к своей квартире и дождется, пока ее опечатают, а затем все должны собраться в указанном месте и ждать автобус.

– Скажите, а куда нас повезут? – спросил кто-то.

– Ваш дом, насколько мне известно, в Иванковский район. А некоторые микрорайоны – в Полесский...

– А в Киев сегодня уехать можно будет? – интересуется толстяк в спортивном костюме.

– Пожалуйста, у кого есть родственники или знакомые в Киеве, из Иванкова можете ехать к ним... Договоритесь с водителем своего автобуса, желающих он, думаю, подбросит до Киева... Есть еще вопросы?..

Вопросы были, но Ирина уже скрылась в подъезде. Как раз вовремя поднялась она к себе на второй этаж – соседнюю квартиру уже опечатали.

– Ваша? – спросил милиционер.

– Да.

И тот заклеил замочную скважину двери длинной бумажкой, на которой уже стояла дата, печать и подпись.

Ирина с Денисом выходят на Дружбу Народов, где уже скучились их соседи. Здесь же они видят Сашу Рахлина, солиста рок-группы, в красном парусиновом спортивном костюме с небольшой сумкой через плечо. Он живет в том же доме, двумя этажами выше.

– Ты тоже решил, что нас дня на три в палатках поселят? – шутливо спрашивает Ирина.

– Думал, так удобней. А теперь озадачен, – отвечает Саша и звонко хлопает протянутую ладонь Дениса. – Привет, Денька!..

– Ой, хорошо, что вы еще не уехали, – подбегает к ним Олег. – Я поеду с вами!.. Какая разница, дома-то рядом...

– Правильно, Олег! – по взрослому хлопает его по руке Денис. – Вместе веселее!..

– Ребята, вы слышали, что можно в Киев ехать сегодня? – спрашивает Ирина. – Но я так думаю, коль можно в Киев, то можно и дальше! Так что мы с Дениской едем к сестре в Белоруссию...

– А сколько все это продлится? – спрашивает Олег.

– Во всяком случае, до конца майских праздников наверняка! – предполагает Саша. – Давай, Олежа, и мы махнем к нашим на Урал?!

– Вот так, в спортивном костюме?! – усмехается Ирина.

– А что, – растерялся Саша, – ты думаешь, в самолет в спортивном не пустят?..

– Почему, – успокаивает она, – если все объяснить, думаю, должны пустить даже в шортах!..

– Успею я сбежать домой или нет? – мучительно вслух раздумывает Олег. – Надо же, натянул старые джинсы. Хоть бы с собой другие взял... А вдруг это надолго?!.

– Не знаю, – говорит Саша, – но мы с тобой третьего мая должны вернуться. У нас концерт четвертого. И его пока никто не отменял!..

– А может, сбежать? – уже чисто по-детски переспрашивает Олег.

Он, не смотря на свои 22 года, действительно, больше похож на подростка с широко распахнутыми, всегда удивленными глазами. Одним словом, романтическая натура.

– Беги, Олежек! Беги, – по-матерински отпускает его Ирина. – Если что, мы задержим автобус на пару минут...

– Ага! – обрадовалась Олег. – Я мигом!... – кричит он, убегая.

Вдоль улицы кучками ожидают своих автобусов жильцы разных домов. Но среди их соседей больше всего детей – на руках, в колясках и постарше, которые играют, смеются, режут. Аня дергает за плащ страдающую мать:

– Ма, де папицька? Ма!..

И когда мимо проезжает автобус, заполненный радостными лицами жильцов мужского общежития, Ирина вновь тихо возмущается:

– А говорили, детей будут вывозить первыми... Нам еще и не думают подавать автобус, а эти уже веселые покати... Как тебе это нравится?!

– Мужикам везде у нас дорога, – вяло пропев, отшутился Саша.

По тротуару к друзьям приближается, не видя их еще, Александр Деханов из драмкружка – в спектакле Ирины он играл Блока.

– Ты глянь, сам Александр Блок, собственной персоной, – шутит Ирина. – Гулять изволите?!.

– О, ребята, вы здесь?!. – бросается к ним Деханов. – Здорово, что я вас встретил!..

– Так, может, и ты с нами? – спрашивает Саша.

– Не, я к своим! Но мы еще обязательно встретимся!.. – он жарко прощается с ними и уже почти бегом удаляется.

Скоро к ним подкатил удобный "Лаз", потом еще один. В это время подбегает довольный Олег. И все быстро размещаются в автобусе.

Ирина с Олегом оказались на предпоследнем сидении, Ирина – с краю, Олег – у окна. Саша и Антонина с Аней впереди них. Денис и еще несколько ребятшек забрались на заднее сидение. Мест хватило всем.

Автобус едет по Дружбе Народов – мимо ожидающих людей; мимо поликлиники, во дворе которой необычное оживление; мимо постовых милиционеров в легкой, почти парадной форме и мимо тепло упакованных милиционеров на мотоциклах, на лицах которых – плотные респираторы. Все глаза жадно устремлены в окна. На пристани несколько человек в белых "лепестках" засыпают руками и лопатами песок в мешки. Чуть дальше – вертолет, в который погружают уже наполненные мешки.

– Смотри, тут еще песок грузят... А нам никто ничего не сказал, – удивляется кто-то впереди.

– Действительно! – дрогнувшим голосом восклицает худенький Олег. – Неужели мы бы не помогли?!.

Ирина до боли сжимает губы от обиды на всю эту неразбериху. Автобус проезжает мимо горкома, за которым очень хорошо видны несколько военных машин с радарными установками.

– Значит, прямая связь с Москвой у них есть, – говорит кто-то.

– Безусловно! Нас, конечно же, вывозят по распоряжению оттуда, – скрипит толстяк в спортивном костюме.

– Что-то долго ждать пришлось их распоряжения, – отозвалась все время молчавшая Антонина.

– Смотрите, БТРы!.. – слышится впереди.

– Танки, танки!.. – загалдела ребятня на заднем сидении.

– Ура, войнушка!.. – кричит Денис.

– Тра-та-та-та, – застрочили они из невидимых автоматов по БТРам и автобусу, идущему следом.

– Денис!.. – хотела, было одернуть детей Ирина, но Олег остановил ее:

– Не тронь! Пусть себе играют... Кто знает, что им еще предстоит?!..

И такая тоска, такое страдание вспыхнули в его всегда живых серых глазах, что мурашки побежали по спине Ирины. Господи! Неужели этот мальчик понимает и чувствует нечто большее, чем все они, влекомые какой-то неведомой силой неизвестно куда?!

Когда их "ЛАЗ", проехав по проспекту, выехал на кольцо и влился в непрерывный поток автобусов, движущихся к мосту, все ахнули. Ребята присвистнули.

– Вот это организация! – ахнул чей-то бас.

По мосту навстречу друг другу – вверх и вниз – ползли две плотные колонны автобусов – "Лазы", "Икарусы"... Часто попадались желтые сдвоенные "Икарусы" киевских маршрутов, особенно № 46, в котором Ирине часто случалось ездить к знакомым на Воскресенку.

Лица водителей уставшие и сосредоточенные.

Денис спрыгивает с заднего сидения и, вскочив на пустое боковое место у двери, высовывает голову в открытое окно.

– А в следующем автобусе песни поют, – громко сообщает он, смешно подпевая. – Все пройдет... и печаль и радость... Все пройдет... Ля-ля-ля-ля-ля... Все пройдет! Только верить надо, что любовь не проходит, нет...

– Все пляйдет...– подхватила маленькая Анюта.

Все смеются. Анечка смеется тоже и усердно трет нос и все личико пухленькой ручкой. Затем пристаёт к Саше, дергая его за замочек спортивной куртки:

– Дядя Саса... спой... де той медведь... Ну, спой!...

– У меня гитары нет, – выкручивается Саша.

– Денис, отойди от окна, – строго говорит Ирина.

– Ну, мам, так интересней!...

– Я кому сказала!...

Денис нехотя сползает на сидение, трет руками лицо. И, вскочив на ноги, с ходу запрыгивает на заднее сидение к мальчишкам, которые снова открывают "пальбу" по соседнему автобусу:

– Тра-та-та-та-та-та-та...

Автобус ползет вверх по мосту. Ирине показалось, что кожу на ее лице стянуло, стали сильно чесаться нос, щеки, глаза. И чем больше чешется и стягивает лицо, тем больше подставляет она его под теплую струю ветра, бьющую из открытой верхней фрамуги.

– Станция!... – послышалось впереди.

– Вот она...

Денис подбегает к Ирине:

– Мам, где-где станция? Покажи!..

– Вот, – выдохнула Ирина, показывая туда, где за лесом в пелене дыма, как будто в дымке, высилась виновница их необычного путешествия.

– Представляете, как сейчас встретят нас жители ближайших сел, – размышляет вслух Ирина, – особенно старушки! Перепугаются, бедные, увидев два непрерывных потока машин... И впрямь подумают, что война началась...

В ответ кто-то хохотнул, кто-то вздохнул.

Действительно, уже в Копачах по обе стороны дороги стояли перепуганные люди. Старушки крестились и крестили уходящие автобусы. Чуть отъехали от села и миновали его уголья, как все увидели колонны военных автомашин, притаившиеся в тени лесополосы, убегавшей стройными рядами в обе стороны от дороги. И вдруг поля с обеих сторон вспыхнули голубым цветом. Словно васильками, зацвели они войсками МВД, ожидающими отъезда последнего жителя Припяти, чтобы живую стеною окружить город и станцию, став первым временным ограждением будущей зоны.

Молодая женщина с девочкой лет пяти, подойдя к водителю, просит его остановить в Чернобыле.

– Нет, дорогая, там нельзя! До Иванкова без остановок велено!

– Да ты только притормози на секунду, и мы выскочим... Родители у меня там, понимаешь?! – умоляет она.

В Чернобыле, в указанном месте, водитель притормозил, женщина прыгнула, а девочку и вещи ей подал пожилой мужчина, сидевший ближе всех к выходу. Сзади сразу засигналили, и автобус поехал дальше. А пассажиры дружно оглянулись, провожая взглядами "первую ласточку", несущую весть о случившемся местным жителям, которые тут же бросились к ней, засыпая вопросами.

Автобус едет дальше. Аннушка устала и, как многие другие малыши, начинает капризничать:

– Мама, я пить хочу!...

– Потерпи. Где я тебе возьму?..

– Тоня, на! Дай ей молока! – протягивает пакет с молоком Ирина.

– Не, я водицьку хочу!.. Не хочу моляка!..

– Тонь, пусти ее сюда!.. Иди, Анюта, к Дениске, там интересней!

Анюта с удовольствием топает к мальчишкам на заднее сидение.

Только въехали в Иванков и замелькали первые домишки, как обе встречные колонны замерли, словно по мановению чьей-то руки.

– Ну что, пока остановились, пошли воду добывать?.. – предлагает Олег.

– Пошли, – соглашается Ирина. – Дениска, ребятки, сидите на местах!.. А мы вам воды принесем!..

– Ура!.. – провожает их ребятня.

До домов с этой стороны дороги очень далеко, потому они проскользнули между автобусами к другой стороне улицы и бросились к ближайшему двору, где стояли высокий мужчина в майке и рабочих брюках, худенькая женщина в цветастом платке и теплом вельветовом халате, и детишки – уже готовые выполнить любую их просьбу.

– Добрый день, – здороваются с ними Ирина. Олег кивает. – Водички детям дайте, пожалуйста!..

Женщина мигом исчезает в доме и возвращается с полным ведром воды и кружкой.

– Большое спасибо, – благодарят хозяев друзья, – мы сейчас же все вернем... Спасибо!.. – устремляются они в обратный путь между автобусами.

– Нэма за що!.. Бувайтэ здорови!.. – несутся им вдогонку тревожные голоса.

Подойдя к автобусу, они видят около него пассажиров, вышедших немного размяться. Все галдят, кто о чем.

– А ну, кто тут больше всех пить хотел, налетай!.. – радостно пропел Олег.

– Анюта, ты где? – позвала Ирина.

– Тута... – выныривает Анюта у ее ног.

– Пей, малышка! – протянул ей полную кружку Олег.

Та жадно пьет, обливаясь, в то время как остальные дети ринулись к ведру.

Саша, заметив кого-то, идет вдоль автобуса. Навстречу ему спешит откуда-то взявшийся Деханов. Они, остановившись в двух шагах и смешно покачиваясь, друг друга разглядывают.

– Слушай, друг, – дурачится Рахлин, – что-то лицо мне твое знакомо...

– И мне твое, кажется, знакомо!..

– Тебя как зовут?

– Александр. А тебя?

– И меня Александр!

– Тезка! Откуда же ты?

– Из Припяти!

– И я из Припяти!..

– Зем-ля-ки!!! – в один голос вопят они и бросаются друг другу в объятия. Затем, в обнимку, приближаются к "водопою".

– Я твою красную мантию издали заметил и бегом сюда... Привет, други! – жмет руки Ирине и Олегу Деханов. – Я же сказал, что скоро встретимся!..

– Откуда ты свалился? – спрашивает Олег.

– Вон из того "Икаруса"... Раз – два – три... пятый от вашей кареты.

– Смотри, так и отстать немудрено!..

– Ничего. Вот вы меня водицей угостите, и рвану к своим!..

– Ну, что, детвора, все напились? – спрашивает Олег и, не обнаружив желающих, протягивает кружку гостю.

Вдруг автобусы засигналили, взревели моторы. Саша, вернув кружку и махнув друзьям рукой на прощание, бросился к своему "Икарусу". Все заспешили по машинам.

Олег с Ириной растеряно переглянулись.

– Как вернуть ведро? – кричит сквозь рев машин Ирина добросердечным иванковцам.

В редкие просветы меж двинувшимися автобусами можно разглядеть, как хозяева ведра жестами показывают им – оставить ведро на той стороне улицы.

– Нэ турбуйтэсь!.. Хай соби там залышається!... – донесся с другой стороны зычный голос хозяина.

Ирина и Олег запрыгивают в гудящий автобус, который тут же рванул догонять чуть оторвавшуюся колонну, потянув за собой длинный хвост следующих за ним машин.

За Иванковым автобус, вслед за еще двумя, свернул вправо – в сторону села Обуховичи, куда, как оказалось, везли квартироваться наших эвакуантов. У села в остановившийся автобус вошла энергичная, взволнованная женщина-распорядительница, она же председатель сельсовета, в руках у которой были какие-то списки. Она показывает водителю, куда нужно ехать и где останавливаться.

У большого добротного дома, где первый раз затормозил автобус, стоят пожилой мужичок и толстуха в грязном переднике, хмуро и неприветливо глядя на свою председательшу, ведущую к ним сразу две семьи, у которых в сумме оказалось пятеро детей.

И дальше, почти всюду, также невесело и напряженно встречают местные жители непрошенных постояльцев. Лишь в некоторых хатах хозяева радушны. А из одной дед с бабкой и шустрим пареньком даже выбежали навстречу, помогая нести в дом нехитрые пожитки переселенцев.

Подходит очередь и до наших друзей. Оказалось, что Антонина тоже решила ехать с ними в Киев, к родственникам. Саша пошел к водителю договариваться о дальнейшем маршруте, а к ним подходит председатель.

– Запишите нас всех вместе, – просит Ирина.

– Сколько вас?..

– Четверо взрослых и двое детей...

Председатель записала, когда Саша уже возвратился от водителя.

– Ну, что? – встречает его Олег.

– В Киев он не может довезти, а до Иванкова согласился, говорит – оттуда можно рейсовым. Велел ждать у дома, куда нас определят, а он заберет еще нескольких желающих и минут через пять подъедет за нами...

Домик, куда их привела председатель, не велик и не мал, и удивительно аккуратен. В глубь двора ведет долгая аллея, вправо и влево от которой густо растут фруктовые деревья да зеленеющие кусты сирени. Здесь же гребутся куры. Молодая дородная женщина в легком платье без рукавов и с глубоким вырезом на пышной груди, стирает белье во дворе.

– Идите к ней. Скажите, что вас к ней распределили. А у меня еще дел невпроворот!.. – сказала председатель и, не простившись, удалилась.

Антонина с Аннушкой и Денисом остались на улице, а ребята с Ириной прошли по аллее во двор.

Хозяйка, увлеченная стиркой, заметила их не сразу. Но вот, подняв голову и мокрой обнаженной рукой придерживая волосы, разглядывает она пришельцев.

– Здравствуйте! – кланяется Саша. – Простите, но нас к вам распредели...

– Ах! – зарделась женщина. – День добрый!.. Господи, а я ж стирку затеяла... Ах ты, Божечки!.. Куда же я вас?! Вы втроем?..

– Нет. Четверо взрослых и двое детей, – ответил смущенный Олег, глядя на горы белья на скамье и под ней, на ушаты с горячей водой – стирка, действительно, была грандиозная.

– Божечки! Ай-ай-ай!.. Мне ведь и постелить-то нынче нечего – все в стирку собрала, – причитает хозяйка, вытирая руки.

Она уже намерилась пригласить их в дом, но Ирина останавливает озадаченную женщину:

– Не беспокойтесь!... Мы надеемся сегодня добраться до Киева... Если удастся, так уж не вернемся и не стесним вас... Ну, а если сегодня не выйдет, тогда мы только переночуем у вас как-нибудь, хоть на полу... Не беспокойтесь... У нас свои планы!..

– Это мы так, на всякий случай зашли к вам, вдруг до вечера из Иванкова не выберемся, как знать... Вы просто запомните нас... на всякий случай, – поддержал Ирину Олег.

– А! – облегченно вздыхает хозяйка. – Конечно, конечно... Пожалуйста, приходите! Что-нибудь придумаем с ночлегом... Конечно, что уж там... Приходите, пожалуйста!..

Они выходят на улицу, где уже ждет автобус, из окон которого машут им Аннушка и Денис.

В Иванкове у вокзала, прощаясь с водителем, Саша спрашивает:

– Сколько с нас, шеф?

– Да что ты?! Какие деньги!.. – сверкнул черными уставшими глазами водитель. – Вам еще пригодятся!.. Будьте здоровы!..

Они удивительно быстро купили билеты на киевский рейс. Был уже вечер, и только теперь они вспомнили, что целый день не ели.

У стоянки автобусов на скамье под открытым небом разложили они продукты – у кого что нашлось! А нашлось немало: хлеб, молоко, яйца, сметана, кусочки копченой колбасы и даже длинный свежий парниковый огурец. Так что все с аппетитом приступили к трапезе. Уставшие, голодные дети едят с особым удовольствием.

Киевский автовокзал "Полесье" встретил нечаянных путешественников уже густыми сумерками. Они гурьбой направляются на стоянку такси, где, на удивление, несмотря на огромную очередь, машин сегодня не меньше, чем людей. И поэтому очередь продвигается быстро. Подходящими такси ловко управляют два гаишника и диспетчер. Минут через десять они все забираются в одну машину.

– Куда? – спрашивает водитель.

– Сначала – железнодорожный вокзал, а потом – в Борисполь, – отвечает Саша.

– Ребята, на вокзале кто-нибудь выйдет со мной к телефону. Я попробую позвонить одному знакомому писателю, он мог бы помочь вам с билетами на самолет, – тихо говорит Ирина.

– Хорошо бы!.. – вздыхает Олег.

– Что там у вас стряслось? – спрашивает водитель. – Все наши машины гонят сейчас на "Полесский", а с утра снимали с рейсов автобусы... Жуть!..

– Авария на атомной, – неуверенно отвечает Олег.

– Серьезная?..

– Кто его знает... Во всяком случае, город весь вывезли, дня на три...

– Да! Просто так город не вывезут, – сам себе говорит водитель. – Значит серьезная...

Они едут по мирному вечернему Киеву. Антонина сидит впереди такая же молчаливая и подавленная, как и в автобусе. В глазах ее то и дело вспыхивают слезы, которые она вытирает укладкой.

На вокзале Тоня, простившись со всеми, медленно идет к метро, в одной руке держа чемодан, а другой – за ручку Анюту.

Машина еще раз останавливается недалеко от телефонной будки, к которой, выйдя из машины, направляются Ирина, Денис и Олег с их сумкой.

Ирина набирает номер:

– Алло! Борис Павлович?!.. Ох, слава Богу!.. Борис Павлович, вы ничего не слышали про наш город?.. Нет... Понимаете... как вам объяснить?!.. У нас авария случилась на станции позавчера... А сегодня вот весь город вывезли... Короче, я потом вам все объясню, а сейчас мне нужна ваша помощь... Что?.. Да... Спасибо!.. И ей тоже привет!.. Но сейчас, Борис Павлович, я прошу вас, помогите нашим ребятам из ансамбля улететь на Урал!.. Я уж не знаю как?!.. Их двое... Солисты – Саша и Олег... Вы их должны помнить!.. Когда вы приезжали к нам, вам всем их исполнение очень понравилось, помните?! – она достает из сумочки блокнот и ручку, пишет что-то, отрывает листок, протягивает Олегу. – Да... Хорошо!.. Спасибо!.. Они перезвонят уже из Борисполя!.. Да, да, конечно, я вам тоже позвоню, если не уеду... Всего доброго!.. Спасибо!.. – Ирина повесила трубку.

Олег обнимает ее и Дениса, бежит к машине, оттуда им машет рукою Саша.

– Сыночек, подожди меня здесь!.. Я узнаю, есть ли сегодня поезд к тете Наде? – говорит Ирина Денису и скрывается у здания вокзала. Мальчик растерянно смотрит на огни вокруг, на снующий мимо народ.

Ирина возвращается быстро.

– Все. Сегодня не едем!.. Наш поезд будет только завтра, – вздыхает она и начинает набирать по телефону разные номера. Безрезультатно. Она набирает последний:

– Борис Павлович! Да, я!.. Надумали!.. Больше нам некуда... Поезд только завтра... Хорошо... Едем... До встречи!..

– Пойдем! – взяв сумку, говорит она Денису.

И они направляются в метро.

Квартира Синчуков встретила их радушно и даже торжественно. Борис Павлович помог снять куртки. Людмила Александровна, блестящая дама неопределенного возраста, ласково поцеловала Ирину в щеку.

– Здрастуй, дорогэнька!.. Вжэ пизно, вы стомлэни, тож усь размовы лышымо на ранок!.. А зараз видпочываты!.. Я вам вже постэлыла ось тут, проходьтэ, – приглашает она их в гостиную – со вкусом обставленную комнату, которая, роскошная сама по себе, сегодня еще благоухала цветами, стоящими всюду в многочисленных вазах и даже в корзинах на полу.

– Господи!.. – вырвалось у Ирины. – Из пекла да в рай!..

– У Люси сьогодни була прэзьмера! – широко улыбается Борис Павлович.

– Поздравляю с успехом! – теперь уже Ирина целует Людмилу Александровну.

– Гайда, Бору!.. Не будэмо йим заважаты... Дэ ванна та усэ иншэ – розбэрэтэсь сами, сердэнько!.. А вранци я по своих каналах спробую арганізаваты квыткы... На які́й пойизд вам потрыбно?

– На Минский...

Утром Ирину разбудил телефонный звонок у прихожей. Людмила Александровна, прикрыв их дверь, снимает трубку.

– Так. Я слухаю... А, это ты, дорогой... Доброе-доброе!... Да, я просила, чтобы ты позвонил, как проспишь... Мне срочно нужны два билета на сегодня на Минский поезд – детский и взрослый... Да, угадал! Для приятельницы с сыном... Но это очень важно!... Они из Припяти, понимаешь... Слышал?! Ну вот... Это не телефонный разговор!.. Одним словом, думай-думай, – вполголоса, но твердо говорит она. – Да, перезвони... Буду ждать!..

В это время Ирина уже поднялась, оделась, разбудила Дениса и отправила его в туалет. Когда она собрала постель, телефон зазвонил опять.

– Ну?! – говорит Людмила Александровна, кивком здороваясь с Ириной, выходящей из комнаты. – Да что ты!.. Вот как!.. Понятно!.. Хорошо. Благодарю за хлопоты, голубчик!.. Целую...

Тут в прихожей появились Борис Павлович и вышедший из ванной Денис. Все смотрят на нее.

– Ну, що?! – встревожено спрашивает Борис Павлович. – Нэвжэ нічога нэ можна зробіты?!

– Навпакы, – растеряно и несколько загадочно отвечает та. – Нічога робыты нэ трэба... Фантастыка, та він сказав, що... "билеты можно купить свободно!.. Для припятчан открыли "зеленую улицу". Две кассы их обслуживает..." ...Здаецься, четвэрта й восьма... Там дызнаецься!.. Так що, дорогэнька, всэ добрэ!.. Боря вас видвэзэ, – с некоторым усилием улыбнулась она Ирине, и вновь тяжелая дума отпечаталась на ее милом личике.

На вокзале в огромной толпе они почти столкнулись с Валерой – оператором 3-го блока ЧАЭС.

– Боже мой, Валера! – Ирина с ужасом смотрит на изможденное лицо этого паренька, всегда свежего и подтянутого активиста клуба молодых специалистов. – Где Люба? Что с ней?.. Как малыш? Ты забрал их из роддома?!..

Валерий тяжело вздохнул:

– Вот только что отправил их к родителям....

– Ах, да!.. Борисе Павловичу, цэ наш Эфрон – в спектакле, помните?!.. А вообще-то он на 3-ем блоке работает...

– Що там на станции?.. Хоча б коротэнько.. Вы ж булы там?! – спрашивает Борис Павлович, горячо пожимая руку Валере.

– Ох, не спрашивайте!.. Четвертый реактор разворочен весь... Всюду воды радиоактивной!.. Работаем по колено в ней... А как Валерку Ходемчука искали... Ох-о-х-ох!.. Извини, Ирина, я побегу!.. В другой раз расскажу, простите!.. Мне на смену в ночь!.. Всего!.. – сверкнув воспаленными от усталости глазами, он скрылся в толпе.

Ирина подходит к 8-й, совершенно свободной, кассе и это при том, что к ближайшим кассам стоят длинные очереди. Она неуверенно спрашивает:

– Я могу взять у вас билеты на Минск?..

– Это касса спецобслуживания. Читайте!..

На самом деле над кассовым окошком прикреплено маленькое объявление о том, что касса обслуживает жителей Припяти.

– Но мы из Припяти!..

– Так с этого надо начинать. Сколько билетов?..

Пока Ирина покупает билеты, Борис Павлович с Денисом видят, как к ней пристраивается странный человек, прикрывая что-то рукой. Борис Павлович семенит к нему, старается заглянуть за плечо незнакомца, но тот быстро прячет какой-то прибор и исчезает в бесконечной очереди рядом. Когда же Ирина уже с билетами направляется к ним, вслед за нею у кассы появляется автополотер, управляемый работником вокзала в синей униформе. Почистив пол около кассы, автополотер движется за Ириной. Она удивленно оглядывается несколько раз.

– Никак это после меня?! – говорит она, подходя к Денису и Борису Павловичу.

– А колы ты квыткы брала, тэбэ замиряв якыйсь дывный субъект... Я хотив було зазырнуты у прылад, та цэй тып одразу наче кризь зэблю провалывся... Дывовыжа!.. – громко шепчет Борис Павлович в ответ.

– Да, забавно!..

~~~~~

... Невольная улыбка вновь отразилась на почти до неузнаваемости изменившемся лице Ирины, сидящей на сломанной скамье полупустой остановки. И в этот миг вдали показались три или четыре длинные желтые машины.

– Наконец-то!.. – воскликнул строгий гражданин, поднимаясь со скамьи.

Автобусы медленно приближаются и поочередно останавливаются. В первый Ирина даже не пытается пробиться, лишь растерянно смотрит на часы. Но во второй, не менее забитый, она все-таки втискивается.

Прижатая к заднему окну автобуса, Ирина, глядя на убегающие оживленные киевские улицы, вспоминает ...

~~~~~

... 4 мая 1986 года. Воскресенье. Странно опустевший после праздников Киев. Ирина и Денис решительно подходят к зданию ЦК КПУ. Но тут наперерез им с противоположной стороны улицы бросается человек в штатском:

– Вы куда? – преграждает он путь непрошеным посетителям.

– В ЦК!.. А вам что?..

– Туда нельзя! Вы по какому вопросу?

– Мы эвакуированные из Припяти... На праздники уезжали к родным... А сейчас вот хотим узнать, как нам быть дальше?!..

– Сегодня воскресенье, в ЦК все равно выходной, – оттесняет их все дальше от высоких парадных человек в штатском. – Придете завтра... В приемную... Она вон там!.. Вход со двора... Придете завтра и все узнаете!.. Но... в штанах туда нельзя!.. Так что приходите в другой одежде...

– А у меня другой нет!.. Без штанов прикажете?!..

– Тише... Спокойно, гражданка!.. Спокойно!..

– Но завтра учебный день... Что ж – сыну школу пропускать?!..

– Ничего, немного пропустит, не страшно!.. В вашей ситуации можно пропустить несколько дней... Все!.. До свидания!.. Идите, идите!.. – подталкивает их на тротуар человек в штатском.

В одной из центральных гостиниц Ирина с Денисом пытаются устроиться на ночлег. Администратор подписывает заполненный ордер и передает ее документы кассиру. Но та, обратив внимание на прописку в паспорте, спрашивает:

– А вы прошли санобработку?.. Вер, ты посмотри, они же из Припяти, – вернула она документы администратору.

– Какую санобработку?.. Где?.. Нам никто ничего не говорил, – удивляется Ирина.

– Ну, вот что... Вы сейчас поезжайте в областную больницу... Там вас проверят... И, если надо, пошлют на дезактивацию... А потом – приходите...

– Да вы не переживайте, – вмешалась администратор. – Места мы за вами оставим...

Долгий высокий свежий забор с тыла бани, временно превращенной в пункт дезаквационной обработки эвакуированного населения, охотно распахнул шершавую пасть калитки, принимая новую порцию пострадавших. Стоя в очереди, уже на крыльце, Ирина сокрушается вполголоса:

– Денечка, это же у нас всю одежду заберут, слышал?!.. И, наверное, даже новый Аленкин костюм, который тебе тетя Надя дала?.. А что выдадут, неизвестно... Что делать?..

Денис быстро находит выход:

– Мам, а если я спрячу сумку во дворе, вон за той свалкой?..

Ирина колеблется, потом отдает Денису сумку. Но едва он бросается осуществить таинственный замысел, она ловит его за руку:

– Да ладно! Не надо, сынок! Какая разница: заберут там или украдут здесь... Что будет – то и будет! – И, пригнувшись к сыну, заговорщицки подмигивает: – Ничего, прорвемся!..

Их пригласили внутрь бани, где в предбаннике долго замеряют длинными щупами дозиметров люди в черных робах, сетуя на то, что они-де поздно обратились в больницу.

– Вы так говорите, – негодует Ирина, – как будто у нас каждый день атомные станции взрываются!.. Мы и сегодня здесь оказались случайно... Если б не пришлось обратиться в гостиницу, так и не узнали бы, что существуют такие вот процедуры!..

Дозиметрист, измеряющий их в этот момент, подозревал другого:

– Иди, глянь – какой фон...

Тот заглянул в прибор, покачал головой и пробурчал:

– У грудничков еще больше. Те, как губка, вбирают в себя "грязь"...

Последнее слово убедило Ирину в том, что баня – это именно то, что так необходимо им теперь. Рядом в окошечке у нее забрали сумочку с документами и прочими мелочами. Затем провели в следующую комнату, где, под расписку, забрали все вещи. Потом раздели Дениса, описав одежду и сложив ее в мешок с биркой. А его, голенького, проглотила горячая сырость душевой.

Пока раздевали Ирину и других женщин, мальчики уже помылись.

Ирина брезгливо оглядела высокие грязные стены душевой, в которой было множество лишь слегка отгороженных друг от друга кабинок с необходимыми для "дезактивации" грубыми

мочалками и небольшими кусочками хозяйственного мыла. Ей вдруг показалось, что сквозь такие бани "прогонялись" когда-то узники концлагерей.

Ах, как не хочется ей мыть свои пышные длинные волосы этим вонючим скользким кусочком! Но ничего не поделаешь. Она быстренько принимает душ и спешит к выходу, чтобы опередить женщин и убедиться, что мальчики уже одеты и вышли.

– Эй! – крикнула она в дверную щель.

В ответ послышался мужской голос:

– Что, уже готовы?..

Из щели просунулась сложенная простыня. Ирина, облегченно вздохнув, обернулась в белое "сари" и, с уже знакомой странной веселостью, выпорхнула в еще одну большую комнату, где за столом у высокой стены сидел человек в белом, что-то записывая в "амбарную книгу". У противоположной стены на длинной скамье дрожали чуть прикрытые куцыми простынями мальчики, ожидая пока мужчины, первыми прошедшие это "чистилище", выберут себе одежду в соседней комнате.

Тут, почти следом за Ириной, из душевой выскочила обнаженная женщина, но Ирина, бросившись спасать целомудрие своего чада, закрыла ее собой и попросила, чтобы, пока мальчики не уйдут, та придержала в душевой остальных женщин.

Затем ее опять стал замерять дозиметрист, одетый теперь уже в белую робу. Человек за столом старательно записывает данные этих замеров в свою "книгу". Вдруг скрипнула дверь шумной "примерочной", и мужской голос спросил ее в спину:

– Сколько там еще женщин?

Ирина, стоя в простыне, с липкими, непромытыми волосами, босая, не ведающая, что ее ждет дальше (хоть бы документы вернули!), неожиданно для себя самой вдруг поглубевшим голосом с вызовом прохрипела:

– Штук восемь!..

Сразу повеселевший дозиметрист, маша над ее головой щупом дозиметра – будто благословляя, – дурашливо бавлячись пропел:

– Ну почему же – штук?!..

Мальчиков позвали в "примерочную", а Ирину пригласили к столу; где человек в белом вручил ей справку о санобработке сына и направление в больницу – оказалось, что ее фон значительно превышал "допустимый". (Теперь-то она знает из чудом уцелевшей справки сына, что его щитовидная железа излучала тогда 50 миллирентген, а печень и голова – по 25...).

– Вам нужно будет на том же автобусе вернуться в больницу, где вас замеряли в первый раз. Там вас и госпитализируют, – бесстрастно отчеканил сидящий за столом.

– Но, простите, я никак не могу сейчас лечь в больницу, – взмолилась она. – Во-первых, я прекрасно себя чувствую. А главное, куда я дену ребенка?!

Ирина нервно вышагивает взад-вперед по комнате, изучая врученные ей бумажки и бормоча при этом: "Ах ты, Господи!.. Этого мне только не хватало..." Нечаянно она спотыкается о прибор неведомого назначения, громоздящийся на полу. Но, не обратив на это внимания, восклицает в сторону стола:

– Понимаете, как назло, никому из знакомых в городе дозвониться не удалось... Нет, в больницу лечь я не могу!..

Тут она с возмущением замечает, что дозиметрист пристально рассматривает ее ноги. Она невольно и сама смотрит туда же. И, потрясенная, видит на правой ноге, от колена до стопы, на всю голень, огромный вздувшийся синяк (гематому). Ничего подобного Ирина никогда не видела. Но самое удивительное, что она совсем не чувствует боли.

Человек за столом, сокрушенно вздохнув, сказал:

– Как хотите... Для окружающих вы уже опасности не представляете... Но в больницу поехать должны!.. Хотя бы для того, чтобы получить необходимые рекомендации... А потом устраивайте сына, на здоровье...

Одетые в уцененные товары, даже без сменной одежды, они только к вечеру оказались в том помещении больницы, откуда их направляли в баню. Здесь, к радости Ирины, уже никому до них не было дела, ибо врач и сестры обмеряли друг друга. У них заканчивался трудовой день. Но рекомендацию эвакуанты все-таки получили, одну-единственную:

– Пейте йод, – сказал им дежурный врач, – сколько сможете... Капайте в воду, сок, чай... Только не в молоко...

Уже поздним вечером спускаются они в метро на площади Октябрьской революции.

– Только бы не встретить никого из знакомых теперь! – тихо бормочет Ирина то ли Денису, то ли закликает кого-то.

Боже мой! Еще утром она мечтала об этом. Но сейчас – в жалких одеждах, с непромытыми волосами – ни за что! И в этот миг они почти сталкиваются в метро с их давним знакомым – молодым киевским поэтом и художником Сережей.

– Ира! Дениска!.. – радостно восклицает он. – А мы с мамой сегодня весь день гадали, что с вами теперь, да где вы?!.

– Пока нигде!.. – смущенно отвечает Ирина. – Вот только что "чистилище" прошли...банное!..

– Ира!.. Это так удачно, что мы встретились теперь!.. Я ведь на поезд сейчас – на сессию собрался!.. Вот тебе ключ!.. Живите пока у меня!.. Я маме позвоню, она вас навещать будет!.. – почти захлебывается от счастливой возможности помочь пострадавшим Сережа.

Так Ирина с Денисом нашли приют, хотя бы на несколько дней.

Звонок. Ирина, на правах временной хозяйки, открывает дверь Сережиной квартиры. На пороге стоит измученная Софья. Лицо ее за несколько дней разлуки осунулось и посерело. Но зеленые глаза сияют тихой радостью.

– Здорово!.. Слава Богу, что вчера додумалась позвонить в редакцию наших шефов!.. Там подсказали, где вас искать, – гудит хрючком она, вваливаясь через порог в объятия Ирины.

Некоторое время подруги стоят обнявшись. Слезы душат обеих. Первой справилась с собой Софья и, оторвавшись, проходит в комнату, осматривая оригинальное и все-таки холостяцкое жилье Сергея.

– Считай, что нам повезло, прекрасное логово!.. Хотя дней несколько можно будет передохнуть, а?..

– Конечно! Я же тебе объясняла по телефону, что Сергей уехал на сессию и на это время дал нам ключ...

– Хорошо!.. О, Денька, привет!.. – здоровается Софья с Денисом, который так увлекся чтением приключенческого романа из Сережиной библиотеки, что даже не заметил прихода гости.

Софья, потрепав его шевелюру, сладостно опускается в мягкое кресло рядом с ним.

– Трудно было в аэропорту? – интересуется Ирина.

– Хреновато!.. У матери за три дня – несколько сердечных приступов... Девчонки уставшие, голодные... А там такое столпотворение!.. Не передать!.. Одно слово, война!.. Но, слава Богу, улетели!.. Правда, Сибирь – это на выход!..

– Завтра поедем с тобой в Полесское... Там сейчас все наши... Вот и узнаем, что делать дальше, и как быть с детьми?! Ох, прости!.. Ты же голодна, конечно?..

– Аки волк!.. И курить хоцца – уши пухнут!..

Ирина жестом увлекает Софью на кухню.

– Ты посмотри, что там есть поесть – в холодильнике, а я поищу сигареты...

Софья, открыв холодильник, взывает:

– Ах вы, буржуи!.. Да у вас тут харчи царские!.. Ой-ой-ой-ой-ой! – это она достала крохотную баночку с черной икрой.

– Представь себе, вчера, в мое отсутствие, приезжала Сережина мама и привезла все это... Да еще, зная, что денег я ни за что не возьму, она, так ненавязчиво, оставила на столе десятку...

– Вот видишь, – уже жуя, вздыхает Софья, – слава Богу, мир не без добрых людей!.. Ой, совсем забыла, – метнулась она в прихожую. – Смотри, что я приобрела по дороге, – достает она из сумки бутылку каберне. – Да не кривись ты!.. Еще пару дней назад за таким дефицитом нужно было

пятикилометровую очередь выстоять, а сейчас на каждом углу продают... Сама удивилась!.. Говорят, радиацию выводит... Может, и впрямь выводит?!.

~~~~~

... Живой поток выносит Ирину из автобуса и заносит на платформу станции метро "Дарница", и дальше – в вагон подошедшего поезда. Несмотря на то, что вагон переполнен, почти все его пассажиры, и сидящие и даже стоящие на одной ноге, что-то читают. В основном это толстые журналы и газеты – московская "Литературка" и наша "Літературна Україна", "Комсомольское знамя" и т.п., но немало людей не ленятся возить с собой и "на ходу" читать объемные издания некогда диссидентской литературы. Наконец-то гласность, декларированная Горбачевым, на самом деле прорвала многие цензурные запреты, а изголодавшийся люд буквально сметает в газетных киосках и книжных магазинах каждую новую порцию свежего правдивого слова. Так что теперь "советский народ", действительно, можно назвать самым читающим в мире.

Ирина выходит на станции метро "Площадь Октябрьской Революции". Идет по подземному переходу, где пестрит разнообразием вольница грядущих перемен. Здесь бойко торгуют "желтой" прессой и сомнительной литературой. Вот задушевно поет кобзарь, а рядом расположились пропагандисты Народного Руха Украины. Дальше – лагерь художников-портретистов, недалеко от которых собрал значительную толпу бард-сатирик. Одним словом, теперь здесь, прежде всего, собираются те, кто в числе первых начал "по капле выдавливать из себя раба".

Ирина проходит вдоль "Площади Октябрьской Революции", где спорят, гудят борцы за демократию и вильну Украину с сине-желтыми флагами, которых нарочито-бесстрастно охраняют омоновцы. Медленно поднимается по улице Октябрьской Революции, мимо возвышающегося на холме Октябрьского дворца, в котором до Чернобыля она бывала не раз на конференциях и семинарах культработников, но только недавно, узнав о зверствах КГБшников, замучивших в его подвалах тысячи невинных душ, Ирина поняла, отчего ей всегда было как-то зябко и неудобно в этом изящном здании.

Вновь зябко поежившись, она еще раз глянула наверх. Заметив на примыкающей к дворцу глухой улочке притаившиеся грузовики и автобусы со спящими бойцами войск МВД, в любой момент готовыми к приказу о подавлении разгулявшейся киевской вольницы, она вновь окунается в прошлое ...

~~~~~

... Оставив Дениса в Сережиной квартире, подруги выходят из высотного дома в новом столичном микрорайоне. Они спешат на Полесский автовокзал. Киев еще спокойно спит. Вот неторопливо едут навстречу друг другу две поливальные машины, тщательно моют дорогу. Ирина обращает внимание на небольшое здание почты на противоположной стороне улицы, над которым с ночи еще светится фраза: "ХАЙ ЖИВЕ МАРКСИЗМ-ЛЕНІНІЗМ!"

– Слушай, Софья! Как ты думаешь, – с горькой иронией глядя на этот "свет", говорит Ирина, – с этим "ХАЕМ" не будет того же, что и с нашим "ХАЙ БУДЕ АТОМ РОБІТНИКОМ, А НЕ СОЛДАТОМ"?!

Обе смеются и бегут к подошедшему троллейбусу.

Автовокзал встретил их огромными очередями у касс и гулом сотен голосов, когда до отправления автобуса в Полесское осталось около получаса. Они встают в хвост одной из очередей. Пожилая женщина, протискиваясь к выходу, вдруг замечает Ирину и радостно бросается к ней. Это вахтер ДК – баба Паша.

– Ирочка! Доченька! Господи!.. – обнимает она Ирину, тоже взволнованную внезапной встречей.

Вот ведь как, стоило случиться беде, и все припятчано, даже те, с кем ты едва был знаком, вдруг стали не просто дорогими тебе земляками, а почти родственниками! И баба Паша, родная душа, не скрывая слез, то прижимается к Ирине, то отодвигается, чтобы еще раз убедиться, что не ошиблась.

– Ирочка, да что же теперь с нами будет?! – громко всхлипывает она. – Ведь никому же мы не нужны оказались! Вышвырнули всех на улицу – и живи, как знаешь!..

– Ну, что вы, что вы?!.. Все как-нибудь образуется!.. – успокаивает ее Ирина. – Но где же вы сейчас, баба Паша?..

– Я-то в Киеве, у сестры пока остановилась... Ой, дочка!.. Ты запиши-ка телефон ее, на всякий случай...

Она достала записную книжку и открыла нужную страницу. Ирина пишет. Софья несколько отстраненно тяжелым взглядом наблюдает за горькой встречей.

– Да, я – у сестры... Но, если честно, даже у родных тяжело быть, когда у тебя ни кола, ни двора, ни копейки своей... Нет, никому мы теперь не нужны!.. – вздыхает баба Паша. – А вы, девчата, напрасно встали в очередь, билетов давно уже нет, я-то взяла себе на завтра... А вам, если срочно нужно ехать, проще без билетов... Забирайтесь в автобус, да и поезжайте... Они нынче тут не шибко строги!.. Народ-то в Полесское теперь каждый день тыщами едет... Вот как оно повернулось!.. Кругом мир, а для нас – война!..

– Спасибо, баб Паш, за совет!.. Мы так и сделаем, – ласково басит Софья.

И они втроем протискиваются к выходу.

Простившись с бабой Пашей, подруги спешат в нужный автобус. Как ни странно, но в него еще можно было забраться, и даже оказалось свободным боковое место подле водителя. Софья, не долго думая, опустилась в это кресло, а Ирину усадила к себе на колени. В это время, уже проверив билеты у сидящих и стоящих пассажиров, к ним протискивается контролер.

– Ваши билеты? – нехотя попросил он.

Ирина растерялась. Но Софья тут же отпарировала:

– А мой билет у мужа!.. Вы, должно быть, уже проверили, вон он – на заднем сидении, машет вам, смотрите!..

Контролер оглянулся на плотно стоящих в проходе пассажиров и, уже сдавшись, лишь для порядка спросил Ирину:

– А ваш билет?..

– Ну, какой билет, командир?.. Что вы?! – перебила его Софья. – Разве не видите?.. Это ведь мой ребенок...

Контролер иронично посмотрел на Ирину, которая была на голову выше подруги, но ничего не сказал. Лишь, покачивая головой, поспешил прочь из автобуса.

– А если бы он нас высадил?! – вздохнула Ирина.

– Ну и что?! Риск – благородное дело!.. Зато теперь мы – на коне, – возбужденно басит Софья.

Водитель уже завел мотор, а в окно снаружи стали отчаянно барабанить. Оглянувшись, подруги увидели подпрыгивающего и размахивающего руками припятского врача психотерапевта, который был к тому же активистом драмкружка, библиофилом, фотолюбителем и еще кем только он ни был в их родном городе.

Ирина высунулась в открытую еще дверь.

– Вячеслав Валерьянович, где вы?.. – старается перекрыть гул мотора она.

– Ирина Михайловна, Софья Петровна!.. Дорогие мои!.. Какое счастье, что я заметил вас!.. – кричит тот. – Держите! – Он достает из большой полупустой сумки огромный грейпфрут и с помощью впереди стоящих передает Ирине.

– Где вы теперь? – кричит Ирина.

– Я – в "Сказочном" работаю. Там сейчас живут станционники-вахтовики. Вы будете там?..

– Думаю, да, – отвечает Ирина.

– Обязательно будем, – басит Софья.

– Вот там и встретимся!...

Двери закрываются, а врач-активист все еще кричит им в окно:

– Ирина Михайловна, я новые стихи и песни написал про нас всех... Вот смотрите!..

Раскрыв свой блокнот и плотно прижав его к стеклу, он несколько секунд еще бежит за тронувшимся автобусом. "Разлетелся блока остров. Над ЧАЭС вершится суд. Город думает, что просто там учения идут..." – умудряется даже прочесть строфу из блокнота Софья.

Врач отстает от автобуса, но еще некоторое время бежит следом, маша блокнотом удаляющимся подругам.

Тем временем они оказались в центре внимания возбужденных пассажиров, среди которых немало припятчан. А Софью с Ириной в городе знали многие. Вот и сейчас к ним пробирается высокий подтянутый мужчина средних лет с серым лицом и опустошенным взглядом.

– Софья Петровна, здравствуйте!.. Как хорошо, что я вас встретил!.. Здравствуйте, Ирина!.. Как говорят, тесны дороженьки военные!..

– Боже мой, Алеша! – Софья, подняв Ирину, усадила ее на свое место, а сама примостилась на небольшой выступ у кабины водителя, лицом к пассажирам, спиной к дороге, льющейся под колеса. – Ир, ты знаешь, это Алексей из химцеха?.. Мы когда-то выступали у них, помнишь?..

Ирина протянула Алексею руку.

– Ну, что там?.. Рассказывай, – просит Софья.

– Вам, конечно, надо было бы обо всем рассказать!.. Да разве об этом расскажешь?! Я вот вам, когда приедете в "Сказочный", покажу дневник ребят пятой смены. Оказывается, они многое предчувствовали и писали об этом... Странно, но ведь многие предчувствовали беду тогда... Да и потом больше было чувств, чем информации, – вздыхает он, и, глядя на струящуюся дорогу впереди, продолжает. – Наша смена заступала в ночь на 27-е. Так мы, узнав о случившемся, решили, чтобы не дергаться потом на работе, отправить свои семьи из города – от греха подальше... Но объяснить женам мы ничего не могли... Так и отправляли, якобы на пару дней к родственникам... Моих и еще несколько семей посадили на электричку черниговскую... А вот жену и дочь Степана мы на моей машине отвезли в Шепеличи к его родителям. Я, значит, жду у дома, пока он там, у ворот, простится с ними... И вдруг она заголосила, да так дико и страшно, так утробно, что мороз пошел по коже!.. Он бросился в машину, кричит мне: "Поехали!". А у самого – слезы по щекам!.. Я ему: "Ты что, дурень, ей про аварию сказал?". А он: "Нет, – говорит, – ничего я ей не сказал! Одно только, чтобы в выходной у матери были, и все!.. Сердце ей подсказало, не видишь что ли?!". А вслед машине еще долго неся этот крик истощный!.. До сих пор слышу его!.. Так, наверное, бабы во время войны голосили!..

Рассказ Алексея тягостным молчанием придавил слышавших его, Ирина сидит, оцепенев. А навстречу автобусу пробуждается киевское Полесье, могучие сосны отряхивают с ветвей утреннюю росу, расправляют свой богатый весенний наряд березы и клены.

Софья наклоняется к сумке, вынимает бутылку с водой, ловко открывает и протягивает Алексею.

– Выпей, Алеша!..

Тут многие ощутили жажду. День начинался жаркий, и в переполненном салоне автобуса было очень душно.

– Хлопцы! Кто еще водички хочет?! – обратилась Софья к близстоящим.

Бутылка пошла по кругу. Ирина очистила грейпфрут и, разделив его на дольки, первую тоже протянула Алеше, а остальные раздает окружающим. Софья берет у нее дольку и протягивает водителю:

– Спасибо, – благодарит тот, с удовольствием поглощая кусочек освежающего фрукта.

– Ты ж только нас живьем довези, браток! – просит Софья.

– Довезет!.. После такого подарка, куда он денется, – послышалось из толпы.

– Ой, девчата, – тоже решил разрядить обстановку пожилой полноватый мужичок, – Вам теперь хорошо!.. Вы теперь сразу несколько человек можете брать в мужья... Представляете, один по

магазинам бегают, другой за порядком в доме следит, третий – детей воспитывает, и так далее, и так далее... Вы нас только погладите иногда, и то счастье!.. Ей-Богу!..

– Это почему же?.. – удивляется Софья.

– Та вы що, з Луны звалылыся?! Не розумиетэ?.. Та вже стильки анекдотів ходять про цю. Нє чулы?! – включился в разговор стоящий рядом чернявый хлопец.

– Вот хотя бы такой, – вмешался еще один пассажир. – "Запорожець – не машина, припятчанин – не мужчина!.."

По автобусу прокатился смешок. Женский голос издала подхватил тему:

– Пепси-кола – не фиеста, припятчанка – не невеста!..

Новая волна смеха. И пошел автобус гудеть на разные голоса.

– Правда, что ли? – вполне серьезно спрашивает Софья у Алексея тихонько.

– Да кто его знает?! – отвечает Алексей. – Ходит такой слушок. Во всяком случае, многие не теряют времени зря... В моей смене паренек работает – пацан совсем, 18 лет... Так мы его на станцию не берем, зачем ему эта "грязь"?!. У него еще вся жизнь впереди!.. А он дулся на нас, ругался, просился... А однажды взял да и укатил с другой сменой в ночь, не просясь... Мы только поздно вечером его хватились – давай искать вокруг лагеря... Вы же знаете, какая там красота!.. Лес какой чудесный!.. Плевать, что радиоактивный теперь!.. Весна ж все-таки!.. Воздух – хмель!.. Так вот, ищем мы его, значит, и вдруг на парочку натыкаемся, прямо в лесу... Фон вокруг сумасшедший, а у них – любовь...

– Да, весна свое берет! – отозвался кто-то.

– А що! – громко подхватил чернявый хлопец. – Украинци – горда нація, нам до фэни радіація!..

Автобус вновь содрогнулся от хохота. Теперь галдеж в салоне достиг того максимального накала, когда трудно расслышать даже говорящего рядом.

– Смотри! – дергает Софью за руку Ирина. – Вороны на полях какие жирные!..

– Да, пищи у них теперь вдосталь, – говорит Алексей, глядя на упитанных птиц, лениво шагающих по зеленым всходам.

По обочинам дороги то и дело возникают таблички со знаком радиоактивности и надписью: "На обочину не съезжать, опасно!".

– А это что же? – спрашивает Ирина, показывая на белый поток, текущий по дороге, – цистерну с молоком опрокинули, что ли?..

– Нет, это машины моют... дезраствором, – объясняет Алексей.

– Вот так он и льется по дороге рекой молочной?! – восклицает Ирина.

– Ага, только берегов кисельных не хватает, – обернувшись вполоборота к окну, горько иронизирует Софья.

Автобус, наконец, въезжает в черту небольшого районного городка Полесское. Замелькали дома, женщины, работающие на приусадебных участках. Редкие колодцы, попадающиеся на пути, обтянуты целлофаном. Целлофаном же затянуты окна небольшого хлебозавода.

– Ничего не понимаю! – возмущается Ирина, – Как же так, Киев ежедневно моют... Объявили уже, чтобы люди меньше гуляли на улицах... А тут бабы в земле ковыряются, и никто ни гу-гу?!.

– Это что!.. Вам здесь еще многому удивляться придется, – говорит Алексей. – Например, тому, что здесь, где столько люду, работающего в "грязной зоне", на всех – одна полевая баня-коптилка, да и та работает лишь несколько часов в день и то, когда нет перебоев с водой...

– Вы смотрите, дорогие, смотрите, – сказал вдруг всю дорогу молчавший вахтовик. – Да про все это напишите потом... Кому ж, как не вам, писать об этом!.. А то вся эта газетная и телевизионная трескотня у всех уже комом в горле!..

– Точно!.. На газеты здесь давно у всех аллергия. А программу "Время" принципиально выключаем, когда она про Чернобыль брехать начинает, – поддержал его другой "ликвидатор".

– Да, всюду одна брехня, до тошноты, до рези в печени!.. – отозвался третий.

Автобус остановился. Пассажиры покидают его, разминая затекшие суставы. Подруги попрощались с попутчиками и направились в центр городка, где, как им сказали, разместился эвакуштаб.

На перекрестке они долгим взглядом провожают грузовик, везущий солдат-новобранцев. С понуро опущенными головами едут эти совсем еще мальчики в неизвестность. И те из них, что увидели молодых женщин у дороги, не улыбнулись им, как это бывает обычно, тяжелыми и обреченными были эти взгляды. Подруги переглянулись, вздохнули. И двинулись через перекресток, в центре которого стоит в сером солдатском одеянии постовой-регулировщик. И вдруг Софья, встрепенувшись, громко скомандовала Ирине:

– Внимание!.. Во фронт!.. Равнение на постового!.. Шагом... арш!.. Ать-два... Левой!..

И подруги, "взяв под козырек", зашагали в ногу, повернув головы в сторону постового, чем очень обескуражили его.

– Девчата, вы чего?!.

– А ничего!.. Мы просто "эвакуеванные"!.. Не обращай внимания, служивый!.. Будь здоров!.. – уже с тротуара примирительно прогудела майским хрущом Софья.

И они, смеясь, почти бегом поспешили дальше. Но уже через секунду их лица вновь посуровели. Подруги всматриваются в военный облик шумного ныне городка, по дорогам которого, среди прочего транспорта, нередки БТРы и другие военные машины, а на улицах то тут, то там мелькают защитные робы – белые, синие, серые, черные.

Они проходят мимо больницы, перед которой несколько человек в белых шароварах, белых халатах и шапочках зачем-то косят еще не высокую траву. Собственно, косит один. Остальные стоят, опершись на рукояти своих кос, лезвия которых смешно и вместе с тем зловеще высются над их головами.

– Да!.. Врачи с косами... Тебе это ничего не напоминает?.. – спрашивает Ирина подругу.

– Типун тебе на язык!.. Но ты права, уж лучше бы они занимались своим делом!..

Тут им путь перегородил человек в белом и попросил пройти во двор больницы, где под раскидистым кленом разместился дозконтроль.

Дозиметрист, измеряющий Ирину, сладострастным взглядом обвел ее фигуру и, как бы невзначай, чуть обнял за талию.

– Руки!.. – тихо, но жестко сказала ему Ирина, резко убирая руку нахала.

– Ох, какие мы недотроги!.. – зло прошипел тот. – К нам сюда другие бабенки приезжают...

– Бабенки приезжают к вам, а мы – к себе приехали!.. – отрезала Ирина и пошла прочь. За ней поспешила и Софья.

Штаб по эвакуации разместился в здании горкома партии. Подруги вошли в комнату, на дверях которой приколотая картонная табличка ДК "Энергетик". Навстречу им из-за стола в центре комнаты поднялся похудевший и оттого еще более долговязый директор ДК.

– О, какие люди к нам!.. Милости просим!..

Софья, поздоровавшись с ним, обращается к Ирине:

– Ну, ладно, мать! Ты тут разбирайся, а я пойду своих шукать!.. Встретимся у выхода через полчаса...

Она уходит.

– Проходите, Ирина Михайловна! – приглашает директор, вновь устроившись за своим столом. – Будьте, как дома... Но вначале я бы посоветовал вам пройти в бухгалтерию – третья дверь направо – и получить подъемные... А все остальное я вам позже объясню...

– Подъемные?!.. Это как раз очень кстати!.. И сколько?

– 15 рублей, – слегка смутившись, ответил директор. – Но скоро вы сможете получить апрельскую зарплату...

– 15 рублей?.. Грандиозно! Мы с сыном за такие большие деньги непременно поднимемся!..

– Где-то еще "Красный крест" выдает по 50 рублей, – оправдывается директор. – Но не знаю – где именно... Я еще не получил...

– Слышали анекдот по этому поводу? – отозвался какой-то человек, до сих пор незамеченным сидевший в углу за еще одним столом, заваленным бумагами. – "Красный крест" выделил помощь потерпевшим чернобыльцам – 150 ре: 50 – наличными, остальное – рентгенами!.. Га-га, га-га... – разразился он неожиданно зычным смехом.

– Целый день сегодня анекдоты слышу, – покосилась в угол Ирина.

– На войне, как на войне!.. Юмор и бравада – защитная реакция организма в критической ситуации, – ответили ей из угла.

– Это... из профсоюза ЧАЭС, – пояснил директор ДК. – Комнат, видишь ли, не хватает... А что, сына вы разве нигде не определили еще?!..

– Когда?.. И куда я его могла определить?!.

– Вообще-то детей припятских на лето отправляют в пионерлагеря. Но пока вы могли бы устроить своего в "Рассвет"...

– Это на юге?..

– Вы почти угадали!.. Это в Кичеево, от Киева 15 минут электричкой... Не юг, но зато как удобно – совсем рядышком!.. – иронично прокомментировал человек в углу.

– Но это временно!.. – нервно прервал его директор. – Да!.. Это ненадолго... Оттуда детей непременно отправят на юг!..

– Когда? – спрашивает Ирина, уже направляясь в бухгалтерию.

– Трудно сказать... – начал было директор, но дверь широко распахнулась, и в комнату входит группа уставших людей в белых робах.

Среди них Ирина радостно узнает НикНика, Василия, их жен – Ольгу и Нину, и еще Игорька из дискотеки. Они тоже заулыбались, увидав Ирину, и, поочередно, крепко обнимают ее.

– Вася!.. – восклицает Ирина, здороваясь с ним. – Вот уж никогда не думала увидеть тебя в бороде и усах!.. Что с тобой, дорогой?!..

– Это он слово дал – не бриться, пока не вернемся в Припять!.. – пояснил НикНик, поправляя очки.

– Боюсь, что ты, Вася, скорее в снежного человека превратишься! – вздыхает Ирина.

– А я, видишь ли, не исправимый оптимист!.. Неужели ты до сих пор не поняла?!.

Все шумно размещаются на стульях, стоящих вдоль стены, разглядывая еще цивильную одежду Ирины.

– Виталий Виссарионович, а где у нас обмундирование?.. Ирине ведь тоже положено!.. А то она как-то не вписывается в военный интерьер, – говорит НикНик.

– В клубе возьмете!.. Однако рассказывайте, что выездили сегодня?!.

– За весь день – две женщины и четыре ребенка!.. Вот и весь урожай, – ответила Нина.

– Это уже хорошо! – вздохнул директор. – Вот видите, Ирина Михайловна, не желают люди оставлять свои дома. Не верят, что опасно...

– Откуда же людям знать, что опасно?! – хитро прищурившись, говорит Василий. – Ведь, как совершенно справедливо пишет наша правдивая "Правда", "радиация не имеет ни цвета, ни вкуса, ни запаха..."

– Вы забыли упомянуть, молодой человек, о чем дальше пишет стославный спецкор, – опять вмешался в разговор человек из угла. – Вот послушайте: "Мы подъехали на БТРе прямо к разрушенному реактору, и можем твердо сказать, что никакой радиации там уже нет..." – патетично прочитал он и опять хохотнул.

– А!.. Должно быть, они ее на зуб пробовали, – поддержала его Ирина. – Ребята, возьмите меня и Софью завтра с собою?!

– Куда?

– В Припять!.. Куда же еще?!

– В Припять?! – повторил Василий. – В Припять мы и сами мечтаем съездить!..

– Это мы по селам людей собираем, – поясняет НикНик. – А в Припять вы с Софьей можете легко пропуск получить у нашей доблестной милиции... Вам они обязательно дадут!..

– Только пропуск берите на всех!.. Машина – наша, пропуск – ваш, идет? – шутя торгуется Василий.

– А сегодня вечером мы берем вас с собою в "Сказочный"... Только с условием, что выступите там!..

– Выступить-то можно... Почему нет, если это только кому-нибудь нужно теперь, – вздыхает Ирина.

НикНик, присев у ног Ирины, берет ее руки в свои и, глядя ей прямо в глаза, очень серьезно говорит:

– Ирочка, голубушка! Ей-богу, нужно!.. Еще как нужно!.. Особенно нашим... Вас ведь многие знают... А теперь все припятское здесь – ох, как дорого, поверь!..

Вечереет. Серенький микроавтобус подкатил к странному сооружению с вывеской: "Пункт по дезактивации автотранспорта", в салон заглянул военный и, отдав честь, чуть слышно глухим осипшим голосом, едва выговорил положенную фразу:

– Вы въезжаете в зону жесткого контроля... Кхе-кхе... Пропуск пожалуйста!.. Кхе-кхе...

Василий, сидящий впереди, протянул ему пропуск на всю культбригаду, едущую в "Сказочный". Военный обвел пассажиров нетребовательным взглядом:

– Хорошо! Кхе-кхе... кхе-кхе-кхе... – закашлялся он, и еще раз обведя салон грустным взглядом, почти по-отечески добавил. – Берегите себя, пожалуйста!..

Отдав честь, военный захлопнул дверцу машины. Все облегченно вздохнули, и Софья, облаченная уже, как и Ирина, в белую робу, вдруг гаркнула:

– Братцы! Помирать, так с музыкой что ли?! А ну, давай – запевай!.. – И сама, первая, затянула:

Отгремели песни нашего полка.

Отзвенели звонкие копыта...

Василий и НикНик подхватили перефразированную песню Булата Окуджавы, делая акцент на первом слове:

Стронцием пробито днище котелка.

Припятчанка юная убита... – запели остальные.

Микроавтобус катит по лесной дороге. Справа на небольшой поляне показалось одно из "кладбищ" машин, где скучились старые и новые грузовики, "скорые", "пожарные", разноцветные "москвичи", "жигули", черные "волги", бетономешалки и даже один БТР. Друзья, взволнованные этим зрелищем, продолжают петь с еще большим воодушевлением:

Нас осталось мало: мы да наша боль.

Нас немного и врагов немного...

Живы мы покуда, припятская голь,

а погибнем – райская дорога...

Машина останавливается у входа в бывший пионерлагерь "Сказочный", расположенный и впрямь в сказочном месте. Почти все они работали здесь в летнее время или просто приезжали с концертами для детей, здесь же каждое лето отдыхали их дети. Сейчас вход в лагерь перекрыт воротами из колючей проволоки, у которых стоит военный патруль.

Культбригада шагает по узкой аллее между рослыми соснами. Слева от них крохотное, наспех сколоченное строение, обтянутое целлофаном, с единственным окном на аллею. Сбоку, у подбоя дверей, толпятся уставшие люди в белых одеждах.

– Это смена вернулась со станции, – объясняет Ирине Василий.

Ирина заглядывает внутрь, где с одной стороны на зацеллофаненной земле лежат груды чистой одежды, а с другой – еще большие груды грязной. Здесь же несколько человек неспешно переодеваются.

Ирина догоняет своих, к которым уже присоединились председатель профкома ЧАЭС Линкин и общественный культорганизатор, инженер Александр Алтунин. Увидев Ирину, они жарко и долго жмут ей руку.

– Очень рад вашему приезду! – говорит Алтунин. – Я уже объяснил Софье Петровне, что до начала культурной программы и дискотеки еще больше часа... Так что я с удовольствием буду вашим гидом по "Сказочному"!..

И он повел гостей в один из спальных корпусов детского лагеря, где теперь людно и душно. В комнатах, рассчитанных на четыре кровати, стоят почти вплотную по 8-10 раскладушек. На многих уже спят, прямо в одежде поверх одеяла, вернувшиеся после тринадцатичасовой смены. В углу комнаты, куда они заглянули, на полу сидят несколько вахтовиков, один из которых, играя на гитаре, поет перефразированный местным бардом Владимиром Шовкошитным блатной шлягер:

Мы мирный атом все же одолеем.

Коварен враг, но будет он разбит.

И не беда, что Дмитрий Менделеев

с таблицей вместе в печени сидит.

И не беда, что Дмитрий Менделеев

с таблицей вместе в печени сидит.

Ты прикажи, страна, и я не струшу –

войду в огонь, остановлю потоп..

Ведь мне не пять окладов греет душу, –

урана тридцать пятый изотоп.

Ведь мне не пять окладов греет душу,

а двести тридцать пятый изотоп.

Богатыри мы все – герои даже,

пока нам платят бешеный процент.

А перестанут, женушки нам скажут:

"Ты не герой – дурак-интеллигент!.. "

А перестанут – женушки нам скажут:

"Ты не герой – дурак и импотент!.. "

А мы на почки бэры принимаем,

На каждую из них – десятки бэр!

И этим самым Родину спасаем,

Великую страну СССР.

И этим самым Родину спасаем,

Могучую страну СССР...

В просторном помещении, оборудованном под склад, Алтунин предложил подругам выбрать себе сменную одежду и обувь, чтобы потом, в Полесском, было во что переодеться.

Затем их повели в столовую, где уже заканчивался ужин. Здесь было комплексное и, как показалось, довольно скудное питание. Правда, у стола раздачи стоят два огромных чана с остатками салата.

Круглая концертная площадка лагеря, в несколько рядов окольцованная длинными деревянными скамейками и почти сплошь окруженная могучими соснами, пестрит разноцветными защитными робами вахтовиков, но подавляющий цвет здесь – белый. Полным ходом идет подготовка вечерней программы: устанавливаются микрофоны, юпитера, налаживается связь.

Ирина с Софьей подходят к группе вахтовиков, кучно сидящих на соседних скамейках. Те, увидев их, не прерывая оживленный разговор, подвинулись, и жестом пригласили сестр в центре компании, где взволнованный парень продолжает говорить:

– Я сам его отвозил...

– Кого? – спрашивает Ирина.

– Я рассказываю про Титова Валерия. Он приехал к нам с Белоярской станции... Все я прошел вместе с ним – с момента его смерти...

– Он умер?!

– Да, в первые дни еще. В Припяти он в больничном морге лежал... Так что не всех тогда в Москву отправляли!.. Я сам документы его оформлял, одевал... переносил два раза: сначала из морга в гроб, потом уже, на месте, когда приехали на Белоярскую, из одного гроба – в другой... Земля ему пухом!.. – тяжело вздохнул рассказчик.

– Слышь, Вань, а расскажи про этого вашего святого, – попросил остроглазый паренек коренастого, курчавого Ивана. – Кстати, он на вахте сейчас?..

– Нет. В понедельник заступает, – ответил тот.

– Вы про Сашка, что ли? – спросил кто-то.

– Да, про него... Этот хлопец – киевлянин. После аварии он сразу же хотел приехать сюда, да не вышло – первую группу уже отправили... А пока формировалась следующая, он пошел и сдал костный мозг, а потом и сам сюда прикатил, в нашу бригаду... Да еще заявление написал с просьбой перечислять половину заработка в фонд Чернобыля... Мы ему говорим: "Ты же мозг сдал, сюда приехал, зачем же ты еще от денег заработанных отказываешься?.. А он: "Вам много хуже, – говорит, – у вас жилья нет..." – рассказывает Иван.

– А сам, знаете, где живет? – вставил остроглазый паренек. – Комнатка у него в Киеве крохотная, сырая – 9 квадратов на четверых... Во как!..

– Поверите, – продолжает Иван, – рядом с ним нам зарплату стыдно будет получать... Глазища такие у него... – вся душа, как слеза, чистая, в них отражается!..

– А вы откуда, хлопцы? – спрашивает Софья у трех брюнетов, стоящих рядом.

– С Армянской мы...

– В командировке здесь?

– Да. На полмесяца нас сюда присылают... Вот и мы, напрымэр, тоже хотым ваших хлопцев поберечь – оны ж тут бэссмэнно!.. Хотым работать на самых грязных местах...

– О, Господи!.. Да что за работа-то?!.. – вдруг взорвался маленький худой мужичок. – Почти каждые пять минут новый приказ, противоположный предыдущему...

– А в первые дни, помните?! – поддержал его другой вахтовик. – Целая смена у развороченного реактора полдня без толку простояла, пока Брюханов не выматерил Фомина, чтоб убирал людей, коль не знает, что нужно делать...

– Никто ничего не знал тогда!.. – сказал кто-то.

– А сейчас знают, что ли?! Головоотяпство одно!.. Вот именно... – зашумели вахтовики.

– Пропустите! – прорывается к подругам их утренний знакомец-врач с футболкой в руках, и, расстелив сплошь исписанную разноцветными фломастерами футболку на скамье перед ними, протягивает фломастер. – Автографы, пожалуйста!.. Здесь "письмена" только наших...

Расписавшись на его реликвии, Ирина продолжает напряженно вглядывается в лица людей. В сгущающихся сумерках, освещенные светом юпитеров и фонарей, они еще контрастнее, чем в Полесском, выражают два полярных состояния: глубокую подавленность или чрезмерную бравурность. Вдруг взгляд Ирины спотыкается о знакомое лицо, выражение которого заставляет ее содрогнуться. Этот молодой человек в Припяти был инициативным и веселым завсегдатаем дворцовского клуба молодых специалистов, а сейчас глаза его были пустынные, да так, что Ирине стало не по себе.

Перехватив ее взгляд, врач-вахтовик объясняет:

– Кстати я, как психиатр, обратил внимание, что не только экстремальная ситуация и радиация, воздействуют здесь на людей... Вы же знаете, что они до сих пор сбрасывают с вертолетов в реактор мешки со свинцом и песком... А я помню еще с института, что римская знать в свое время деградировала из-за воздействия на психику именно свинца, из которого у них были сделаны водопроводные трубы...

В это время из концертных колонок зазвучали фанфары и раздался голос Василия:

– Добрый всем вечер!.. Итак, мы уже традиционно начинаем нашу программу с полюбившихся вами фильмов и слайдов о нашей Припяти...

Свет на площадке медленно гаснет, и на экране мелькают кадры еще не покинутого города, сопровождаемые песней группы "Диалог":

Бьет по глазам хрусталь лучом,

ковры развешаны по стенам...

Мы часто помним что почем

и забываем о бесценном.

Припев:

Поймем потом, поймем потом,

немало побродив по свету,
как дорого бывает то,
чему цены по счастью нету.
Поймем потом, поймем потом...

В глазах вахтовиков, сидящих рядом с Ириной, заблестели слезы.
Бежит куда-то вдаль река,
пленают звезды высотой...
Про дождь, про снег, про облака
никто не спросит: сколько стоит?
Припев...

Как хорошо, что к пенью птиц,
к траве и к этим росам вешним,
к заре и к отблескам зарниц
ярлык с ценою не привешен.

Припев...

Приемлем все, что в жизни есть,
смеемся, радуемся, плачем...
А как же совесть? Как же честь?
Неужто цену им назначим?

Припев:

Поймем потом, поймем потом,
немало побродив по свету,
как дорого бывает то,
чему цены по счастью нету.
Поймем потом, поймем потом...

... "Пойдем потом, пойдем потом..." – еще звучит в душе Ирины эта песня, а микроавтобус уже мчит их ранним утром по дороге в Припять.

– Коля, какой ты молоток, что вывез свои фильмы из Припяти, – вспомнив вечерние кадры, басит Софья.

– У меня и послеаварийные есть, – тихо, вполголоса говорит НикНик. – Жаль только, что мало удалось припрятать, – вздыхает он.

– От кого, – удивляется Ирина.

– От "органов глубинного бурения", – тоже почти шепчет Василий, заговорщицки прищурившись. – Они еще в первые дни в Полесском у него почти все выгребли...

Мертвые села провожают автобус темными, изредка заколоченными окнами домов, опустевшими гнездами аистов. Горячее солнце поднимается над Полесьем. Земля и деревья здесь очень сухи.

– Дожди не пускают, – поясняет НикНик.

– Как это? – спрашивает Софья.

– Тучи расстреливают и самолетами разбивают...

Под Чистоголовкой друзья видят в поле одиноко пасущуюся корову и старика, сидящего в пожухлой траве рядом с нею. Не смог, видать, дед расстаться со своей кормилицей – остался с нею почти у самого жерла грозной, невидимой беды. И сидит он в открытом поле, никого не боясь. Должно быть, гнать его отсюда уже устали.

У дороги справа промелькнул столб с датами вручения Припяти орденов ВЛКСМ и символическим огнем Прометея наверху; рядом – стела с изображением структуры атома и текстом: "ЧАЭС им. В. И. Ленина", "Всесоюзная ударная комсомольская стройка"; слева показалась стела – "Припять, 1970"... А дальше, вдоль дороги, замелькали бетонные щиты с информацией о юном городе энергетиков, на первом из которых – только два слова: "Быть Припяти"...

– Быть или не быть – вот в чем вопрос?.. – вздыхает Василий.

– А для всего мира Припяти давно уже нет, – горько отвечает НикНик. – Есть поселок энергетиков около станции. Есть Чернобыль, где, якобы, случилась авария, хоть от станции до него 18 километров еще... Э-эх!..

– Потому-то тридцатикилометровая зона с центром в Чернобыле Белоруссию почти не захватила, а там столько "грязи"!.. – добавляет дозиметрист, сопровождающий их в этой поездке.

И вот впереди взметнулись ввысь яркие многоэтажки Припяти. Сердце Ирины заколотилось, горький ком подступил к горлу.

На КП их долго не задержали, и автобус едет по мертвому городу, где все так знакомо и дорого. Но и здесь появились новые приметы. Вот навстречу проехал патрульный БТР, а по центральному

проспекту, вспарывая его и тротуары, вывернув с корнями деревья, тянется заброшенная траншея, по краям которой кое-где громоздятся куски огромных труб.

Все здесь теперь – от травинки до громких лозунгов и яркой мозаики на домах – несет на себе печать безлюдья. И жутким эхом звучат в пустом городе громкие мелодии, рвущиеся из включенного на полную мощность дворцовского динамика.

У автовокзала, там, где был небольшой скверик с молодыми деревцами и монументальным древом Дружбы народов посередине, теперь весь грунт срезан толстым слоем, да так и брошен из-за бессмысленности затеи – всю землю не вывезешь!.. А на ближайшем малосемейном пятиэтажном доме сиротливо выглядит теперь мозаичное панно с изображением матери, держащей на плече счастливого младенца, выпускающего из пухленьких ручонки белоснежного голубя.

Микроавтобус остановился у дома Ирины, у того самого подъезда, где в ночь с 26 на 27-е апреля толпились соседи, гадая и споря о случившемся, – и где сейчас нет ни души. Правда, из подъезда метнулась испуганная гудением машины худая, наполовину облезшая кошка.

Ирина одна выходит из машины, в руках у нее два больших свернутых целлофановых мешка, на шее болтается респиратор.

– Вы, пожалуйста, побыстрее соберите только самое важное... Мы через час за вами вернемся, – говорит высунувшийся из автобуса дозиметрист, в руках которого бешено трещит зашкаливший дозиметр.

– В вашем районе сейчас рентген – полтора... Да наденьте же респиратор! Что он у вас для красоты, что ли?!..

Ирина не отвечает, ибо ком, подступивший к горлу еще при въезде в город, почти полностью перехватил дыхание. Она пытается надеть респиратор, но тут же срывает его. И, уже не обращая внимания на отъезжающий автобус и друзей, провожающих ее взглядами, входит в дом. Открывает квартиру.

В зашторенной и будто только что оставленной комнате она опускается на диван, задев при этом гитару, которая издает жалобный протяжный стон. И теперь, глядя на милые мелочи безвозвратно минувшей жизни, она понимает, что годы, прожитые здесь, были самыми наполненными и счастливыми.

– Ох!.. – со стоном прорывается закрывший горло ком.

Слезы горохом покатались по щекам. Ирина, не вытирая их, встает. Отдергивает шторы и тюль, открывает окно, в которое вместе с неестественной давящей тишиной врывается далекий голос из динамика, сообщающий о "наших достижениях...". Забыв о предупреждении дозиметриста, она садится, как прежде, на подоконник. И смотрит на высохший лес за окном, над которым летит пятнистый вертолет, долгим шлейфом распыляя что-то за собою.

Ирина выносит из квартиры длинный целлофановый мешок, забитый книгами, бумагами и прочими вещами, сверху которых лежит семейный альбом, а сбоку торчит пушистая песцовая шапка. Ставит мешок у подъезда. Возвращается за следующим. На первом этаже ее внимание

привлекает тетрадный лист, прикрепленный к дверям одной из квартир. Она подходит. На листе кривыми крупными буквами написано: "Стучите громче! Не слышу..."

Ирина стучит. За дверью послышался стон и слабый кашель. Она пытается открыть дверь. Безрезультатно. Мгновение она стоит в растерянности. Но тут у подъезда сигналил вернувшийся автобус. Ирина выбегает и возвращается с Василием и НикНиком. Парни дружно налегли на дверь, которая, затрещав, распахнулась. И они буквально ввалились в запущенную квартиру, где в комнате на тахте лежит бледная, как смерть, сухая старушка. Ирина бросается к ней:

– Господи! Бабушка, вы живы?!.. Почему же вы здесь?.. Почему не уехали со всеми?..

Та, покашливая и безразлично глядя на внезапных гостей, слабым голосом просипела:

– Дети велели остаться... квартиру постеречь, пока они вернутся... из этой... эвакуации...

– Как же она жила здесь все это время?!.. Ведь свет и воду давно отключили, – вполголоса ужасается НикНик, оглядывая квартиру.

– Смотри, – показывает Василий на стол, где стоит чайник, пустая банка сгущенки, стакан с остатками воды, в тарелке рядом лежит маленький кусочек сухаря, и шепчет НикНик, – людям животных жаль было оставлять, а эти про мать забыли, сволочи!..

~~~~~

... Ирина проходит парком перед Верховным Советом, у которого, так же плотно окруженные омоновцами, стоят патриоты Руха. Не доходя до здания Минздрава, спрятавшегося в глубине парка, она тяжело опускается на скамейку в тени векового каштана, немного передохнуть. На тенистых аллеях парка много отдыхающих стариков, нарядных детей. То тут, то там между деревьев мелькают породистые псы в сопровождении своих горделивых хозяев. Недалеко от Ирины бегают за голубями полнощекий мальчуган. А ей вспоминается ...

~~~~~

... Кичеево. Двор маленького, почти затерянного в лесу пионерского лагеря "Рассвет", куда Ирина в очередной раз приехала навестить сына.

– Сейчас он придет. Одевается, – говорит ей старенькая няня.

– А что, у вас сегодня банный день? – спрашивает Ирина.

– Теперь чуть не каждый день у нас – банный... Все ждем, когда эшелон нам выделят... Из Киева постоянно звонят, чтоб готовы были... Вот и готовим детей для отправки каждый день почти...

Подбегает Денис, сильно кашляя. Он в новой рубашке и новых брючках. Бледное лицо его излучает радость, но губы безобразно обнесло лихорадкой. Ирина садится на корточки, прижимает к себе сына.

– Мамочка, подожди, – вырывается Денис, – я сейчас!.. – и убегает.

– Он вам сейчас ландыши принесет... С рабочими вчера собрал в лесу... Мы детям не разрешаем ходить по лесу, тем более цветы рвать... Да он так просил!.. Вы возьмите их у него, а потом выбросьте, чтоб он не видел... Пошто они вам радиоактивные?! – посоветовала няня и пошла по своим делам.

К ближайшей скамье подбежали, весело гомоня, несколько девочек в новеньких платьицах. Двое, стоя, занялась своими прическами. Одна села на скамью.

– Встань! – дергает ее за руку подружка. – Ты посмотри, сколько пыли на ней! Рыжая какая пыль, посмотри! Значит, радиоактивная... Это от йода она рыжая, я слышала!..

Девочка поднимается со скамьи, отряхиваясь.

Мимо них к ближайшему корпусу идет симпатичная женщина средних лет в белом халате, ведя за руку ревущего мальчугана лет пяти в длинной рубашке и без штанов. Девчата прыснули. Малыш заревел еще громче.

– Да успокойся ты, Стасик!.. Найдем мы тебе штаны сейчас... Перестань реветь, прошу тебя, – умоляет его воспитатель. – Андрей, – позвала она парня лет шестнадцати, – присмотри за ним, пока я штаны поищу...

Она скрывается в корпусе. Мальчик безутешно плачет. Рослый Андрей, в котором Ирина узнает припятского блатаря – завсегдатая дискотек, подходит к малышу. Ирина, готовая к грубости, бросилась было на защиту маленького. Но к ее удивлению, Андрей, присев на корточки перед малышом, мягко обнял его за плечи и что-то тихо по-доброму говорит ему. И малыш тут же успокаивается.

А сзади слышится кашель Дениса.

– Вот! – торжественно восклицает он, протягивая маме два больших букета ландышей. – Это – от меня, а это – от кухонных рабочих!..

Ирина крепко обнимает сына, и они идут по двору лагеря к лесу, где благоухает пышная зелень, стучит дятел, заливается соловей и кукует, щелкает, пересвистывается птичья многоголосица. Ирина погружает лицо в двойной букет лесного чуда, вдыхая аромат любимых цветов.

– Мам, ты не бойся! – вдруг говорит Денис. – Я их мыл!..

На следующее утро Ирина вновь приехала в "Рассвет", но лагерь пуст.

– Их только что увезли, – объясняет ей пожилая работница.

– Куда?

– А кто его знает?! Куда погонят эшелон – в Крым или в Одессу... Вы поезжайте на станцию, может, еще успеете проститься?!.

Вокзал. Ирина пробирается к поезду, стоящему на запасном пути, оцепленном милицией.

– У меня там сын, – просит она молоденького милиционера.

– Ладно, проходите! – пропускает ее тот.

Ирина подбегает к ближайшему вагону, у которого стоят несколько ребятишек разного возраста. На груди у каждого висит бирка с именем и фамилией.

– Дети, поднимайтесь в вагон!.. Я вас всех должна видеть, – зовет их из вагона интеллигентная женщина в очках.

– Простите, – обращается к ней Ирина, – вы не знаете, в этом поезде есть "Рассвет"?..

– Не знаю. Пройдите вперед, может, там?..

Ирина бежит вдоль поезда.

– Это не "Рассвет"?.. – выкрикивает она у каждого вагона.

Вот из одного вагона выскакивает разъяренная упитанная проводница, за ней – пожилой мужчина в форме начальника поезда.

– Если ты не вернешься, считай себя уволенной, – кричит он ей в след.

– Да черт с тобой, увольняй!.. Напугал!.. – на ходу огрызается та.

– Стой!.. Кто вместо тебя работать сегодня будет, ты подумала?!. Где я возьму замену?..

– Сам обслуживай этих чернобыльцев!.. На фиг нужна мне твоя радиация!..

– Последний раз прошу тебя, Петрова, опомнись!..

– Да пошел ты!.. – рычит своему начальнику проводница, чуть не сбив с ног Ирину.

– Вы не знаете, есть ли в этом эшелоне дети из "Рассвета"? – взмолилась Ирина навстречу начальнику поезда.

– "Рассвет"?.. Кажется, в конце состава, не помню... – отвечает ей тот, тоскливо глядя в спину удаляющейся проводнице. – Э... эх! – махнув рукой, он поднимается в вагон.

А Ирина бежит назад – в конец состава. Поезд трогается. Она кричит:

– "Рассвет"!.. Кто из "Рассвета"?.. Де-нис!..

Поезд, набирая скорость, проносится мимо ...

~~~~~

... Громкий плач ненадолго вернул Ирину в реальность. Это упал малыш, бегающий за голубями. Мать поднимает его, стряхивает пыль. А Ирина вновь окунается в прошлое...

~~~~~

... Одесский вокзал пестрит яркими детскими одеждами. Ирине это кажется странным, после двух месяцев почти бездетного Киева, если не считать бездомных детей переселенцев в долгих очередях эвакоштабов. Она подходит к расписанию пригородных поездов. Увидев, что электропоезд в Белгород-Днестровский отправляется через полчаса, спешит к пригородным кассам за билетом.

С тяжелыми авоськами идет она вдоль длинного забора пионерлагеря "Медик-2", где, как она узнала несколько дней назад, находится Денис. Сквозь забор видны аккуратные деревянные домики, на коротких сваях приподнятые над землей. Молодые деревца стройными аллеями разделяют территорию лагеря на несколько частей. Всюду разбиты клумбы с цветами. А в самом центре густо зеленеют грядки картофеля, капусты, моркови и прочих овощей.

У одного домика, среди ребятишек, весело играющих в догонялки, она замечает того самого мальчугана, которого видела в "Рассвете" безутешно рыдающим. На сердце отлегло – значит, не ошиблась, Денис здесь.

У ворот лагеря ее встретили двое дежурных. Узнав, к кому она приехала, один из них, загорелый, как смоль, мальчик лет девяти вызвался провести Ирину к домикам 3-го отряда. Но к ним уже подбегает счастливый Денис, еще сквозь забор заметивший маму.

– Мамочка!.. – бросается он к ней на шею. – А я думал, что письмо от тебя получу сегодня... А ты сама приехала!.. Ты так быстро нашла меня, мамочка!.. – прижимается он к закашлявшейся от радости Ирине, затем, забрав у нее авоську, берет ее за руку и ведет в свой отряд.

– Как ты живешь здесь, рассказывай, сынок!.. – просит Ирина.

– Любовь Степановна!.. Ко мне мама приехала!.. Меня мама нашла уже!.. – вдруг кричит сын идущей навстречу симпатичной женщине средних лет, которую Ирина уже знала по "Рассвету".

– Здравствуйте! – жмет ей руку Любовь Степановна. – Вы надолго к нам?

– Дня на два...

– Хорошо. Поживете с Денисом, а ребят из его домика я пока к себе заберу...

– Ой, спасибо!.. А то меня уже напугали, что частники здесь за одну ночь 10 рублей берут...

– Берут, – вздыхает педагог. – Но мы родителей своих детей принимаем сами!.. И кормим их в нашей столовой. Начальник лагеря распорядился... Вообще-то это лагерь кишиневского мединститута. И сам он – доцент этого института. Много здесь студентов, аспирантов – в общем-

то, народ замечательный... Если бы вы видели, как они нас встречали: с хлебом-солью, буквально каждого ребенка сняли с поезда, помыли, переодели... ОРСовцы*, тоже кишиневские, даже конфеты каждому ребенку за свои деньги купили... А уж одежда, обувь – пожалуйста, сколько надо, выбирай!..

-----

*ОРСовцы – служащие отдела рабочего снабжения (ОРС), осуществляющего торгово-бытовое обслуживание рабочих и служащих предприятий ряда отраслей промышленности, строительства, транспорта и т.п. в СССР (прим. автора).

Если через пару дней выяснялось, что кроссовки, например, кому-то жмут, тут же обменивали... Вот поживете, сами убедитесь, что нам здесь даже очень неплохо отдыхается, правда, Дениска?!

– Еще бы!.. Мам, а на мой день рождения на кухне пирог с ягодами испекли!.. На все дни рождения наши повара что-нибудь вкусненькое пекут...

– Дети! – обращается Любовь Степановна к ребятишкам, столпившимся у Денискиного домика в ожидании гостей. – К Денису приехала мама, Ирина Михайловна!.. Так что, пока я займусь делами, развлекайте гостью.

Все шумно входят в уютный домик на трех человек. Ирина достает из авосек и кладет на стол пакеты с черешней, клубникой, крыжовником и другими ягодами.

– Прошу всех к столу, – пригласила она.

Дети шумной гурьбой облепили стол, с наслаждением уплетая ягоды. Денис, одной рукой крепко держа Ирину за руку, будто боясь потерять, другой загребаёт ягоды в рот. К Ирине подходит девочка-подросток лет пятнадцати, жившая с ними в одном доме в Припяти.

– Наталочка!.. И ты здесь?!

– Тетя Ира, а вы моих маму с папой не встречали?..

– Пока не встречала... А что передать, если встречу?

– Вот, – протянула она давно приготовленное, вчетверо сложенное письмо, как будто ждала этого вопроса, и, блеснув полными слез глазами, тут же отвела взгляд.

– Обязательно передам! – прячет Ирина письмо в сумочку.

– Мам, а у тебя нет с собой твоей фотографии? – вдруг спрашивает ее Денис.

– Не знаю... Давай посмотрим, – отвечает она и роется в сумочке. Находит маленькое фото, отдает Денису, который тут же укрепляет его на стенке у своей кровати.

– Ой, чуть не забыла, я ведь книжечку о Припяти привезла с видами города, помнишь, мы перед аварией купили?!.

– А ты что, была в Припяти?..

– Была...

Дети, бросив угощение, с завистью и восторгом глядя на Ирину, загалдели:

– Покажите, пожалуйста, покажите Припять!..

– Ой, а я вот здесь жила...

– А это мой дом, смотрите!..

– Оставьте нам эту книжку, пожалуйста!.. Мы всем воспитателям наш город покажем, – просят дети.

– Хорошо, я у Дениски оставляю, – взволнованно говорит гостя.

Утром Ирина и Денис спешат по аллее на завтрак. Она на ходу расчесывает свои длинные волосы, периодически очищая забивающуюся ими щетку.

– Мам, дай мне, пожалуйста, один волосок, – вдруг просит Денис.

– Зачем? – удивляется она.

– Мне надо...

Вечером, стеля Денису постель, Ирина замечает на стене под своей фотографией привязанный к гвоздику длинный светло-русый волосок...

~~~~~

... Ирина также тяжело поднимается со скамьи в парке и направляется к Минздраву. Заходит в главный корпус. Что-то спрашивает у вахтера, та объясняет, куда ей лучше пойти. Ирина уже едва плетется длинными коридорами Минздрава мимо множества кабинетов. У нее закружилась голова, она остановилась, облокотилась на высокий подоконник огромного министерского окна, и... вспомнились ей хождения по бесчисленным послеаварийным коридорам различных министерств и всевозможных чернобыльских комиссий ...

~~~~~

... Киев. Площадь имени Ивана Франко. Здание обкома профсоюза энергетиков, где разместилась комиссия по эвакуации. Длинный коридор забит людьми. Ирина, сильно кашляя и сжимая в руке носовой платок, выходит из одной двери, идет по коридору мимо множества других дверей, по указателю на стенах "Чернобыльская комиссия". Идет вверх по лестнице, по коридору, вниз по

лестнице. Заходит в большой актовый зал, заставленный столами с табличками: "Жилищный вопрос", "Медицинский вопрос" и т.д.

– Вы анкету заполняли? – бесстрастно спрашивает женщина, сидящая за столом с табличкой "Секретариат", когда подошла Ирина.

– Нет, – шмыгнув носом, снова закашлялась Ирина.

– Вот возьмите бланк. Заполните. Отнесите вон за тот стол... Придете через месяц узнать, решился ли ваш вопрос.

– Почему только через месяц?..

– Раньше все равно ваши бумаги не рассмотрят...

– Черте-что!.. – сердито бормочет Ирина, отходя от стола.

– Погодите, – бегло просмотрев анкету, окликает ее секретарь. – Вы попробуйте пробиться к замминистра... Скажите, что в зоне работали... А вдруг что и получится, – тихо советует она.

– Спасибо, попробую, – вздыхает Ирина.

И опять – лестницы, коридоры... И вот она уже у самых чуть приоткрытых дверей в кабинет замминистра, на прием к которому стоит, сидит на стульях у стен, гудит на разные голоса огромная очередь: измученные женщины, дети, старики.

– Они здесь ничего не решают!.. Только футболят дальше, – ропщет кто-то.

– Почему же, в Башкирию или Якутию они тебя быстро определяют! – возражает другой.

– И зачем мне, скажите, Кольская атомная?! – жалуется соседу женщина со спящим ребенком на руках. – У меня все корни в Украине, а я должна ехать куда-то к черту на кулички?!.

А в приоткрытую дверь кабинета слышится шум нескольких мужских голосов, который обрывает скрипучий бас замминистра:

– Чего вы от меня хотите?.. Мы вам дали направление в N-ск, вот и поезжайте туда!..

– Были уже там, – громко огрызается кто-то. – Восемь идиотов поверили вам, помчались туда после вахты... с семьями!.. А нас оттуда поперли!..

– Никто нас даже слушать не стал, – подтвердил другой. – На ваши бумажки плевать все там хотели!.. Нет квартир, говорят, и все!..

– Ладно, – сдается замминистра. – Сейчас я поговорю с N-ским горисполкомом... Ждите...

– Ты смотри, неужели хлопцам повезет?!. Ведь за месяц, что я здесь околачиваюсь, этот хмырь ни одного вопроса не решил, – удивляется сердитый мужичок, стоящий рядом с Ириной.

– Н-ск?... – несется из кабинета. – С вами говорит замминистра Борисов... Вы что же себе позволяете?! Мы посылаем к вам с направлениями восемь семей вахтовиков, а вы их назад отправляете!.. Что значит – нет квартир?.. Направления по вашей разнарядке выписывали!.. Значит, квартиры были... Где они?! Так, на днях эти люди к вам опять приедут, не найдете квартиры, по-другому с вами разговаривать будем!..

Ирина же и этот кабинет покидает с понурой головой. За нею выскользнул клерк, сидящий вместе с замом.

– Я вам посоветую сходить еще в обком на Леси Украинки, может, там что получится?.. А нет, так идите прямо в ЦК профсоюзов, к Шершову, вашему бывшему председателю профкома, знаете?.. Скажите, что Борисов велел им решить ваш вопрос... Смелее только надо!.. – тихо говорит этот не такой уж беспросветный чиновник.

Громадное белое здание киевского обкома партии с сиротливой каменной фигуркой Леси Украинки перед ним, которая скорбно взирает на многочисленных просителей, эвакуированных из ее родного и загубленного теперь Полесья, ежедневно бредущих мимо нее в обком – с надеждой, и с горькой безысходностью – оттуда.

Пройдя мимо Леси, Ирина почти столкнулась с бывшим агитбригадовцем Андреем, работавшим в припятском ЮжТеплоЭнергоМонтаж.

– Ирина?! Привет! – здоровается с ней Андрей.

– Здравствуй, Андрюша, – выдавливает из себя Ирина, потрясенная его видом, с ужасом и жалостью глядя на гладко выбритую голову, почти сплошь покрытую зеленкой, на его худобу и серость. – Ты откуда?

– Вот, в больнице месяц провалялся, после того, как мы трубу для жидкого азота тянули под четвертый реактор...

– Да, я слышала, ваш ЮТЭМ тоже занимался этим...

– Ой, если бы ты знала, как приятно работалось тогда!.. Ни каких тебе препон, никаких проволочек, и все необходимое получай, пожалуйста!.. Без тысяч инструкций... Люди чудеса творили, ей-богу!.. Наша бригада однажды за полчаса, потому, что дольше нельзя было, сделала работу, над которой в "мирное" время неделю бы все Управление билось...

– Андрюша, я что-то слышала про жалобу в ОБХСС... Это вы написали?..

– А, это... Ты туда? – показал он в сторону обкома. – Пойдем, я провожу тебя немного и расскажу... Когда зарплату большую стали начислять, там такое началось!.. Да ты знаешь...

– Почему началось?.. Оно у нас всегда было, только более скрыто, – сказала Ирина, сильно закашлявшись.

– Точно. А здесь все наверх полезло: и хорошее, и плохое, все – как на ладони!.. Например, сразу стали исчезать кофе, апельсины, предназначенные вахтовикам... Нам его и не надо было, кормили

бы нормально три раза в день, и хорошо!.. Но просто обидно стало, противно!.. Кто-то же все это гребет!.. Мы об этом тоже в ОБХСС* написали... Но главное из-за зарплаты. Мы ведь по 13-15 часов у аварийного блока, в самой "грязи" работали, один раз даже бригадир забыл прислать за нами автобус, так мы под реактором сутки проторчали... И что ты думаешь, нам в табелях выставили по 6 часов работы в зоне жесткого контроля. А себе и тем, кто в Полесском "штаны протирал", по 22 часа "грязной" зоны поставили, представляешь?! И даже не денег тех нам жалко, черт с ними!.. Но, элементарно, справедливость какая-то должна быть?!..

Он очень устал, крупный пот, выступив на лысой голове, градом катится по лицу.

– Все правильно, Андрюша!.. Нельзя позволять им наживаться на народном горе, на здоровье вашем...

– Вот именно. Для кого – война, а кому – мать родна!..

– А тебе лечиться серьезно надо!..

-----

* ОБХСС – отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности (прим. автора).

– Да вот, после больницы дали мне еще путевку на месяц в санаторий... Завтра еду... Но ты, я вижу, тоже здоровьем не блещешь?!..

– А... Пустяки!.. Ну, счастливо тебе, – прощается с ним Ирина у парадного обкома.

И снова лестницы, коридоры... вестибюль с тыла здания, где тоже стоят столы с табличками, за которыми сидят ничего не решающие чиновники областного эвакоштаба. И здесь тоже полным-полно уставших, измученных, заплаканных женщин, детей, стариков ...

~~~~~

... Очнуться от воспоминаний Ирину заставил горячий спор, несущийся из приемной замминистра по здравоохранению.

– Простите! – войдя в приемную, обращается Ирина к сидящей у стены бледной женщине, на коленях которой сидит утомленная худенькая девушка, а рядом мальчик лет семи. – Это все к нему?..

– Да.

– А за кем я буду?..

– Вот, должно быть, за этой дамой, – выкрикивает взбудораженная спором молодая женщина. – Она только что пришла, но, вишь ли, ждать ей не хочется... Иди, – наступает она на respectable даму средних лет, – иди, постой, как все...

Та же бесцеремонно отталкивает ее и прорывается к секретарю:

– Доложите обо мне Маргарите Васильевне! – приказным тоном говорит она.

– А почему это я должна о вас докладывать?!

Встаньте в очередь!.. Чем вы лучше остальных?!.

– Вы что, не знаете?.. Мы – чернобыльцы, я не могу ждать!..

– Здесь все чернобыльцы... Проситесь у очередников...

– Ишь, грамотная нашлась! – опять набрасывается

на даму молодая женщина, – Вон, с двумя детьми, – показывает она на соседку Ирины, – припятчанка... А уже второй день здесь торчит, не может попасть на прием из-за таких умных, как ты...

Очередь загалдела.

– Ну, ты меня попомнишь, дорогуша, – зло бросает секретарю дама и грубо протискивается к выходу.

– А вы меня не пугайте!.. Пуганые, – волнуется секретарша и, обращаясь к очереди, объясняет: Она – жена одного клерка в Совмине... Еще в 86-м сделали они себе справки об эвакуации... И, представляете, уже пятый год она со своим выводком все летние месяцы проводит в лучших санаториях...

– Сволочи! – вырвалось у припятчанки с детьми, – Мы до сих пор никаких справок не имеем... А эти...

Ирина вновь забывается. И ей снова видятся ее пост-эвакуационные скитания – бесконечные лестницы, коридоры, чиновничьи кабинеты ...

~~~~~

... Киев. Площадь Октябрьской революции. Здание ЦК профсоюзов. Просторные коридоры, блестящие лифты. Светлый, богато меблированный кабинет Шершова, бывшего некогда, еще до аварии, профгором ЧАЭС, а ныне он не только работник профсоюзного ЦК, но и хозяин немалых послеаварийных субсидий и льгот.

– Вот твой шеф, – почти возлежа в удобном массивном кресле, показывает Шершов на Липкина, нынешнего профсоюзного лидера станции, столь же по-барски восседающего тут же за длинным и широким, полированным до блеска столом. – Пусть он решает...

– Да не могу я дать ей квартиру, – нервно отбивается Липкин, который еще в Припяти устал от бурной деятельности Ирины, что, правда, не помешало ему горячо жать ей руку перед благодарными вахтовиками, после концертов в "Сказочном". – Нет ее в списках... А я свой партбилет на стол из-за нее класть не собираюсь ...

... – Еще не известно, за что он положит свой партбилет – за то, что дал бы, или за то, что не дал квартиру, – сокрушается после рассказа Ирины тот самый чиновник, который посылал ее к Шершову.

Они стоят в конце полного просителями коридора, глядя с третьего этажа на необыкновенно людную площадь им. И.Франко. У здания театра – венки, много цветов. На здании – в черной рамке большой портрет, с которого грустно смотрит на этот горький мир безвременно оставившая его актриса Наталя Ужвий. Из театра выносят гроб, и процессия отправляется в скорбный путь. Площадь, всколыхнувшись, пошла следом.

– А знаете, каков здесь утром был переполох?! Площадь полна людей... Все здесь решили, что это чернобыльцы затеяли забастовку... Перепугались, звонят в разные инстанции... А потом узнали, что похороны Ужвий сегодня... Успокоились, – с горечью говорит этот добрый человек. – Верите, лишний раз из комнаты высунуться боишься... Больно людям в глаза смотреть!.. Ведь мы же здесь временные, на месяц присылают нас сюда с разных атомных... И ничего-то мы не можем!.. – он повернулся лицом к сидящим и стоящим в коридоре просителям. – Вот принимаем посетителей, выслушиваем и... отправляем на новый круг... Эх!.. Нет, без забастовок – такого, знаете, хорошего бабьего бунта! – ничего не добьются эти несчастные...

Но, посмотрев на Ирину и вспомнив, что она тоже из их числа, он добавляет:

– Послушайте, попробуйте-ка вы еще к одному заму пойти. Его специально прислали из Москвы. Он как раз сейчас принимает ...

И опять длинный, широкий, полированный до блеска стол в просторном, столь же богато меблированном кабинете очередного зама. Он, седой грузный человек, лениво поднял взор к входящей Ирине, когда та наконец-то дождалась своей очереди к нему. Но не успел он и рта раскрыть, как в кабинет ворвался чернявый украинец, с которым пару месяцев назад в одном автобусе ехала в Полесское Ирина. Она, кивнув ему, отошла в сторонку.

– В чем дело, молодой человек?!.. Вы разве не видите – я занят!.. Почему вы врываетесь...

– А мэни ця канцелярщина ваша вжэ попэрэк горла

стойить, – перебивает его вошедший. – Я – молодой фахивэць, жив у Прип'яті, всэ мав, нібы мав и майбутне... Вы в мене всэ забрали, то ж давайте мэни папир, щоб я змиг жыти у Львові!.. Чого цэ я пойду каличыты свое життя кудысь на Курылы?! Йидьте сами туды!..

Зам недоуменно смотрит на разгоряченного юношу, почти ничего не понимая.

– Он требует у вас направление во Львов. Он – молодой специалист, в Прип'яті имел все, имел будущее... А теперь не хочет жизнь свою губить где-то на Курилах, – перевела Ирина.

– Да вы что себе позволяете?! – побагровев, начал заводиться зам.

Но парень вдруг хватает массивный министерский стул и в щепки разбивает его об угол полированного стола.

Зам ошалело уставился на разъяренного посетителя.

– Слухай мэнэ!.. Я вжэ усэ пройшов, в Афгани був...

А писля чэтвэртого реактора мени взагали нэма чого боятыся!.. Оцэ якщо нэ дасы зараз папир, другый стилэц на твойий поганий голови розибыю, чуеш?..

На сей раз зам понял все. И быстро написал парню направление во Львов. Тот, взяв бумажку, сказал ему на прощание:

– Ось як з вамы треба, – и, довольный собой, вышел из кабинета.

Когда же Ирина протянула свои бумаги заму, тот, бегло глянув на них, рявкнул:

– А что вы ко мне пришли?!. Вы уже работаете в Киеве... Пусть вами Киевский горисполком и занимается! Туда идите!..

Ирина медленно идет людным Крещатиком. Между нею и окружающим миром вдруг возникло мигающее, дрожащее свечение, которое все увеличивается. Боясь столкнуться с кем-нибудь на тротуаре, она отходит в сторонку. И вдруг все зримое вокруг будто втягивается в сужающийся фокус, и мир заслоняет беспросветная пелена...

... – Свечение больше не повторялось? – сидя на краю кровати и прощупывая пульс Ирины, спрашивает ее миловидная женщина-врач, лет сорока пяти, в белоснежном халате и такой же шапочке.

В просторной, светлой и чистой палате глазного отделения областной больницы, где уже две недели лежит Ирина, – четыре кровати. На двух, что ближе к двери, тихо переговаривается две старые польки. Напротив Ирины, на кровати у окна, за которым сонно кружат осенние листья, лежит добродушная моложавая полесьянка, и одним открытым карим глазом с любопытством и сочувствием смотрит на молодую соседку.

– Было еще пару раз, но не такое сильное и без потери зрения, – отвечает Ирина врачу, за спиной которой стоят еще несколько человек в таких же белоснежных халатах и медсестра, готовая записывать в свою тетрадь все, что ей велят.

– Кровь? – интересуется врач.

– Лейкоциты – 3,02, тромбоциты – 140, гемоглобин – 100, РОЭ – почти норма, – отвечает медсестра.

– Что ж, уже неплохо. Остаются те же назначения, добавьте только эсенциале в капсулах и капельно пять раз... А волосы все же тебе нужно постричь, – запускает врач руку в редющую прическу Ирины. – Смотри, что делается... вся подушка усыпана, – стряхивая с руки волосы, добавляет она.

– Хорошо, Лариса Михайловна, вот отпустите меня еще раз к Дениске, и я постригусь по дороге...

– Ну, а как он? – спрашивает Лариса Михайловна.

– Спасибо, уже лучше. Правда, очень одиноко ему там... Устал он от всей этой бесприютности... По лагерям четыре месяца, а теперь еще больница... А как конфетам вашим обрадовался, вы бы видели!.. Спасибо!.. – благодарит Ирина, сверля врача умоляющим взглядом.

– Так и быть, если тебе хуже не будет, в следующее воскресенье опять отпущу – ласково улыбается Лариса Михайловна, переходя к соседней койке.

– Что, Катюша, не открывается глаз?.. Ничего, хорошая моя, закончим курс иголочек, тогда еще одно средство попробуем... С твоим глазиком все хорошо. На редкость удачно прооперирован. Но, видать, нерв задет...

– А что за средство, Лариса Михайловна?

– Кровь твою собственную из вены возьмем и в глазик покапаем... Иногда помогает...

... Ирина, уже коротко постриженная, покупает в киоске "Союзпечать" газеты и десяток конвертов. Шурша осенней листвой под ногами, пересекает тротуар. Подходит к перекрестку. На светофоре – красный свет, но машин нет совсем. И она уверенно переходит дорогу, увлекая за собой еще нескольких решительных пешеходов.

На другой стороне улицы перед нею, как из-под земли, вырос постовой.

– Почему нарушаете, гражданка?.. Штраф уплатить придется!..

– Простите, я не заметила, – пытается уговорить его Ирина, но, натолкнувшись на непримиримый взгляд, открывает сумочку, говоря: – Понимаете, я в больнице здесь лежу... И, кажется, у меня нет с собой денег...

Милиционер подозрительно разглядывает Ирину, на которой в этот холодный осенний день поверх платья лишь наброшена великоватая кофта с чужого плеча, а голые ноги обуты в летние босоножки.

– Ваши документы?.. – требует он.

– Но машин все равно не было, – оправдывается Ирина, роясь в сумочке.

– Где работаете, гражданка?

Это приключение начинает забавлять Ирину.

– В редакции, – задиристо отвечает она, улыбаясь.

– Удостоверение! – все больше заводится постовой.

– Вот я и ищу удостоверение, – вновь роется в сумочке Ирина. – Но, понимаете, я, должно быть, выложила его на тумбочку и забыла...

– На какую тумбочку? – злится постовой.

– Но я же объясняю вам, что я здесь рядом в больнице лежу, – говорит она потерявшему терпение постовому и, чувствуя, что тот уже готов взорваться, добавляет: – Да из Припяти я!.. Из Припяти, – и продолжает рыться в сумочке.

Когда же она поднимает голову, перед нею никого нет. Ирина удивленно озирается вокруг и видит постового на противоположной стороне улицы у милицейской будки.

Она еще несколько секунд стоит, думая, что тот может вернуться. Потом пожимает плечами и продолжает путь.

В палате она кладет на Катину тумбочку конверты.

– Вот обещанное, Катюша!.. Здравствуйте, Дора Васильевна... Сегодня вы в последний раз ей иголки ставите?.. – обращается она к пожилой величавой докторше, вонзающей тонкую золотую иглу в Катино веко.

– Ты мне зубы не заговаривай!.. Куда это тебя носило, голубушка?!

Ирина быстро снимает кофту и вешает ее на гвоздь за дверью, там же переобувается в больничные тапочки.

– Все законно, Дора Васильевна, я была в поликлинике на процедурах... Еще, правда, подстриглась, как велела Лариса Михайловна, да подскочила к газетному киоску... Вот и весь криминал!.. А Вы, говорят, нас покинуть решили?!.

– Это за меня хотели решить, – ворчит Дора Васильевна. – На пенсию спровадить вздумали... А я сказала – нет у вас ставки для меня, на полставки останусь... Не будет полставки, бесплатно работать стану, но отделение не брошу, – она ставит последнюю иглу, уходит.

В палату на каталке ввозят крупную старуху, которой только что сделали операцию. Ирина помогает переложить ее на кровать, садится на стул рядом с ее постелью, и, периодически опуская ватку в стакан с лимонной водичкой, смачивает ей губы.

– Ну, вот видите, все уже позади, Юзефа Петровна, – говорит она. – Раз Лариса Михайловна обещала, что все будет хорошо, значит, так и будет...

– Ирочка, если бы вы знали, какие это пальчики!.. – проведя по воздуху слабой рукой, почти пропела Юзефа Петровна.

– Тихо-тихо, вам нельзя сейчас двигаться и разговаривать...

В палату входит медсестра, заноса штатив с капельницей.

– Ирина, ну-ка, в постель! – мягко приказывает она.

Ирина послушно ложится на свою кровать. Аккуратная, приветливая медсестра быстро находит вену, налаживает капельницу и говорит, уходя:

– Все... Лежи смирно!.. Я буду вас навещать...

Только она вышла, в палату медленно входит соседка Юзефы Петровны. И поскольку Ирина лежит головой к окну, она сразу замечает покрасневшие от слез глаза этой замкнутой женщины.

– Валерия Николаевна, что с Вами?.. Вам грешно позволять себе слезы, так ведь и вовсе ослепнуть можно, – старается бодро говорить Ирина.

– Да уж лучше вовсе ослепнуть, чем так жить, – вдруг отвечает та.

– Да что Вы, Валерия Николаевна, дорогая, – говорит ей Катя, веки которой взволнованно задергались вместе с иголочками. – Я когда вдруг ослепла на работе, ни с того ни с сего, – думала, не переживу, что на всю жизнь теперь мне мрак обеспечен... Спасибо Ларисе Михайловне! Хоть одним глазом, да вижу свет Божий... Ведь какое это счастье – видеть мир!..

– Тебе бы лучше помолчать сейчас, Катюша, – прерывает ее Ирина.

– Эх! – горько вздыхает Валерия Николаевна, опускаясь на свою кровать. – Да если бы я совсем не видела уже, было бы лучше... Тогда бы меня приняли в общество слепых... А так, этим – оперированным глазом я еле-еле предметы различаю, а на другом – глаукома, тоже скоро видеть не будет... Мне в этом обществе сказали: "Когда совсем ослепнете, тогда и приходите..." Думают, что мне их льготы нужны!.. Да мне, после 25 лет лагерей и ссылки, жизнь на воле – лучшая из всех льгот...

– А что же вы к ним?.. – растроганно спрашивает Ирина, с удивлением и участием глядя на разговарившуюся вдруг старушку.

– Понимаешь, ведь забрали меня совсем девчонкой. Моложе тебя была, только техникум закончила, замуж выскочила за лейтенанта молодого... Сыну еще и десяти месяцев не было, как мужа взяли... "Чистка" в армии началась... И меня через пару месяцев обманом повезли, вроде на свидание с ним... Еще одну женщину со мной везли с двумя детьми постарше, так она сразу заголосила... Я ей говорю: "Зачем ты так, ведь мы сейчас своих увидим?!" А она: "Ты что, не понимаешь, что нас арестовали?!" А потом еще и детей отобрали... Ох!.. Если бы не отец – заслуженный большевик, так и не знала бы до сих пор, где сынок мой...

– А!.. Это он к вам приходит?!

– Да приходит... Но – как к чужой!.. Чужая я ему, понимаешь?! Да я и не виню его... Увидел он меня впервые, когда ему уже двадцать исполнилось!.. Так что я за всю свою жизнь – жизни еще и не видела... Ни кино, ни театра, даже книг не начиталась... Когда реабилитировали, зрение уже совсем испортилось... Ничего не успела... – она поднимается и, подойдя к Юзефе Петровне, так же как Ирина, смачивает ей губы лимонной водичкой.

Затем садится на стул рядом с нею и продолжает со вздохом:

– Мне ж от них ничего не надо, только чтобы можно было пользоваться фонотекой... В обществе этом спектакли, книги на пленку записаны... Можно брать и слушать... Ирочка, будьте так любезны, попросите Ларису Михайловну помочь мне!.. Сама просить я не умею!..

– Попробую, – почти прошептала потрясенная услышанным Ирина.

Увязая по колено в снегу – зима в 1986 году выдалась удивительно снежной, Ирина пересекает пустырь перед детской больницей, где лежит Денис. Ветер бросает в лицо пушистые комья снега. На Ирине легкое демисезонное пальто, так как компенсацию она получила лишь перед самой больницей, и зимним обзавестись не успела, на голове – та самая песцовая шапка, которую она летом забрала с некоторыми вещами из Припяти.

Ирина бросает снежок в одно из окон второго этажа больничного корпуса, занесенного сугробами и окруженного густо растущими соснами, раскидистые ветви которых аж потрескивают от тяжести снежного покрова. Денис машет ей из окна. Показавшаяся за ним медсестра, кивком здоровается с Ириной.

Через несколько минут Денис в спортивной шапочке и во взрослом теплом вельветовом халате, подпоясанном так, чтобы не волочился по полу, выбегает к маме и бросается к ней в объятия. Она кружит его. Шапка слетает с ее головы, обнажая коротко остриженные волосы.

– Ой, мамочка, – худенькой ручкой ерошит ее стрижку Денис. – Как волосики твои жалко!..

– Пустяки!.. Новые отрастут... Ну-ка, защищайся! – скомандовала Ирина, готовя снежок.

И они бросают друг в друга снежки, смеются. Вдруг Денис сильно закашлялся, но сквозь кашель спрашивает Ирину, радостно сверкая заслезившимися глазками:

– Мам, мы что, квартиру уже получили?!.

Она замирает. Грустно смотрит на сына, отрицательно качая головой.

Ирина сидит в затемненном шторами кабинете, приставив один глаз к оптическому отверстию громоздкого офтальмологического аппарата, с другой стороны которого сидит известный профессор-окулист, изучая ее глаз.

– Вот так... Сюда смотрите... А теперь прямо... Хорошо, – он устало поворачивается на вращающемся кресле к Ларисе Михайловне, сидящей на удобном диване рядом. Молча смотрит на нее.

– Ослепла чуть-чуть? – спрашивает Лариса Михайловна Ирину. – Посидим в сумерках, пока глазки отдохнут... Что скажете, Виктор Алексеевич?

– Что я могу сказать?! Только и того, что есть осложненные ядерные катаракты обоих глаз... Но вам, милая, – обратился он к Ирине, – я все-таки посоветовал бы достать малоизвестное средство, у него два названия – "таурин" или "тауфон"... Я его еще сам не видел, пока им только физики-ядерщики пользуются... Если достанете – было бы очень неплохо... Вы молоды еще... Оно будет задерживать развитие катаракт... Будьте здоровы!..

– Спасибо, Виктор Алексеевич!.. – почтительно провожает профессора до двери Лариса Михайловна.

Возвращаясь, она идет к окну.

– Что-то нас давно твои профсоюзы не атакуют, а?!.. Да, я написала по требованию Минздрава заключение... Я уже говорила, что нам запретили ставить диагнозы, связанные с лучевым поражением... А я рискнула – поставила тебе "лучевую катаракту"!.. Ну, в худшем случае, отделение заберут у меня, так мне же легче будет... А вот журналы с дозиметрией мне найти так и не удалось, будто и не было их вовсе, – говорит она, раздвигая шторы и глядя на крупные хлопья снега, слишком медленно и плавно, словно в сказочном сне, кружащие за окном.

– Профсоюзы нас не беспокоят, потому что, когда они приходили в последний раз – пятеро от разных ведомств, меня трести от них стало... Неважно уже, с чем они приходят – с плохим или хорошим – видеть их больше не могу!.. Об этом я им и сказала, когда они спросили о моих пожеланиях...

– Напрасно ты так!.. Пусть бы побегали теперь... А то ведь их, кроме как через партийный контроль ЦК КПСС, не вырвешь из теплых кресел...

Вдруг в кабинет врывается разъяренный представительный гражданин.

– Что случилось?.. Вы ко мне?..

– К вам, к вам! Из Хмельницка вот приехал узнать, лечился ли у вас некто Сорока, инженер наш?..

Лариса Михайловна побледнела, и резко поднялась навстречу посетителю:

– Да, лечился... А в чем дело?!.

– А в том, что он, видите ли, заработал себе на аварийном блоке катаракты, ослеп, понимаешь ли... А мы ему инвалидность теперь плати?!. С какой стати?!. Мы его в Чернобыль не посылали!.. Он самовольно, на следующий день после сообщения об аварии, сорвался туда... Никто его не просил!..

– Не самовольно, а добровольно!.. Он, инженер-химик, посчитал своим долгом быть там, где нужнее... И если бы больше было таких добровольцев, то аварий было бы куда меньше... Человек уже два месяца слепой, а вы ему до сих пор ни копейки не заплатили... И еще посмели прийти сюда!.. – надвигается на растерявшегося чиновника, сверля его гневным, уничтожающим взглядом всегда таких мягких и добрых карих глаз, Лариса Михайловна.

Опешивший представительный гражданин ретируется. И только он скрылся за дверью, в кабинет робко заглядывает Катерина.

– Можно, Лариса Михайловна?

– Да, Катюша, входи!.. Ты что-то спросить хотела?..

Катя с необычайно торжественным видом входит в кабинет, держа руки за спиной, и начинает демонстративно расхаживать из стороны в сторону, пристально глядя на удивленных женщин. Потом, чуть не плача, восклицает:

– Да вы что, ничего не замечаете, что ли?!..

– Ну, слава Богу!.. – обнимает ее Лариса Михайловна и, отстранившись, с нежностью смотрит на два блестящих от счастливых слез, распахнутых ей навстречу Катиных глаза.

– Спасибо вам, спасительница вы наша!.. – шмыгает носом Катерина, достает из-за спины огромный букет гвоздик. – Это муж ко мне пришел как раз, а тут такая радость!.. Так он вот... Вам, от всей души!..

– Вот этого не надо! – строго говорит Лариса Михайловна. – Зачем же тратиться?!.

– Да как же?!. Радость ведь какая!.. Вы же меня к жизни вернули!.. Возьмите, прошу вас!.. Он бы не знаю, что для вас сделал за это, ей-Богу!..

– Ну, хорошо. Спасибо!.. Иди к нему, Катюша, – Лариса Михайловна ставит букет в вазу, смахивая накатившие слезы. – С вами здесь совсем сентиментальной станешь!..

– А еще говорят – чудес не бывает! – взволнованно говорит Ирина. – А сны вы толковать умеете, Лариса Михайловна?..

– Давай попробуем, – садится та на диванчик, отдыхая.

– Приснилось мне сегодня: будто идем мы с Денисом к маме... Царство ей Небесное!.. Она после смерти часто мне снится, я вам говорила... Так вот, идем мы к ней почему-то на пристань припятскую... Она вроде там в будочке такой живет, ну вот в каких мороженое продают... Подходим мы к пристани, а там на не замерзшей почему-то воде стоит огромный белый корабль... Я говорю: "Вот видишь, даже морские лайнеры к нам заплывали..." Вдруг этот корабль разворачивается и своим громадным острым носом плывет прямо на нас... вначале по воде, потом – по снегу... А мы уже около маминой будочки. Я быстро зарываю Дениса в снег... Вдруг с высокого борта на меня летит длинный толстый канат с петлей... Я отбрасываю его и тоже зарываюсь в снег у будки... Корабль крутится около нее туда-сюда, но будочка его к нам не пускает... Покрутился он так, да и поплыл восвояси... Я вижу, что опасность миновала, выбираюсь из снега сама, откапываю Дениса, и мы заходим в будку... А там на кровати мама лежит – под ледяным колпаком над головою... Я бросаюсь к ней, плачу, дышу на лед... И лед начинает таять... А когда он совсем растаял, мама оживает, поднимается в постели ко мне и улыбается... А я плачу, теперь уже от счастья, обнимаю ее и... просыпаюсь... Вот такой сон...

– Мне думается, что было у тебя какое-то мертвое дело, а теперь оно оттаяло... И сдается мне, что квартиру тебе уже выделили, только сообщить еще не удосужились!.. – объясняет сон Лариса Михайловна.

... Ирина с сыном покидают по-новогоднему украшенный мебельный магазин. Идут к автобусной остановке. Денис с трудом несет перед собой связанные вместе одеяло и две подушки, Ирина – свернутый матрац и раскладушку.

Они входят в подъезд девятиэтажного жилого дома. Поднимаются лифтом на восьмой этаж.

– Мама, в этом доме одни припятчане живут? – спрашивает Денис.

– Да, наверное...

– А это что здесь написано?.. Посмотри...

Ирина читает надпись, выцарапанную на щитке с кнопками этажей: "Шаровики!"

– Что это значит? – спрашивает Денис.

– Глупость какая-то... Пойдем, – подталкивает его Ирина в открывшуюся дверь лифта.

– Это твоя комната!.. – торжественно провозглашает она, когда они вошли в свою новую, пустую еще квартиру. – Давай пока сюда поставим раскладушку...

– Ой, мамочка!.. – обнимает ее Денис так, что она роняет на пол раскладушку и матрац. – Значит, скоро ты меня насовсем из больницы заберешь?!

– Конечно же... Ну, все, все... Пусти, задушишь!.. Раздевайся... Приберем здесь, пока не стемнело, а то в комнатах света еще нет... Так что Новый год на кухне встречать будем... Но ничего, после праздников мы с тобой все наладим, купим мебель... и заживем по-царски, – радуется Ирина.

После праздников – они вновь в мебельном магазине, где во всех отделах висят таблички: "Мебель только для чернобыльцев". Они выбирают дешевый диван и тахту, скромную стенку для жилой комнаты, ибо полученной компенсации на дорогую мебель им, конечно, не хватит. И только около кухонных гарнитуров они долго ходят, присматриваются. Уж для кухни можно позволить себе выбрать приличную импортную мебель, которая все равно вся – "только для чернобыльцев".

– Я могу взять этот гарнитур? – спрашивает Ирина скучающую продавщицу.

– Чернобыльцам, – безразлично отвечает та.

– Мы – чернобыльцы. Вот паспорт...

– Таких гарнитуров больше нет... Только что забрали последний...

– А этот?..

– Этот продан.

– А... такой я могу купить? – показывает Ирина на другой, тоже импортный гарнитур.

– Этот тоже последний... Здесь мойку переделывать нужно...

– Ну, хорошо, а что вы нам можете предложить?!

– Вот есть один, Броварской фабрики... Берите, если хотите...

Они подходят к кассе. Ирина рассчитывается за отобранную мебель.

– По два червонца на брата – и получай!.. – слышит она, как сбоку тихо торгуется рабочий магазина с солидным мужчиной в галстуке.

– Сколько всего?.. – спрашивает тот.

– Стольник – нам!.. И ей – зелененькую, – показывает рабочий на женщину, сидящую за столом администратора.

– Добро!.. По рукам!..

Когда, рассчитавшись, Ирина подошла к окошку, где оформляют доставку мебели на дом, тот же рабочий догоняет ее и тихо спрашивает:

– Вам срочно нужно мебель доставить, не так ли?!.

– Да, хотелось бы побыстрей... У нас в квартире совсем пусто еще...

– Полсотни давай!.. Сейчас же погрузим и отвезем...

– Но мне сказали, что машин свободных сегодня нет...

– Давай деньги, хозяйка, и "все будет путем"!..

– Хорошо, – робко соглашается Ирина.

– Мам, – дергает ее за рукав Денис, когда отошел рабочий. – Нам та тетя сказала, что таких гарнитуров, как мы хотели, больше нет... А пока я на улице стоял, их уже три вывезли!..

~~~~~

... Вам идти! – сказали Ирине, когда подошла ее очередь.

– Слушаю вас, – участливо встретила ее замминистра.

– Видите ли, – волнуясь, подходит к столу Ирина, – мой сын тяжело болен... Ему нужна срочная операция... Вот наши бумаги... Я бы хотела, чтобы его оперировали за границей... Ведь сейчас весь мир готов помогать чернобыльцам... А мы из Припяти... Вот, посмотрите... Мы жили на окраине, почти у реактора... К тому же сын в тот день с другом еще на речку бегал... А теперь такое... – выпалила она устало и, без приглашения, опустилась на стул.

– Я вам сочувствую, – рассматривает бумаги зам. – Но помочь вам – увы! – нечем... Это не наша компетенция... Да и средствами мы не располагаем... Вы же знаете – нужна валюта...

– Но что же мне делать?..

– Право, не знаю... Обратитесь в Союз "Чернобыль", может быть, они... На телевидение... В этот их марафон, наконец...

– Они нас показывали в прошлый раз...

– И что?..

– Ничего... Как видите...

– Не знаю... Просите у них... Мы могли бы разве что дать путевку оздоровительную вашему сыну куда-нибудь...

– Спасибо. Путевку ему в поликлинике уже дали – на море, в разгар зноя... Вот теперь не знаю, как забрать его поскорее... Совсем ему плохо там... Извините, – встает Ирина.

Понуро выходит она из Минздрава, вновь садится на скамейку в парке, кладет под язык валидол. Вспоминает ...

~~~~~

... Холодный осенний полдень. Простоволосая, все в том же демисезонном пальто, мучимая горячей, нестерпимой болью, разлившейся по всему телу, едва волоча непослушные ноги, подходит Ирина к своему дому, весь двор которого усыпан цветами. У подъезда стоит печальная соседка, покачивая коляску с грудным ребенком. Ирина, сжав виски руками и морщась от боли, спрашивает ее:

– Что случилось?

– Еще одного не стало...

– Кто?..

– Фамилию не помню... До аварии жил в Шепеличах... Все время на станции работал...

– Отчего умер?..

– Рак...

Ирина входит в квартиру, тяжело опускается на тумбу тут же у двери. Денис, повзрослевший за послеаварийный год, подбегает к ней, помогает снять сапоги. Отводит в комнату, усаживает в кресло, пытается снять с нее пальто.

– Mam, тебе плохо?! Ты ложись... А я сбегаю к автомату – вызову "скорую"?..

Ирина в постели. Рядом с нею стоит молоденький врач и внимательная медсестра "скорой помощи".

– Давно вы лежали в больнице? – спрашивает врач, пока медсестра делает Ирине укол.

– Почти полгода назад, – стонет Ирина.

– Нужно лечь еще раз, – решает врач.

– Нет, я так не могу... К больнице надо как-то подготовиться... Придумать, как быть с сыном... Нет!.. Вот вы мне укол обезболивающий сделали, и спасибо!.. Лишь бы эта адская головная боль прошла, и можно дальше жить...

– Жить-то можно... Но для этого вам все-таки необходимо пролечиться... Он у вас не маленький уже, – смотрит врач на Дениса, стоящего у двери. – Есть у вас родственники?..

– Сестра.

– Ну, вот, вызовите сестру... Что, герой, смотришь?.. Маму мы отвезем в больницу, иначе она долго собираться будет... А ей непременно нужно подлечиться... Правильно я говорю? – треплет он Дениса за шею. – А ты останешься за хозяина, хорошо?..

Денис неуверенно кивает и вдруг сильно кашляет.

– Простыл, что ли? – спрашивает врач.

– Нет, – тихо отвечает за Дениса мать, – это после лагерей 86-го, уже почти год у него такой кашель, приступами... Боюсь, чтобы астмы не было...

– Обязательно покажите его врачу!..

Душный коридор детской поликлиники переполнен женщинами и детьми. Ирина просится у очереди:

– Позвольте мне войти?!.. Я без ребенка... Мне только выписку взять, пожалуйста!..

Очередь не возражает, и Ирина входит в кабинет, где за столом сидит участковый врач – крутолобая молодая женщина с жесткими глазами. Рядом – женщина с малышом на руках.

– Я занята, мамаша!.. Вы разве не видите?!..

– Простите, но мне только выписка нужна – с последними анализами, для обследования сына... Я думала, что медсестра... Но раз ее нет, я буду ждать своей очереди, простите!..

– Карточка ваша здесь?..

– Должна быть здесь, я записывалась на прием...

– Ищите карточку, и выписывайте все сами, я подпишу...

– Спасибо! – Ирина склоняется к столу, быстро находит карточку Дениса, достает из сумочки ручку. – Простите, на чем можно писать?..

Врач подсовывает ей лист и обращается к женщине с малышом:

– У вашего ребенка ОРЗ, мамаша... Сейчас я выпишу антибиотики, будете давать по таблетке три раза в день... Ну, конечно, теплое питье, горло полощите ромашковым отваром...

– Но он еще не умеет полоскать... Как же?.. – растерялась молодая мама, отнимая у мальчика авторучку, которую тот умудрился стянуть со стола и даже попробовал запихнуть в рот.

– Ах, да... Тогда смазывайте горло йодином... Я выпишу...

Ирина открывает страницу карточки, к которой прикреплен результат последнего анализа крови, сделанного три месяца назад, и недоуменно смотрит на этот клочок бумажки, исписанный вдоль и поперек жирным красным карандашом.

– Что это? – удивляется докторша, глядя на бумажку, протянутую ей Ириной.

– Я не знаю, что это... Три месяца назад у ребенка был такой анализ крови, а вы мне ни слова об этом...

– Значит, я не видела его, мамаша!.. Разве я могу за всеми вами уследить?.. Медсестра подклеила и все...

– Но ребенок ведь из Припяти!.. Неужели нельзя повнимательнее?!..

– А у меня не один он из Припяти! – перебивает ее врач. – Где вы будете его обследовать?!..

– Мне сказали – в Охмадете...

Старенькая дворничиха пытается смести в кучу последние осенние листья на мокрой аллее небольшого скверика во дворе института охраны материнства и детства или по-простонародному Охмадета, куда уже за результатами обследования спешат Ирина с Денисом.

– Мам, – тихо говорит Денис, – мы вчера, когда в кино шли всем классом, мимо нашего двора проходили. А та девчонка, которую со мной посадили недавно, помнишь, Татьяна, говорит всем: "Не подходите близко к этому дому, там припятские живут..." Я говорю: "Ну и что? Я тоже припятский и тоже в этом доме живу..." А вчера она попросилась за другую парту...

– Не расстраивайся, сынок!.. Это не беда!.. Просто она – не надежный человек, – успокаивает его Ирина.

Они заходят в кабинет приятной блондинки средних лет, ведающей в Охмадете припятскими детьми.

– Все так, как я и предполагала, – вздыхает она, изучив результаты анализов.

– Как? – встревожено спрашивает Ирина. – Дениска, подожди меня в коридоре...

– К сожалению, утешительного мало, мамочка... Да, придется вам пару месяцев серьезно пролечиться... Я все-все вам сейчас распишу...

– А как же школа?..

– Ну, голубушка!.. Какая тут школа?! Здоровье дороже!.. Да, а это все возьмите, – она отдает Ирине результаты исследований. – Для поликлиники сделайте копии... Вам еще не один год придется лечиться, так что все собирайте, чтобы можно было контролировать ситуацию... Поняли, мамочка?!..

– Спасибо вам!.. Просто даже не знаю, что было бы, если бы мы не к вам попали!..

– Попали, и слава Богу!.. Будем лечиться! ...

~~~~~

... Измученная нервным днем, Ирина тяжело спустилась со ступенек автобуса на своей остановке. И уже направилась было домой, но, вспомнив, что дома ее ждет голодный кот, все же решила зайти в гастроном.

Пройдя мимо всех отделов с пустыми и полупустыми полками, в основном заставленными трехлитровыми банками сомнительного березового сока, Ирина подходит к колбасному отделу, где с сожалением понимает, что отвоевать кусочек для ее Василия сегодня она никак не сможет. Поскольку у пустого прилавка здесь хаотично столпилась огромнейшая очередь, жадно, со

скандалом, набрасывающаяся на каждую новую тележку с кучей расфасованных кусочков вареной колбасы грязно серого цвета, еще недавно самой дешевой из всех сортов колбас, а теперь аж по 8 рублей за кг, прозванной в народе "павловской", по фамилии нынешнего премьер-министра СССР, в 2-3 раза поднявшего цены на продукты питания и основные потребительские товары, которых в магазинах все равно днем с огнем не сыскать. Постояв немного у колбасного отдела, Ирина плетется к рыбному, где на одном из лотков пустого прилавка одиноко лежит горстка поблеклой, залежалой, сырой кильки. Ирина покупает ее всю.

У ближайшей многоэтажки гуляет хмельная свадьба. Свернув во двор своего дома, Ирина уже издали замечает заплаканных соседей, столпившихся у ее подъезда, и "Скорую помощь", стоящую в сторонке. Только она подошла, как к подъезду тихо подъехала крытая машина, из которой выносят гроб, провожаемый суровыми взглядами потрясенных горем мальчиков и девочек 14-16 лет, плотной группой стоящих у парапета. Собравшиеся всхлипывают. Вдруг на балкон четвертого этажа с душераздирающим криком выскочила мать умершего в трауре:

– Сыночек мой!.. Сынок!..

Этот отчаянный материнский крик, кажется, никогда не утихнет, но вот две женщины в черном с трудом затаскивают несчастную мать назад в квартиру. К дверям подъезда прислонены венки с лентами "Дорогому Сергею от родных", "... от друзей", "... от соседей", "... от одноклассников", "... от Союза "Чернобыль"... Рядом с венками большой портрет, с которого весело смотрит на собравшихся открытое лицо рыжего подростка с серыми глазами.

– Сережка?!.. – вырвалось у Ирины, в глазах ее – ужас и боль.

– Ты что, не знала? – спрашивает стоящая рядом зареванная землячка.

– Нет... Не знала... Боже, Боже!.. – стонет Ирина. – Горе-то какое!.. Еще позавчера я его видела во дворе с Джеком...

– Вот позавчера вечером ему и стало плохо... Упал и все... Восемь часов за него боролись в реанимации, – шмыгает носом землячка, – не спасли...

– Господи!.. Детей-то за что?!.. – страдает Ирина. – Бедная Лиза!..

– Ее уже трижды откачивала "скорая", – шепчет еще одна женщина рядом.

Ирина смотрит на лица ребят, на портрет всегда улыбчивого Сергея, и ей видится...

~~~~~

... – Припятских сегодня в интернат увозят, – кричит рыжий чумазый мальчуган, проносясь мимо Ирины по лысой аллее пионерлагеря "Ленинец", куда полмесяца назад перевели всех припятских и чернобыльских детей из других лагерей Сергеевки Белгород-Днестровского района.

– Сергей?! – узнала его Ирина. – Постой!.. Куда увозят припятских? – хочет она выяснить, но тот уже достаточно далеко и ее не слышит.

Высокое солнце припекает открытые, почти без какой-либо растительности игровые и спортивные площадки. Горячий дух исходит от бетонных стен множества двухэтажных корпусов, беспорядочно разбросанных по огромной территории этого лагеря-гиганта.

По разогретому асфальту лагерных дорожек туда-сюда снуют ребятишки. Но ни одного взрослого Ирина не видит вокруг.

Навстречу ей бредет с понуро опущенной головой девочка лет пятнадцати, плечи которой вздрагивают от сдерживаемого беззвучного рыдания.

– Девочка, ты не подскажешь, где я могу найти 7-й отряд, – спрашивает ее Ирина.

Та, вздрогнув, останавливается и какое-то время удивленно смотрит на Ирину покрасневшими от слез глазами.

– Тетя Ира, вы?!. Вот Дениска обрадуется!.. Идемте, я проведу вас...

– Наталка?!.. Здравствуй, милая!.. Что с тобой?.. – притягивает девочку к себе Ирина.

Наталка, уткнувшись в нее, вдруг горько зарыдала. Ирина гладит ее по выгоревшим волосам.

– Ну, поплачь, поплачь немного... Может, легче станет!..

– Не могу больше здесь!.. – рыдает Наталка. – Тетя Ира, сил моих нет больше!.. Сбегу сегодня, если мама за мной не приедет... Ни в какой интернат я с ними не поеду!..

– Куда же ты убежишь?..

– Не знаю... На станцию... в Киев... куда угодно!.. Своих буду искать, – шмыгает носом и непрерывно смахивает слезы Наталка, идя рядом с Ириной по аллее. – Даже в первые дни здесь, когда я еще не знала, что с мамой... Она ведь на станции в ту ночь работала... А из города меня вывезла тетя моя... Потом уже я сюда попала... И не знала, жива ли мама, где она, что с ней... Я тогда все время плакала... А они называли меня истеричкой... Наша воспитка, чуть я расстроюсь, кричит: "Прекрати истерику, дура!.." Представляете!.. Вот в "Медике" всем нам было классно!.. Помните?!. А тут, только перевели, выдали нам по одному халату, да всем почти одного размера, и вместо обуви – колодки, одного размера – всем... Ну, смотрите, разве это туфли?!.. Но самое жестокое было отношение к нам, девочкам старше 14-ти... Знаете, месячные уже у многих, а они нам объявили в первый день: "Девочки, у кого будет потребность в вате, обращайтесь в медпункт..." Так вот, у кого такая потребность возникла в первые десять дней, тем везуха!.. А потом все!.. Нет ваты, что хотите, то и делайте... А нам ведь и рвать-то нечего, даже тряпок своих нет... Вот гадство, представляете!.. Кошмар!.. – говорит Наталка, высохшими от гнева глазами глядя на какого-то невидимого недруга впереди. – А когда комиссия с ЧАЭС к нам приехала, и они спросили, чего нам больше всего хочется, мы сказали – чтобы комиссии сюда почаще приезжали, тогда хоть нормально в столовке кормят!.. ..Ой, тетя Ира, – вдруг спохватилась она, – это так здорово, что вы успели!.. Я так рада за Дениску!.. Он ведь ничего не знает, вот будет счастлив... Мы пришли! Это их корпус. Вам сюда – на второй этаж!.. А я побегу маму встречать, может, и она успеет приехать!.. – в глазах Наталки вновь показались слезы. – До свидания, тетя Ира!..

Девочка побежала к лагерным воротам. Ирина некоторое время смотрит ей вслед и, тяжело вздохнув, поднимается по наружной лестнице на второй этаж. Входит в просторную прихожую, в центре которой стоит низкая широкая скамья, с обеих сторон которой разбросана стоптанная, сбитая, грязная детская обувь... Вдоль стен тянутся личные шкафчики ребят из 7-го отряда.

– Все. Припятские, с вещами на выход!.. – слышится из соседней комнаты резкий женский голос.

Первым в прихожую с двумя толстыми пакетами в руках выходит ничего не подозревающий Денис. Увидав маму, он, ошеломленный неожиданностью, замирает, роняет на пол пакеты, из которых вываливаются скомканные грязные рубашки. Сам он чумаз и не ухожен, на сером исхудавшем лице остались только огромные глаза, которые мгновенно наполняются слезами. Ничего не говоря, Денис медленно подходит к Ирине, опустившейся от волнения на скамью, и прижимается к ней, крепко обняв маленькими ручонками.

За его спиной появляется чумазое лицо улыбающегося Сергея ...

~~~~~

... Женщина, стоящая около Ирины, слегка толкает ее в бок:

– Смотри... Джек прибежал...

– Господи!.. Нужно, чтобы его увели, – шепчет другая.

Взрослая собака породы колли скулит и мечется, пытаясь пробиться сквозь плотную толпу. Низкий коренастый мужчина оттаскивает ее в соседний подъезд ...

~~~~~

... А Ирине вспоминается, как однажды открыв входную дверь, она увидела счастливых Сергея и Дениса показывающих ей смешного щенка колли, а сзади радостно выглядывает симпатичная мордашка младшей сестренки Сергея. И они вместе наблюдают, как, обнюхав всю квартиру, щенок подбегает к зашипевшему коту Ваське, пушистая, черная с серебристым отливом шерсть на выгнутой спине которого встала дыбом ...

... А вот дети бегают по заснеженному двору – уже с подросшим Джеком, забрасывая друг друга снежками. Мальчики забираются на перекрытие странного сооружения детской площадки, и оттуда засыпают снегом Джека, который, радостно виляя хвостом и смешно отряхиваясь, высоко подпрыгивает, чтобы достать их ...

~~~~~

... – А Денис где? – спрашивает Ирину соседка. – Что-то его давно не видно...

– В санатории... Даже не знаю, как он это переживет?!.. Как страшно, Господи!..

– А матери как жить-то теперь? – вздыхает кто-то рядом.

– Что поделаешь?!.. Надо жить, – всхлипывает соседка, – у нее еще дочь малая!..

Из подъезда выносят еще венки, цветы. Выходят близкие Сергея, выводят изнемогающую от страданий мать. Следом идут, обнявшись, отец и сестренка. Собравшиеся: соседи, друзья, одноклассники прощаются с Сергеем, засыпая гроб живыми цветами.

Из крайней квартиры спустили шнур с микрофоном, который берет интеллигентная припятчанка, занимающаяся в этом доме "детьми Чернобыля", и дрогнувшим голосом произносит:

– Дороги зэмлякы!.. Ридни, друзи Сэргия!.. Страшнэ лыхо знов прыйшло в наш дим!.. Сьгодні ми прощаемося з юнаком, якый ще тилькы мав обыраты свою долю!.. Нэмае слив, щоб пэрэдаты горэ, яке вси мы тут пэрэжываемо зараз... Нэмае слив, яки хоча б трохы змэншылы матэрынськый биль, – голос ее сорвался, слышится стон матери, рыдания. – Пробач, Сэргийку, якщо мы щось нэ зробылы для тэбэ!.. Хай прыймэ Господь твою бэзгришну душу и хай даруе тоби Царство Нэбэснэ!..

В это время Ирину обнимает за плечо откуда-то взявшаяся Софья, глаза которой тоже припухли от слез.

– Идем со мной, – шепчет она Ирине, увлекая ее за собой. – Слушай, я тут американцев встретила... Они случайно оказались в нашем районе и ненароком увидели это! – сокрушенно вздыхает она. – Уму непостижимо!.. Вон они, видишь, фотографируют... Так вот, я им рассказала, что твой Денис дружил с Сергеем... И что он тоже тяжело болен... Они захотели поговорить с тобой...

– О чем?.. Софья, ты с ума сошла!.. Не могу я ни с кем говорить сейчас... Тем более с иностранцами... Прости, – отстраняет подругу Ирина.

– Идем, дуреха!.. Может, они смогут помочь Денису, – почти тащит ее Софья туда, где участливо наблюдает за происходящим группа иностранцев.

– Добрый дэнь, – протянула руку навстречу Ирине приветливая украинка. – Пани Ирына?!.. Пробачтэ, але мы запросылы вас лышэ на килька слив... Нэ хвылюйтэсь!.. Мы прэдставляемо тут амэрыканцев та украйинцев Сполучэных Штатив, яких об'єднало бажання допомогты потэрпильм вид Чорнобыля... й ось випадково натрапылы на цэ нэщастя...

– Good morning! Excuse me... We heard your son was friend of this boy, yes?! – спрашивает Ирину растроганная экстравагантная американка.

– Цэ пани Эванс... Вона запытуе чы насправди ваш сын товаришував з цым хлопчыком?..

– Спасыби, я зрозуміла... Так, товаришував... – кивает Ирина.

– Чы е ваш сын також важко хворым?..

– Так...

– Дэ вин зараз?.. У Києви?..

– Ни... Вин... ликується в санаторий!..

– О!.. – подбадривающе хлопает Ирину по плечу американская украинка. – То цэ добрэ!.. – и она все переводит американке, та что-то долго говорит вполголоса. – Розумиетэ, ваша подруга розповіла нам про хворобу вашойи дытыны... Тут з нами е ликари... Вони пояснылы, що, на жаль, цэ дужэ важко ликується й дуже дорого коштує... Вы розумиетэ?.. – Ирине стало стыдно. – Алэ вони кажуть, що будуть ще радытысь з фахивцямы в Штатах, и, якщо можна будэ щось зробіты, мы повидомымо вам, гаразд?! Скажыть, будь ласка, вашу точну адрэсу...

– Давайте, я вам запишу, – вмешалась Софья, видя, что Ирину начинает лихорадить.

Иностранцы сочувственно вздыхают и, отходя, подбадривающе улыбаются, пожимая Ирине руку. Украинка же, уходя последней, открывает сумочку Ирины и опускает в нее зеленую купюру.

– Що цэ? – выдавила из себя Ирина.

– Цэ малэнький прэзэнт вид нас, шоб вы змогли прыдбаты якісь фрукты, сик чи що там потрибно вашый дытыны зараз... Трымайтэся!.. Бувайтэ здорови!.. – уходит она, прослезившись.

Ирина лишь кивнула, ибо потеряла дар речи. А похоронная процессия двинулась вдоль дома. Площадка у подъезда опустела. Только асфальт густо усыпан цветами.

– Ладно, мать, иди, отдыхай... Прими что-нибудь... А то тебя трясет уже... – басит Софья.

– Боже! – вырвалось у Ирины. – Зачем ты!.. Стыдно-то как!..

– Да брось ты!.. Если они помогут Денису, потом благодарить будешь...

Процессия вдруг остановилась, толпа, расступившись, пропускает машину "скорой помощи".

– Ну вот, ей опять плохо... Я пойду туда... А ты домой иди, слышишь!.. Еще тебя откачивать придется!.. Ну, будь! – Софья поспешила догонять остальных.

А Ирина входит в подъезд. Здесь пол тоже устелен цветами. Открывает почтовый ящик. Там три письма от Дениса. Она разрывает один конверт, входит в лифт.

"Мамочка! – слышится ей голос Дениса. – Не могу сдержаться, пишу второе письмо за сегодня. Наверное, к тебе придут сразу три письма... Напиши мне, как твое самочувствие?.. Как там Серега?.. Дай ему мой адрес, пожалуйста. Пусть он мне тоже напишет..."

– О-оо!.. – стонет Ирина и глухо рыдает.

"...Весь день болит голова. Жду – не дождусь, когда все это кончится!.. Я тебя очень люблю, мама!.. Мне сказали, что можно выписаться, как только закончатся все процедуры... Неужели еще целый месяц разлуки впереди?!"

Ирина открывает дверь, входит в квартиру. Навстречу поднимается с кресла Александр, с которым судьба свела ее три года назад. Его обычно ясные голубые глаза сегодня как будто слегка потускнели от какого-то внутреннего беспокойства.

– Ты?! – удивляется бледная Ирина и обессилено прислоняется к дверному косяку.

– Привет!.. Вот жду тебя... Я пришел, чтобы сказать тебе... Нет... Лучше ты расскажи... Ты что-нибудь выходила за это время?.. Да что с тобой?! – подбегает он к сползающей на пол Ирине, подхватывает ее, усаживает в кресло, легонько шлепает по щекам. – Что еще стряслось?..

– Сережка умер...

– Что ты!.. Этот мальчик... Ну, надо же... Денису лучше не сообщай об этом пока!.. Успокойся!.. Нельзя же все принимать так близко к сердцу...

– Это уже пятая смерть в нашем подъезде!.. Кто?.. Кто следующий? – рыдает Ирина. Александр выбегает из комнаты. – Господи, детей хотя бы не трогала... А-а-а!..

Кот, сладко спящий на диване, проснулся и уже не сводит с хозяйки голубых встревоженных глаз.

Александр возвращается с микстурой:

– Выпей пока!.. Станет легче... – Он готовит шприц для укола. – Может, теперь ты поймешь, что нельзя тянуть... Нужно открывать счет в банке... Нужно кланчить, требовать, выбивать валюту, – он колет ее в мышцу руки. – "Линять" надо отсюда... Иначе и Дениса не спасешь, и сама загнешься...

Ирина с болью и усталостью смотрит на возлюбленного и вдруг достаточно твердо говорит:

– Вот что, дорогой!.. Я больше нигде не пойду!.. Нигде, слышишь?!.. Не могу больше!.. Устала... Боже, как я от всего устала!.. Ты можешь понять?!.. Завтра же еду за Денисом!.. Нам покой нужен... Ничего больше не хочу!.. Ты хочешь уехать?.. Езжай!.. Я не держу!..

– Успокойся!.. Прошу тебя!.. – сев в кресло напротив, гладит ее руки Александр.

– Не верю!.. Ни во что больше не верю!..

– Хорошо... Завтра поедешь, заберешь Дениса, и что дальше?!.. Хочешь уготовить ему судьбу Сергея?!.. Ну-ну!.. Нет, милая, не поедешь ты за ним!.. Слышишь?.. Ты должна за время его отсутствия использовать все шансы... Все!..

– Но он долго не выдержит там... Ему плохо!.. Вот его новые письма, – достает Ирина из сумочки конверты, оттуда же выпадает стодолларовая купюра.

– Ого-го-го! – загорелись глаза Александра. – Откуда такое богатство?!

– А, это?!.. Это какая-то делегация была... там внизу... Софья им что-то про нас наговорила... Вот это дали... Но на лечение Дениса этого – увы! – не хватит, – грустно прячет она купюру в сумочку.

– На лечение, конечно, нет... Но, во всяком случае, этого достаточно, чтобы какое-то время не подохнуть с голоду... А то я посмотрел – у тебя в закромах хоть шаром покати!..

– Да, ты прав... Ой, совсем забыла!.. Возьми в прихожей в пакете кильку, накорми Василия, пожалуйста...

Кот, восприняв ее слова как команду, сразу же бросился на кухню.

– А ты почему пришел?.. Забыл что-нибудь?.. – спрашивает Ирина, вернувшегося с кухни Александра.

– Да ладно, хватит дуться!.. Я мириться пришел... Надеюсь, ты меня не прогонишь на этот раз?!..

Ирина безвольно смотрит в его вновь посветлевшие голубые глаза.

– Как хочешь...

– Спасибо, – нежно берет ее руки в свои Александр, целует их. – Я помогу тебе лечь, – поднимает он Ирину на руки, целует в губы.

Они в постели...

Александр уснул. Ирина смотрит на него, на Ваську, устроившегося в его ногах, и вспоминает их знакомство в больнице ...

~~~~~

... Всесоюзный Научный Центр Радиационной Медицины (ВНЦРМ), окруженный могучим чугунным забором, расположил свои красивые корпуса у самого леса, захватив на свою территорию немало вековых дубов и сосен. В одном из корпусов на первом этаже вдоль стен коридора со множеством дверей стоят удобные мягкие стулья для посетителей. Правда, посетителей почти нет. На стене у дверей начмеда (начальника медицинской части) висит информационный стенд, на котором, среди прочей информации, Ирина видит примерно такую: "Товарищи! Йодная опасность уже миновала. Теперь можно есть и пить без ограничений, чаще проветривать помещения. Но многие все еще придерживаются наших ранних рекомендаций, в связи с чем наблюдается увеличение количества разнообразных хронических заболеваний..." и т.д.

Ирина, хмыкнув, заходит в кабинет.

Она лежит под капельницей в небольшой уютной палате на три кровати, с приятными шторами и тонким белоснежным тюлем, занавешивающим высокое окно и балконную дверь, сквозь который виднеется золотое убранство редких лиственных деревьев в густо-зеленом сосновом бору за больничной оградой. В палате две соседки-припятчанки. Одна почти ровесница Ирины – радиоинженер. Другую Ирина знала по "Медику", где та работала пионервожатой.

– Светлана, – обращается к ней Ирина, – все хочу спросить – как звать девушку, которая к тебе приходит?..

– Антонина. А что?

– Она на Дружбе Народов жила в Припяти, да?..

– Кажется... Впрочем, мы с ней только здесь познакомились... Но у нее серьезные провалы в памяти...

– Ах, вот оно что!.. А я думала, то ли я ошибаюсь, то ли она не хочет меня признавать... Она изменилась, конечно... Но мы ведь жили рядом... Да.... Теперь все понятно...

– Девчата, ведь у меня с памятью тоже творится что-то неладное, – заинтересованно включается в разговор Михайлина Васильевна, поправляя внушительные очки. – Встречу кого-то, вижу – до боли знакомый человек, а кто он, что он – вспомнить не могу... И главное, если бы это в редких случаях, а то ведь постоянно... Про имена там, фамилии я уж и не говорю... Такие мелочи даже не пытаюсь вспоминать...

– Сейчас у наших у всех такое, с кем не поговоришь... Не память, а решето, – говорит Светлана, подойдя к Ирине и проверяя, сколько еще лекарства осталось в капельнице. – Но слабая память, это полбеды, – продолжает она, возвращаясь к своей кровати. – Для меня страшнее, что теперь я практически ни на что не способна!.. А ведь еще недавно могла все... Буквально все... Не поверите, два года назад, незадолго до Чернобыля, у меня была всего неделя отпуска, так я за эту неделю родителям в селе не только вскопала огород, посадила все и полностью обработала сад, я еще успела сделать косметический ремонт внутри дома... даже поштукатурила и побелила его снаружи... Правда, когда возвращалась в Припять, в поезде забралась на верхнюю полку и до утра не сползала, все тело гудело и болело... Но то была другая, приятная, почти сладкая боль – от работы... Не такая невыносимая и изматывающая, как теперь – от болячек... Ах, – вздохнула она. – Но главное, что теперь даже самые элементарные вещи даются так тяжело... Это в наши-то годы!..

– Правда, – поддержала ее Ирина. – Я сейчас не могу поверить, что до аварии могла утренним пятичасовым автобусом смотаться в Киев, сделать там все свои и дворцовские дела, поработать в библиотеке, вечером вернуться, переделать все домашние дела, проверить уроки сына, ночью поработать над каким-нибудь сценарием или чем-то еще, – и утром, свежей, как огурчик, явиться на планерку в ДК... А теперь я уже никому ничего не обещаю... Боюсь подвести... Ты права, Света, это так удручает...

– Знаете, что, девчата, – говорит Михайлина Васильевна, – не нужно вспоминать и терзать себя тем, что мы могли и чего теперь не можем... Нам уже не быть такими, как раньше, поэтому пора перестраиваться, нужно научиться радоваться тому, что мы можем делать теперь... даже самой малости... Иначе вообще крыша поедет...

– Ой, смотрите, Васька пожаловал!.. – воскликнула Светлана.

Это в палату через открытую балконную дверь важно вошел огромный пушистый красавец-кот с голубыми глазами и черной шерстью с серебристым отливом. Остановившись посередине комнаты, он осмысленным взглядом смотрит поочередно на каждую больную, будто здороваясь персонально с каждой.

– Ирина, ты действительно решила взять его?

– Конечно!.. Денис будет страшно рад!.. Ведь это же чудо, а не кот!..

– Василий, ты рано пришел, до обеда еще далеко!.. Иди, гуляй, а то нам от сестер за тебя достанется!.. Иди, иди, – говорит коту Михайлина Васильевна.

Василий отошел поближе к балкону и сел, в ожидании своей обеденной порции.

– Светка! – влетает в палату худенькая Антонина с перевязанным горлом. – У вас обхода не было еще?..

– Сегодня или на той неделе?!.

– Кончай издеваться!.. У нас только что профессорский обход был...

– В вашей эндокринологии все не как у людей... Каждый день обход, вот и профессорский даже... А у нас лечащий врач и тот, как ясное солнышко, раз в неделю появится на полчаса, мы и рады!..

– Тоня, здравствуй! – окликает гостью Ирина.

Та внимательно всматривается в лицо лежащей под капельницей и слабо улыбающейся ей Ирины, но, не узнав, пожимает плечами.

– Да Ирина я!.. Соседей не признаешь?!.

– Ах! – хватается за голову Антонина и, тихо завывая, качает головой. – Господи!.. Никогда бы не узнала!..

– А как Анюта твоя?..

– Здесь рядом, в диспансере лежит. В гематологии...

– А что с ней?..

– Лейкоз...

... На мгновение перед Ириной вновь возникает фрагмент злосчастного 26 апреля:

У подъезда взрослые, в ожидании эвакуации, собрались в кучки, обсуждая случившееся, гадая, предполагая, споря о том, что ждет всех дальше.

Дети играют в догонялки у дороги, ведущей на станцию. Самые маленькие, и среди них Анюта, копошатся в песке...

... Слезы блеснули в ее серо-зеленых глазах. Повлажнили глаза и у остальных женщин. А в палату стремительно входит лечащий врач – высокий молодой человек с пышной русой шевелюрой и ясными голубыми глазами. На шее у него висит фоноскоп, под мышкой – папка с историями болезней.

– Здравствуйте!.. Начнем обход, – поправляя шевелюру, почти торжественно произносит он.

– Ну, вот и у вас солнышко взошло, – грустно улынулась Антонина.

– Посторонних прошу оставить палату, – требовательно смотрит врач на нее, а затем на пушистого кота с такими же голубыми глазами, доверчиво трущегося о его ноги.

Антонина, вдруг заметив их сходство и невольно прыснув, выталкивает Василия на балкон, а сама, махнув всем ручкой, нарочито медленно выходит из палаты.

– Ну, как дела, Ирина Михайловна?.. Помогает вам ваше эссенциале?.. О, да тут уже все... Я сейчас медсестру кликну...

– Не надо!.. – перебивает его подскочившая к системе Светлана. – Я и сама справлюсь, не впервой!..

– Так как, помогает? – повторяет врач, пока Светлана возится с капельницей.

– Пока не очень... Но мне в областной больнице сначала гемодез капали, а потом – эссенциале. Вот тогда я сразу какой-то прилив сил ощутила... Там, между прочим, всем чернобыльцам это делали и с больничными медикаментами, а не со своими...

Врач занервничал, уловив пристальное внимание всей палаты.

– Я же сразу сказал, что это средство вам не поможет, хоть и не повредит... А остальным в нем нет необходимости...

– Да, нам, конечно, нет необходимости!.. Мы можем и таблетками давиться, – взрывается, бледнея, Михайлина Васильевна. – Это только для своих да для блатных у вас все есть...

– Ну, что вы такое говорите, Михайлина Васильевна?! – забеспокоился врач.

– А то и говорю, что есть!.. До Ирины здесь лежала теща главврача, так чего ей только не капали... И лечили ее, небось, не от старческих болезней, а от "лучевого поражения" – в киевской квартире... А мы все – хроники, конечно... Зачем на нас дорогие лекарства тратить?!..

– Ой, девочки, – пытается отшутиться врач, щупая живот Ирины, которая иногда вздрагивает и ойкает, – к вам и заходить страшновато, все-то вы знаете!.. Ох, и язычки у вас, я вам скажу...

– Александр Васильевич, дорогой, – с трудом произносит Ирина, а вы нас не бойтесь!.. Вы нам честно скажите... Ну, почему во всем мире считают, что случилась глобальная чернобыльская катастрофа, что последствия тяжкие... А у нас все хорошо, да?.. Самая лучшая авария в мире?! И вы тоже так считаете, что нет никаких последствий?!..

– Ой, я вам уже говорил, что все эти ваши анемии, гастриты, холециститы и прочее – у вас или уже были, или были бы чуть позже... Но сильный стресс все эти хронические недуги проявил...

– Ну, вот, слышали?!.. Что я говорила?!.. Но неужели вы думаете, что у нас до аварии у всех была безоблачная жизнь без стрессов и забот?!.. – горячится Михайлина Васильевна.

– А во время войны, – добавляет Светлана, – бомбежки, горе, страх, смерть... Да у каждого тогда был постоянный, ежедневный стресс, однако печень у всех не болела...

– А 33-й, 37-й год?.. Да, Господи, вся наша история – сплошные стрессы, – поддержала их Ирина.

– Ладно, вас не переспоришь!.. Оставим это, – поднимается врач. – Лучше скажите мне, какие у кого жалобы сейчас... У вас, Михайлина Васильевна, вчера, я слышал, острый криз был? – подходит он к рассерженной пациентке, садится на край кровати, слушает ее, щупает пульс.

– Был, да вас не было...

– Но ведь дежурный врач вам помог, не так ли?..

– Так мне и "скорая" дома помогает... Вот выпишете меня на следующей неделе, и что я в таком состоянии с двумя больными детьми делать буду?!

– Не скажите. Немного мы вас все-таки подлечили!.. Витамины прокололи, кокарбоксилазу, алоэ... Просто сразу вы не ощущаете улучшения, – переходит он к Светлане. – А у вас какие жалобы, девушка?! – иронично спрашивает он.

– Знаете, доктор, у меня постоянно кружится голова и тошнит... Должно быть, у меня врожденная или хроническая беременность?!.. – в тон ему отвечает Светлана, насмешливо прищурившись...

Огромная столовая ВНЦРМ, больше напоминающая столовую санатория, нежели больницы, словно улей, наполняется гулом все прибывающих больных, занимающих свои места за пронумерованными столиками. Звенит посуда, громко двигаются стулья. Между рядами живо снуют официантки, толкая перед собою тележки, заставленные тарелками с супом, картофельным пюре с жареной рыбой и компотом.

За столиком № 65, к которому подходят Ирина и Михайлина Васильевна, уже сидят два молодых человека: один в цветастой больничной пижаме, другой при полном параде – в строгом сером костюме с орденскими планками на груди.

Женщины, кивком поздоровавшись с ними, садятся за столик.

– Куда это ты собрался, Сашко? – спрашивает Михайлина Васильевна, снимая с подкатившей тележки свою и Ирину обеденные порции.

– Это для Василия, – шепчет ей Ирина, переложив рыбу со своей тарелки на салфетку.

– В ЦК поеду, – нервно отвечает рыжий, веснушчатый Сашко. – Ну, смотрите, можно столько таблеток поедать ежедневно? – достает он из кармана полную горсть разноцветных и разнокалиберных таблеток. – Если бы я все их глотал, давно бы цирроз печени заработал...

– Мы с Сашком на одной шахте вкалывали – здоровыми были!.. Он еще и Афган прошел, не жалуясь на здоровье!.. А после Чернобыля – сразу хрониками стали!.. Год уже по больницам валяемся... – поддержал товарища худенький Иван.

– Приятного аппетита, мальчики! – старается вернуть внимание соседей к трапезе Ирина.

– Правильно, – поддержала ее Михайлина Васильевна. – И не спеша так, Саш, спокойно поешь и пойдешь в ЦК... Тебе силы нужны и спокойствие...

– Я требовал, чтобы они сделали анализ крови на хромосомные поломки, – горячится Сашко, механично поглощая обед. – Только так можно установить хотя бы приблизительную дозу... Но они ведь никому такой анализ не делают... А если делают, то тайно... И никто не знает, кто сколько хватанул... Три раза заставил я их взять на анализ кровь, и ни разу результат не сообщили!.. А мне уже эти болячки во где! – провел он рукой по шее. – Жена от меня ушла, не выдержала... Мне больше терять нечего, до Горбачева дойду, но правды добьюсь!..

Маленькая, круглая, как колобок, медсестра с добрыми ребячьими глазами и густой копной стриженных волос, щедро отмеченных сединою, подвела нескольких больных из своего гастроэнтерологического отделения к кабинету гематолога.

– Ну, птенчики мои, вот мы и прилетели, – подморгнула она им. – Стойте тихонько... Я договорила, сегодня вас будет смотреть профессор... Первокласный гематолог!.. – она подтягивает к себе Ирину, сует ей историю болезни и подталкивает к двери. – Иди первая!..

В небольшом, но уютном кабинете у окна стоит пожилой утомленный профессор. Он поворачивается к вошедшей Ирине, берет у нее историю болезни, жестом приглашает сесть, сам тоже садится за стол, листает историю. Звонит телефон. Профессор снимает трубку.

– Да... Я... Угу... Что, он на станции работал?.. Подвозил... Как долго подвозил?.. Сколько сейчас лейкоцитов?.. – профессор вздыхает скорее от усталости, нежели от сострадания к больному, о котором идет речь. В кабинет тихонько вошел Александр Васильевич, профессор кивнул ему. – Хорошо. Завтра в течение дня

подъеду к вам, посмотрю... Должно быть, там острый лейкоз... Возможно, поражен костный мозг... Посмотрю, посмотрю... Всего хорошего!.. Я вас слушаю, – обращается он к Ирине, положив трубку и вновь изучая историю ее болезни.

– Я не знаю, что вам говорить...

– Угу, – нашел профессор анализы крови. – Ясно... Вы мясо, вообще-то, едите?.. Яблоки?..

– Вообще-то ем, а что?..

Александр Васильевич показал гематологу что-то в ее истории болезни.

– Да у вас тут еще атрофический гастрит, вот и не принимает организм железо... Придется помочь ему медикаментозно...

Александр Васильевич что-то шепчет ему.

– А что у вас с ногтями?..

– Вот, – показывает Ирина. – Уже почти год, то на одних пальцах больше отстают, то на других... Но перед этим все ногти будто иглой поколоты были...

– М-м... Это интересно... Вера Васильевна! – зычно позвал профессор. – Посмотрите-ка на эти ногти!.. Это на фоне ярко выраженной железодефицитной анемии, – поясняет он вошедшей из соседней комнаты дородной женщине.

Глаза профессора несколько оживились, но Ирине он говорит так же бесстрастно:

– Должно быть, у вас и раньше была скрытая анемия... А сейчас вот проявилась...

– Ну да... После стресса, – иронично усмехнулась Ирина и с вызовом посмотрела на лечащего врача.

Профессор взглянул на нее с нескрываемым любопытством и, неопределенно хмыкнув, вдруг спросил:

– Дети есть?

– Сын.

– Сколько ему?

– Десять.

– Как его здоровье теперь?

– Плохо... Кашель какой-то... Уже год не проходит!.. То неделями температурит, и тошнит его... То понос, то запор... Голова болит, поясница... Не знаю, что и сказать...

– Вам, голубушка, его обследовать нужно серьезно, не оттягивая... И непременно обратите внимание на кровь... Думаю, у него похожая картина...

– Приведите сына ко мне... я постараюсь помочь вам, – тихо говорит Александр Васильевич, выводя Ирину из кабинета гематолога, слегка придерживая ее за локоть.

– Вы?.. – высвобождает руку Ирина. – Чем же?..

– Я не знаю... Сначала стоило бы его посмотреть...

– Ну, так идемте со мной, посмотрите... Он лежит здесь недалеко, в детском диспансере...

– Что, прямо сейчас?.. Вы все-таки находитесь в стационаре и...

– Но я ведь пойду в сопровождении лечащего врача, – вновь с вызовом смотрит на него Ирина. – Или трусили?!.

– Идем!..

~~~~~

... – Ты почему не спишь? – проснулся Александр, и, обняв Ирину, шепчет ей на ушко: – Ну-ка, засыпай быстренько!.. Ты должна утром быть в форме... Спи-спи!.. – сонно бормочет он, нежно глядя ее по голове, и засыпает сам.

А ей вновь вспоминается...

~~~~~

... Пуща-Водица, дома которой будто нечаянно забрели в древний смешанный лес и заблудились в нем. На аллеях перед ВНЦРМ густо дымят осенние костры. Ирина в теплом больничном халате вместе с кареглазой, черноволосой соседкой по палате не спеша возвращаются с утренней прогулки.

Около ворот они видят пустой "Икарус" и чистенький микроавтобус. А у проходной читают объявление:

"Сегодня в 19-00 в актовом зале состоится концерт и встреча-диалог с украинскими писателями".

Женщины проходят во двор клиники.

– Смотри-ка, – толкает Ирину в бок соседка так, что та морщится от боли, – для гостей, как всегда, банкетный зал готовят...

И действительно, сквозь окна столовой видно, как суетятся сегодня повара и официанты.

Женщины заходят в холл своего отделения, где у дежурного медпоста несколько больных окружили энергичную медсестру.

– Сашенька, а мне разве пантокрин не положен сегодня?! – клянчит у нее худосочный больной.

– Тебе?! – меряет его ироническим взглядом медсестра. – Тебе пантокрин уже не поможет!..

Больные – кто весело, а кто горько – смеются.

– Девчата, – заметила медсестра Ирину с соседкой, – а ну, подходите давление мерить!..

Соседка быстро усаживается рядом с медсестрой. Та, обвязав ей руку манжетой тонометра, и накачивая ее, обращается к Ирине:

– А ты, зайчик, опять вчера синела?!.

– Ой, Саш, такой криз у нее был, жуть!.. Еле откачали, – говорит соседка, ободряюще глядя на виновато улыбающуюся Ирину. – Зато как мы сейчас славно погуляли... Погода сегодня прелесть!..

– Да уж, погуляли!.. – сокрушается медсестра. – Давление какое у вас было до завтрака, – смотрит в журнал. – Ну вот, 120/90, а сейчас 160 на100... Погуляли!..

– Шурочка, не переживай! Когда я стою рядом с женщиной – у любой подскакивает давление! – гундосит худосочный больной, игриво прижимаясь к Ириной соседке.

– Э-эх!.. Молчал бы уж, Дон Жуан, – прерывает его Саша – Садись, Ирина!..

Она измеряет давление Ирине. Мужчины продолжают галдеть.

– Да тише вы!.. – успокаивает их Саша. – Ничего не слышу!.. Ну-ка, еще раз!.. Ты, зайчик, помирать собралась, что ли?.. Ну и давление у вас, девчата, как хочет, так и скочет!.. У одной вверх полезло, а у этой упало совсем!.. Нет, солнышко, на моем дежурстве ты не посинеешь, – она усиленно массирует Ирине голову.

– Ой!.. – стонет Ирина. – Саша, пощади!..

– Не ценят вас женщины, Сашенька!.. Придите, помассируйте меня на ночь, в долгу не останусь, – сладко басит крепкий на вид брюнет.

– Шли бы вы отсюда, мужички!.. – просит Саша. – Надоели!.. Все, Ирина, – закончила она массаж, – а сейчас ты идешь на ЭКГ... Не забыла? У тебя талон на 12-ть, а потом – пойдешь к окулисту... Не опаздывай только!.. Эй, Федорчук! Иди-ка сюда, герой!.. – зовет она долговязого прихрамывающего больного. – Смотри, на моем дежурстве без фокусов!.. Понял?..

– Слушаюсь, начальник! – козыряет тот, но шутивный жест этот выходит вялым, видно, что больной очень слаб.

Поблекшие зеленые глаза на его землисто-сером лице сверкнули Саше слабым блеском и погасли.

– Шурочка!.. Мы вчера по сто граммов только – за выписку!.. Ты же видишь, в каком состоянии я выписываюсь?! Бог весть, как и жить-то дальше?! – вздыхает он. – Вот мы и отметили убытие, так сказать!..

– А ну, дыхни! – просит Саша. – Ага!.. Вчера убытие отметили!.. А сегодня – закрепили?!.

– Сегодня?.. Сегодня самую малость – с устатку! – на прощание!..

В холл входит группа врачей и штатских в наброшенных на плечи халатах. В группе Ирина видит маленького сухонького главврача Центра, плотного низкорослого начмеда и своих добрых знакомых – писателей Бориса Павловича и Михаила, который внимательно вглядывается в нее.

– Писатели, – шепчет кто-то.

Ирина улыбнулась Михаилу, и тот, сразу узнав, подходит к ней. За ними удивленно наблюдает Александр Васильевич.

– Дорогие гости! А вот наш герой-пожарник, Федорчук, – один из тех, кто тушил крышу четвертого реактора... Вы уже на выписку приготовились, Николай Алексеевич?!. Как вы себя чувствуете теперь?..

– Плохо, – хмуро отвечает тот, боясь сказать лишнее, чтобы не учуяли запах спиртного.

По лицам врачей пробежали тревога и недовольство.

– А що у вас болють? – сострадательно вопрошает Борис Павлович.

Стоя по стойке "смирно", как перед генералом, но все-таки слегка покачиваясь от слабости и от выпитого "с устатку", долговязый герой-пожарник коротко выпалил:

– Все!..

Тем временем Миша отводит Ирину чуть в сторонку:

– Ирыно!.. А я думаю: це вона, чи не вона?!. Ты що, ликуєшся тут?..

– Нет, Миша... Видпочываю, – шутит она.

Они садятся в кресла почти у ног Александра Васильевича, стоящего с блокнотом и ручкой наготове, чтобы в любую минуту усердно записывать все замечания своего начальства, и вместе с

тем время от времени не без интереса прислушивающегося к беседе Ирины со столичным писателем.

– Радый тэбэ бачыты, – целует ей руку Михаил. – Прыходь на зустричь сьогодни, обовязкова, добрэ?!.

– А як же, обовязкова прыйду...

– Ирина Михайловна, а вы были в кабинете ЭКГ, – вдруг наклонившись к ним, тихо, но нарочито строго спрашивает ее Александр Васильевич. – На который час вам назначена велоэлектрометрия?...

– На сейчас, – вздыхает Ирина. – До вэчора!.. – прощается она с Михаилом, который вновь целует ей руку.

И вот она проходит стеклянной галереей, уставленной по краям тепличными растениями в высоких деревянных кадках, к кабинету ЭКГ. Больных здесь нет. Постучав, она входит в кабинет.

– Входите! Давайте талончик! Раздевайтесь! Ложитесь туда, – как заведенная командует мужеподобная пожилая медсестра, сидящая против маленькой интеллигентной докторши. Ирина ложится,

симпатичная молоденькая медсестричка укрепляет на ней датчики. Все три женщины выполняют свою работу бесстрастно, почти механически. Гудит кардиограф. Врач смотрит результат, потом, несколько удивленно, на Ирину.

– Сколько вам лет? – спрашивает она.

– Тридцать два, – отвечает Ирина, поднимаясь.

– Садитесь на велосипед!..

Ирина садится. Опять молоденькая медсестра подсоединяет датчики, измеряет давление на одной руке, пожилая – на другой, проходит к столу, записывает данные. Гудит кардиограф. Женщины заволновались.

– Крутите педали, – вздыхает врач, стоя у аппарата. – Нагрузка самая маленькая... Люда, покажи...

– Смотрите на спидометр... Следите, чтобы стрелка не заходила за эту цифру... Ясно?.. – объясняет молоденькая медсестра. – Поехали!..

Ирина крутит педали. Медсестра то и дело измеряет давление, пожилая записывает, врач следит за лентой.

– Успокойтесь, больная! – требует она.

– Я спокойна... Но очень устала!..

– Вы волнуетесь!.. Крутите спокойно!..

– Я абсолютно спокойна, – тяжело дыша, уверяет Ирина. – Если вам с сердцем что-то не нравится, так это, может, оттого что у меня вчера сильный криз был?!..

– За вашим сердцем я слежу!.. Это все ваша ВСД – вегето-сосудистая дистония дает... Но сейчас вы волнуетесь!.. Чего вы боитесь?!.

– Я?!. Я давно уже ничего не боюсь... Мне бы только эти жуткие головные боли хоть немного сняли, да сил бы немного прибавили, чтобы сына поднять...

– Не бойтесь, будут дети у вашего сына! – прерывает ее врач.

– Дети?!. Дай Бог!.. Но я как-то об этом еще не думала...

– Увеличивать нагрузку? – спрашивает молоденькая медсестра.

– Не надо!.. Достаточно! Здесь и так все ясно!.. Одевайтесь, – вздыхает врач и, оторвав ленту, идет к столу, смотрит данные тонометрии, выходит из кабинета, в то время как молоденькая медсестра снимает с Ирины датчики.

– С чего вы взяли, что мы все чего-то боимся?! – удивляется Ирина, вытирая платком испарину со лба и еще несколько секунд отдыхая на велосипеде. – Кто лучше меня может знать или сравнивать мое состояние до и после аварии?!.. А жили мы в Припяти в первом, самом грязном, микрорайоне – по прямой полтора километра до атомной...

– Ну, если из Припяти, то не так уж важно, где вы там жили... и так ясно!.. Но мы здесь тоже получили, – басит пожилая медсестра.

Ирина оделась. Возвращается врач и говорит Людмиле:

– Отнеси ее данные Василию Тимофеевичу... Пусть и он посмотрит, я договорилась!..

– Мне еще куда-то надо? – спрашивает Ирина.

– Нет, вы можете идти к окулисту, – вдруг мягким голосом говорит врач. – Впрочем, минутку!.. Вам уже сделали трехдневную тонометрию?

– Нет. Сегодня только первый день...

– Кто ваш лечащий врач?

– Александр Васильевич. А что?..

– Можете передать ему, что мне не нравятся ваши данные... Пусть зайдет ко мне завтра с вашей историей болезни...

У кабинета окулиста несколько больных ожидают своей очереди. В кабинет вошел почтенного возраста больной, Ирина передвигается на его стул, поближе к двери. Следом за ней передвигается бледная, квеляя женщина, лицо которой сплошь покрыто пигментными пятнами.

– И что они вам говорят? – продолжая разговор, спрашивает Ирина.

– Окулисты ставят пылевидные катаракты, конечно, не связывая с аварией... Остальные – тоже самое... Вот, смотрите, какой букет, – протягивает она Ирине долгую выписку. – Да все бы еще ничего, но страшно то, что работать совсем не могу!.. Уже устроилась уборщицей на 70 рублей...

Да постоянно теряю сознание на работе. "Скорая" забирает... А кто за меня работает, тем платить приходится... Вот и остаюсь с двумя детьми практически без средств к существованию...

– Но, Галя, вы ведь лежали в 6-й клинике тогда?!

– Да, сразу, как вернулась 27-го после суточного дежурства на заправочной стройковской, где потом лес рыжим стал... А я там все время была, на улице... Вернулась домой, рвота страшная началась, плохо... Вот и отправили меня тогда в Москву с остальными... Да что толку?!.. Из женщин, что со мной тогда в палате лежали, только одной Лиде и поставили острую лучевую болезнь – ОЛБ значит, а остальным... Вот недавно умерла одна... Валентина... Так ей наоборот в 25-й снимали все диагнозы, выписали, а через неделю ее не стало, – безнадежно вздыхает Галя и, чуть не плача, добавляет: – Не знаю... Вот выпишусь послезавтра, как до Чернигова доберусь?!.

– А в комиссию почему не подаете документы? На инвалидность?..

– Комиссия принимает документы только ликвидаторов, а я кто? – Эвакуированная, да и все... И на инвалидность нужно три месяца подряд в больнице вылежать... Я себе такое позволить не могу – дети тоже больны, как же я их оставлю на три месяца...

Из кабинета выходит больной.

– Заходите, – говорит он Ирине.

– Может, вы?! – спрашивает она соседку.

– Нет, нет!.. Идите!.. Ваша очередь!..

Ирина входит в кабинет крупноголового окулиста военной выправки с бычьими, навывкате, глазами.

– Садитесь! – показывает он на стул у затемненного окна. – Есть жалобы на зрение? – бросает он, заполняя историю болезни предыдущего больного.

– В общем, особенных жалоб нет... Но когда ухудшается общее состояние, то пропадает резкость, сливается текст... Да, еще, очень быстро устают глаза и болят от яркого света...

– Что с давлением? – спрашивает врач, занимаясь своим делом.

– Прыгает.

– Ясно, – закрыл он историю предыдущего больного и удивленно смотрит на Ирину, будто не ожидал ее здесь увидеть.

И сразу стало очевидным, что говорил он с ней механически и уже ничего не помнит из сказанного ею.

– Да... Так что, вы говорите, у вас со зрением? – но, наткнувшись на удивленный взгляд Ирины, промывчал: – Угу... Давайте посмотрим!.. – И долго изучает ее глаза через знакомый офтальмологический прибор.

Желая ускорить процедуру и немного помочь, Ирина говорит:

– Знаете, доктор, у меня еще летом 86-го обнаружили катаракты...

– Так уж и катаракты!.. – Ну, есть тут небольшие пятнышки... Неопытный врач, конечно, мог принять их за катаракты...

– Но меня тогда профессор Логвиненко смотрел...

– Да?! – врач с другой стороны аппарата на мгновение затих и, после короткого замешательства, вдруг выпалил: – Да, да, да... вы знаете, вы правы!.. Есть, есть катаракта... Интересная такая, в крапинку... А то, знаете, приходят многие и говорят, мол, у меня катаракта... Посмотришь, а там врожденные пятнышки... – врач достает из кармана халата большой носовой платок, громко сморкается, идет к столу, открывает историю болезни. – Да, да, действительно, это осложненные ядерные катаракты обоих глаз, – сам себе диктует он. – Только не вбивайте себе в голову, что они лучевые!.. Просто вас раньше не наблюдали...

– Почему же, наблюдали... Да мне, собственно, все равно, какие они... Вижу, и слава Богу!.. Но у меня нет оснований не доверять другим специалистам и своим ощущениям... Я ведь видела это зарево над реактором...

– Лучевые катаракты должны созреть, необходимо время... А вы говорите, что у вас их уже летом обнаружили...

– А я полагала, что это лучевой ожог хрусталика...

– Для этого нужно, чтобы частицы непосредственно бомбардировали глаз... И потом, доза должна быть не меньше 200 бэр... – заполняет историю врач.

– Но ведь вы не знаете мою дозу... Никто ее не измерял!.. Вот если бы вы всю ночь просидели в окне, глядя на машины, проносящиеся на станцию и обратно?!.. Вы не допускаете, что в ваши глаза могла залетать хотя бы обыкновенная радиоактивная пыль, поднятая ими?!..

– Не знаю, не знаю... Должна быть яркая картина лучевого поражения, самые различные сопутствующие заболевания...

– А вы полистайте историю болезни!..

– Да?.. Что тут?.. Ишемия, гиперплазия щитовидной, ВСД, нарушение кровообращения головного мозга, язвенный гастрит, фиброматоз, анемия... Ох-хо-хо!.. – с удивлением разглядывает врач Ирину. – Да, авария, конечно, повлияла на ваше состояние... Что я могу сказать?! Вам нужно серьезно заниматься своим здоровьем... Я вам тут капли назначил, покапаете, значит...

После окулиста и обеда, передохнув немного в палате, Ирина на трамвайчике едет живописною Пущей-Водицей в детский радиологический диспансер, навестить Дениса. Диспансер этот размещен в стареньких корпусах бывшего детского санатория, которые и в самом деле затерялись в лесу.

В больничном коридоре Ирина обращается к худой, словно с креста снятой, большеглазой девочке лет пяти, остановившейся напротив нее и удивленно ее разглядывающей:

– Девочка, позови, пожалуйста, из 7-й палаты Дениса!.. Знаешь его?..

– Знаю, – охотно бросается та выполнять просьбу.

– Мамочка! – из палаты тут же выбегает бледный, но радостный Денис, обнимает ее. – А ты узнала Аннушку?..

– Какую Аннушку?..

– Вот эту, которая позвала меня! – показывает Денис на стоящую поодаль бледную девочку.

– Нет, не узнала...

– Да ты что?! Ведь это Аннушка, мама... Аннушка!.. Соседка наша по Припяти!.. Я ее тоже не узнал сначала, а вчера мама ее приехала, тетя Тоня... Она меня виноградом угостила!.. – тараторит Денис.

Ирина же, побледнев, внимательно разглядывает девочку, которую в самый раз снимать в фильме про голод 33-го года или фашистские концлагеря, настолько изможденной и нездоровой были ее худоба и бледность. И только огромные голубые глаза напоминали что-то о той пухленькой румяной Анюте из Припяти.

– Анюта!.. Это ты? Иди ко мне, солнышко, – дрогнувшим голосом зовет Ирина.

Анечка словно только этого и ждала, тут же бросается к Ирине и крепко прижимается к ней.

– Ты меня помнишь, девочка?! – удивляется взволнованная Ирина, целуя ее, и смахивая слезы. – Деня, достань из сумки самое красивое яблоко для Анюты!..

– Вы мама Дениса? – спрашивает подошедшая к ним совсем юная врач. – Вы хотели поговорить со мной?.. Проходите в мой кабинет!..

– Сынок, подожди меня здесь...

– Ладно. Но я тебе должен обязательно еще кого-то показать, – шепчет матери на ухо Денис.

– Кого?

– Это сюрприз...

– Хорошо. Я вернусь, покажешь!..

Ирина с врачом уходят. Денис достает из сумки огромное красное яблоко и протягивает его Анюте. Девочка в восторге. В коридоре появляется пополневшая Антонина с утомленными, выцветшими глазами.

– Иди!.. К тебе тоже мама пришла, – показывает Аннушке Денис.

Малышка спешит к маме. И они выходят во двор, медленно идут по аллее мимо окна, в которое смотрит Денис. Затем он подбегает к вышедшей от врача Ирине, увлекает ее на лестницу и дальше – на второй этаж.

– Куда ты меня тащишь?! – сопротивляется Ирина.

– Тише. Сейчас увидишь, – воровски оглядываясь, стучит он в одну из палат гематологического отделения, куда, как известно Ирине, посторонним вход воспрещен.

– Можно?.. – заглянул в палату Денис. – Пошли, – втянул он Ирину внутрь маленькой комнаты с единственной кроватью и столом напротив нее.

От стола навстречу им поднялась, оттянув правое веко и всматриваясь в них, женщина в домашнем халате. Только по этому забавному жесту Ирина узнает руководителя агитбригады, коллегу и подругу по Припяти, Валю.

– Ира, ты ли это?! – в свою очередь поражается та и, прижавшись к подруге, горько рыдает. Ирина гладит ее непослушные курчавые волосы, а у самой по щекам тоже горохом катятся жгучие слезы.

Денис, сев на кровать, пытается развлечь хныкающего двухлетнего малыша, лежащего на спине, беспомощно дергая ручками и ножками, обмотанными толстыми марлевыми компрессами. Лицо малыша искривлено ежеминутным страданием, в глазах – страх, боль и слезы.

– Mam, иди, посмотри на Миколку! – зовет Денис и, взяв лежащего на кровати мохнатого медведя, он грубым голосом говорит малышу. – Ты разве меня не узнаешь, Миколка?! Р-р-р...

Подобие улыбка появилось на лице малыша, заблестели мокрые от слез глазенки.

– Ти – Деня!.. Он – Миса!.. – показывает малыш обмотанной ручкой сначала на Дениса, потом на медведя.

Подошедшая к ним Ирина, едва сдерживая рвущееся из груди рыдание, наблюдает эту душераздирающую сценку.

Валя же, наоборот, собралась и как-то вся подтянулась.

– Он так полюбил Дениса!.. Видишь, узнает, – радуется она.

– Что с ним?.. – сдавленно спрашивает Ирина.

– Рак крови...

Вечером молчаливая, удрученная недавней встречей с Валею и Миколкой, Ирина с соседкой медленно подходит к актовому залу, где уже давно идет концерт, слышится задорная украинская песня "Маруся". Соседка, потрясенная ее рассказом, тоже молчит.

– Такой славный малыш, – вздыхает Ирина, открывая дверь в зал, заполненный зрителями в больничных халатах, благодарно слушающими прекрасное исполнение артистов Броварского народного хора.

Артисты в ярких красочных костюмах, но лица их бледны. Они заканчивают петь веселую песню, а грустные, сострадательные глаза их устремлены в зал – к жертвам и героям Чернобыля. На краю сцены стоит журнальный столик с цветами, за которым сидят четыре писателя.

Женщины устраиваются на незанятых местах в первом ряду, и опять рядышком с Александром Васильевичем.

Борис Павлович, сразу заметивший Ирину, шепнул что-то Михаилу, тот спускается в зал, и, сев рядом с нею, шепчет:

– Ирынонько, ты ще выступаешь?.. Чи нэ до того тоби тэпэр?!

– Ну, почему... Для своих иногда пою...

– Можешь выступыты зараз? – спрашивает Михаил.

Она оглянулась и, увидев в зале главврача и начмеда, кивнула.

– Но нужна гитара, – шепчет она.

– На сцене есть, – вмешался все время внимательно слушавший их Александр Васильевич.

Михаил возвращается на сцену. Песня допета. Борис Павлович, подойдя к микрофону, обращается к зрителям:

– Я прочитаю вам вирш мого товариша Виктора Грабовського:

Друже, спинися!

Не так, як спиняються води холодні.

Не так, як стинається птах в піднебессі

чи камінь в безодні.

Спинись у нікчемному стресі.

Спинися сьогодні –

безмовним осягненням суті озонної

віддайся їй келихом серця!

В малій чи великій зоні ми,

а душу не зраджуй,

не сердься!

Коли кожна віточка марить коханням

у вічній молитві до Сонця,

нехай не притлумить ясного чекання

ні зрада, ні стронцій.

Спинися й помовч,

аби всяка пташина

і навіть росинка болю

відбились в зіницях вселюдського Сина

Любов'ю.

Лиш тільки у чистім суцвітті мовчання,
що ляже Йому до ніг,
пізнаєш вогнисте крило прощання
і певність, що ти переміг
самого себе
у двобої одвічнім,
що нищить і животворить,
аби не лежати бездомним камінчиком
бодай ще хоч мить.

После аплодисментов, он говорит:

– Мы привезлы вам украинську пісню, щыре поэтычнэ слово, щоб зигриты ваши зболили души!..
Адже ваша беда – цэ й наша беда. И тому мы тут... Та оце зараз мы побачылы у зали нашу сэстру,
поэта и барда, вашу зэмлячку з Прып'яті – Ирыну й хочэмо надаты йий слово. Просимо,
Ирыночко!..

Ирина в длинном халате поднимается на сцену, Миша дает ей гитару. Настраивая ее, Ирина говорит в микрофон:

– Борис Павлович сказал вам чистую правду. Действительно, в этой душной атмосфере замалчивания наших бед первыми услышали наш горький зов, первыми откликнулись на него украинские писатели. Низкий поклон им за это!.. Но поскольку я – человек из зала, то буду говорить о проблемах этого зала... Все помнят, как почти два года назад на майской международной конференции по Чернобылю, проходившей в Киеве, представители медицинского ведомства уверяли мир, что они не зарегистрировали ни одного случая смертности, связанного с аварией на ЧАЭС... Но у нас с вами – у каждого! – есть другая статистика... Как хотелось тогда спросить этих чиновников от медицины – кто им мешает регистрировать такие случаи?!. И вот, после очередной смерти в нашем доме была написана такая песня:

ВАСИЛИЮ ДЕОМИДОВИЧУ ДУБОДЕЛУ,

умершему от лейкоза в августе 1988 года, и всем бывшим и будущим жертвам ЧЕРНОБЫЛЯ...

Не регистрировали нас

и нашу смерть

с авариею связывать не стали, –

не плавилась от слез оркестров медь,

процессии венки не возлагали...

Списали нас

на беспризорный стресс,
на подлые врожденные недуги...

А мы – расплата за лихой прогресс,
всего лишь – жертвы чьих-то сытых буден.

Ирина поет страстно, с болью. Зал оцепенел. Главврач заерзал в кресле. Начмед поднялся и стал нервно вышагивать в проходе. Ирина поет:

Нам не обидно было б умирать,
когда бы знать,
что наша смерть поможет
"ошибок роковых" не повторять
и "действий безответственных" не множить!

Но среди тысяч "компетентных" лиц,
считающих в процентах наши "души",
душа и честь давно перевелись,
и потому отчаянье так душит.

Списали нас.

Стараются списать

во святость лжи

больные наши были...

Но нас ничто не вынудит молчать!

И даже после смерти

из могилы

мы будем к вашей Совести взывать,

чтоб Землю

в саркофаг не превратили!..

Закончив петь, Ирина поклонилась и передала гитару Михаилу, который взволнованно целует ей руку и помогает спуститься со сцены. Зрители, после секундной паузы, дружно аплодируют, а Миша уже обращается к ним:

– Мы вдячни Ирыни за чудовый выступ!.. А на завершення я прыбэриг для вас прыемну информацию...

Вдруг одна из певиц хора падает без чувств. На сцену спешат врачи, оказывают помощь. Зал молча, напряженно ждет. Через минуту певицу выводят, и женщина-врач говорит Михаилу:

– Все в порядке! Можете продолжать!..

– Да... – вздыхает Миша. – И всё ж я закинчу... Сьогодні, колы нас водылы по вашому центру, мы побачылы його сучасни корпусы й свитли палаты, та ваших гарных ликарих, – он делает акцент на слове "гарних", чтобы была понятна его горькая ирония. – Вони нам сказали, що уси вы тут здорови!.. – По залу прокатился шум. – Тому мы бажаемо вам якнайшвидшого повєрнєння додому та всього найкращого!..

– А зараз, якщо у вас є запитання до нас, будь ласка, запитуйте, – обращается к залу Борис Павлович.

Зал воспринял этот вызов на откровенный разговор и взорвался. Первой соскочила с места сердитая брюнетка средних лет:

– Врачи вам сказали, что мы все здоровы!.. Я работаю инженером в химцехе ЧАЭС... Сейчас имею целый букет "старческих" заболеваний... Год назад умер мой муж, – голос ее дрогнул, – тоже работник станции... Дети больны!.. А нам ведь никому не связывают наши заболевания с аварией... Почему?! – грозно вопрошает она.

– Товарищи! – встал перед залом, пытаюсь его усмирить, сухонький главврач. – Товарищи!.. Такие вопросы адресуйте не писателям, а нам!.. Я и начмед принимаем по вторникам и четвергам всех желающих... Пожалуйста, приходите, и будем решать ваши вопросы!..

Но голос его тонет в нарастающей шуме зала. Тогда поднимается взбешенный начмед.

– Прекратить! – гаркнул он. – Немедленно прекратите этот базар и расходитесь по палатам!..

– А ты кто такой, чтобы нам приказывать?! – несется из зала.

Главврач пытается разрядить взрывоопасную ситуацию.

– Спокойно, Виктор Иванович!.. – обращается он к начмеду, а затем к залу. – Товарищи дорогие!.. Давайте отпустим гостей!.. Останемся и сами все обсудим!..

Зал недовольно взревел.

– Нет, вы меня не так поняли, – оправдывается главврач. – Писатели пусть остаются!.. Давайте отпустим хотя бы хор!..

– Артистов нужно отпустить, – поддержал его металлический голос начмеда. – Уже одной женщине в хоре стало плохо!.. Вам мало?!.

– Садитесь!.. Садитесь!.. – кричат из зала артистам, которые полностью солидарны со зрителями, и хотели бы тоже послушать больных.

Часть хора тут же опускается на длинные скамьи, но остальные жестами просят их подняться, ибо слушать этот зал они должны стоя.

Ситуация зашла в тупик. После короткого замешательства артисты нехотя покидают сцену, многие из них спускаются в зал, где один из писателей зычно басит:

– В происходящем здесь, на мой взгляд, вина медиков... Почему вы не даете людям говорить?! Мы приехали не только себя показать, но и больных послушать!.. И это было оговорено в вашей программе...

В это время на опустевшую сцену поднялся начмед. По-хозяйски сев за журнальный столик, сняв часы и дождавшись, пока закончит говорить писатель, он рывкнул в микрофон:

– Так!.. Вы находитесь в лечебном учреждении!.. Пятерых с подскочившим давлением уже вывели из зала... Я знал, что сегодня будет острый разговор, и оставил дежурную медбригаду... Сейчас 20 часов 45 минут. В 21 час у вас – лечебные процедуры!.. Поэтому прошу всех немедленно разойтись по палатам!.. – отчеканил он.

В зале гвалт. Однако большинство больных, видя, что диалога сегодня не получится, уже двинулись к выходу, горячо переговариваясь друг с другом. В коридоре они окружили Бориса Павловича, Ирину и начмеда.

– Может быть, в другом месте выступление Ирины было бы уместно и даже полезно, но здесь ведь больные люди все-таки, – убеждает начмед Бориса Павловича.

– Ах, все-таки больные?! – вставляет Ирина.

– Да... Мы организовали этот вечер для психологической разрядки больных, чтобы они отдохнули... Но сейчас я вам скажу, что вечер этот свел на нет месячное лечение!..

– Но почему же вы нас нормально не лечите?.. Почему не связываете наши болезни с Чернобылем?! – горячится сухопарый больной со шрамом на шее.

– Как вам не стыдно... Телятников получил 150 рентген и ничего – работает!.. А вы хнычете тут!.. – отчитывает его начмед.

– Это как вам не стыдно стыдить этого человека?! – тихо, но жестко говорит Ирина. – Вы знаете, сколько он получил?.. Нет!.. Многим вы, кроме Телятникова, установили дозу?.. Чем вы конкретно помогли этому человеку прежде, чем стыдить его?..

С извиняющейся улыбкой к ним пробивается главврач.

– Простите!.. Прошу вас пройти в кабинет!.. Там все вас ждут, – выводит он из толпы начмеда и Василия Павловича. – Машину уже подали... Нужно ехать, простите!..

– Мы еще повзрнэмось... И никому не дозволымо тэбэ образыты, – горячо жмет на прощание Ирине руку Борис Павлович.

– Трымайся, – целует ее в щечку Михаил.

По пути начмед все еще "воспитывает" Бориса Павловича.

– Мы надеялись, что вы поможете нам вернуть этих людей к общественно полезному труду!.. Ведь слово должно звать людей на вдохновенный труд, на подвиг!.. В крайнем случае – развлекать...

Они свернули в коридор, ведущий к кабинету директора центра.

– Ну, знаете ли!.. – на понятном ему языке возмущается Борис Павлович. – Мы – писатели, а не клоуны!..

А измученная событиями сегодняшнего дня Ирина в сопровождении возбужденных больных идет дальше по галерее.

– Все, – вздыхает один из них, – завтра они вас выпишут!..

– И формулировочка уже готова, – добавляет другой. – Как сказал начмед: "Вечер свел на нет месячное лечение!"...

– А мы не позволим им выписывать, – загудели больные. – Пусть только попробуют, мы им тут забастовку устроим!..

На следующий день Ирина в ординаторской своего отделения ждет выписки.

– Вот так и выпишете – с температурой?! На каком основании, позвольте узнать?!.

– Видите ли, – прячет взгляд Александр Васильевич, – выяснилось, что вы, без ведома, отлучались из Центра... А это строго запрещено больничным режимом...

– Но вы-то знаете, что я навещала больного сына... И потом... здесь все постоянно куда-то отлучаются...

– Но заметили ваше отсутствие, – вздыхает врач. – Я ничего не могу поделать, это приказ начмеда...

– Письменный?

– Устный.

– Понятно.

– Ну что? Что вам понятно?!.. Думаете, мне нравится весь этот фарс?!.. – неожиданно выходит из себя Александр Васильевич. – Эта двойная мораль всюду?!.. Ею насквозь прогнила вся наша система... Но пока мы живем в этой стране, мы вынуждены жить по ее законам, – горячится он. – Да!.. Да, я знаю, что вместо десятка ваших диагнозов... здесь, – тычет он в выписку, – должен быть один: хроническая лучевая... Но я не могу его поставить!.. И никто этого не может...

– Почему же, некоторые врачи не боятся, ставят...

– Может быть... Но не под этой вывеской!.. Ира, – вдруг берет он ее за руку. – Вы даже не представляете, как мне жаль, что все так получилось!.. Я так хотел бы видеть вас здесь...

– А я вас нет! – прервала его Ирина. Высвободив руку, она забирает выписку и покидает кабинет ...

~~~~~

... Ирина смотрит на сладко спящего Александра. С трудом, стараясь не разбудить его, она поднимается с постели. Набрасывает халат, бредет на кухню. В мойке – грязная посуда. Она включает воду, набирает в бокал. Достает из маленькой аптечки на холодильнике лекарство. Пьет. Смотрит на стоящее рядом с аптечкой любительское фото, где сняты в обнимку смеющиеся Денис и Александр. И вновь она вспоминает ...

~~~~~

... Она и Софья в своем рабочем кабинете сидят за столами, заваленными рукописями, бумагами. Софья говорит по телефону:

– Да, родной... Да... Ну, да... Да, ну?!.. Нет, уж на собрание иди сам, пожалуйста!.. И проследи, чтобы она поела перед музыкалкой!.. Да, да... Пока! – кладет трубку и внимательно смотрит на уткнувшуюся в бумаги мрачную Ирину. – Что-то ты, мать, не нравишься мне в последнее время, – басит она. – Похоже, причина не только в том, что тебя не долечили, а?.. Неужели тот молокосос, о котором ты рассказывала, – тронул твое остывшее сердечко?! – хитро щурится Софья.

– А тебе, я вижу, доставляет удовольствие копаться в сердечных ранах... Отстань!.. – углубляется в текст Ирина.

Звонит телефон, Софья снимает трубку.

– Это тебя, – передает она трубку Ирине.

– Я слушаю... Что?!.. Школа?!. Что с Денисом?.. – бледнеет Ирина. – А врач?.. Есть... Я сейчас приеду... Сейчас... Что делать?.. – положив трубку, растеряно вопрошает она встревоженную Софью.

– Выходи!.. Лови машину!.. Я все улажу с начальством и догоню тебя внизу... Быстро!.. – мгновенно реагирует та.

Ирина выбегает на глухую улочку старого Киева, пытается остановить изредка проносящиеся машины. Безрезультатно. К ней присоединяется Софья, оглядывается по сторонам. Машин нет. Лишь напротив у маленького магазинчика стоит единственная на обозримом пространстве машина – "скорой помощи". Софья, жестом показав Ирине, чтобы та голосовала на дороге, подходит к водителю и что-то долго объясняет ему.

– Нет, нет! – громко отбивается тот. – Не положено нам пассажиров возить... Не положено!..

Софья уже было направилась восвояси, но вдруг, озаренная авантюрной идеей, возвращается к машине и с отчаянием вопрошает:

– Товарищ водитель! А вы мертвых возите?..

– Да! – изумился тот.

Софья, артистично припав на колено и прижав обе руки к сердцу, с жаром восклицает:

– Тогда позвольте, я умру!..

Водитель минуту смотрит на нее с испугом, а потом, в некотором замешательстве, лепечет:

– Я н... не знаю!.. Вот шеф придет, с ним и договаривайтесь!..

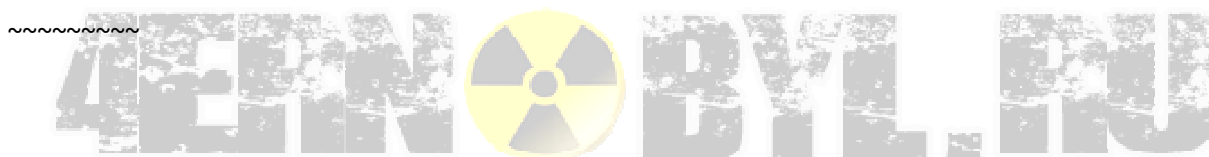
– Окей! – выпрямляется Софья. – И с шефом договоримся...

В это время из магазинчика с авоськой в руках вышел "шеф" в белом медицинском халате. Ирина с удивлением узнает в нем Александра Васильевича. А Софья ринулась к нему и что-то доказывает. Он отрицательно качает головой, пока она не показала ему на противоположный тротуар, откуда на них смотрит растерянная Ирина. Увидев ее, он мгновенно соглашается.

"Скорая" быстро подвезла их к школе, где в медпункте на кушетке лежит белый, как мел, Денис. Рядом суетятся врач и медсестра. Александр Васильевич представляется им. Осматривает Дениса. И тут же по его приказу мальчика выносят в машину.

И вот утомленный, но довольный, Александр Васильевич выходит уже из больничной палаты экстренной помощи. Облегченно вздохнув, он прижимает к себе разрыдавшуюся Ирину.

– Ничего, теперь можно поплакать... Все обошлось, слава Богу!.. Ничего-ничего, – ласково говорит он, вытирая ей слезы ...

... Ирина трет под струей кофейную чашку. Сзади тихо подкрадывается Александр, обнимает ее. Она вздрагивает.

– Ты сегодня опять пойдешь, правда?! – говорит он.

Она грустно смотрит вперед, в глазах слезы.

– Хорошо... Пойду... Но, Боже, как же затянулся этот марафон!.. – устало повернулась она к нему.

– Ну вот, утро вечера мудренее... Ты же знаешь, я тоже устал от всего этого, дорогая... Поэтому и сорвался тогда... Но ты должна быть сильной, ты – мать!..

– Я постараюсь... Знаешь, я должна тебе сказать...

– Что ты была не права, прогнав меня в прошлый раз ...

– М... – улыбается она и очень серьезно добавляет: – Спасибо!.. Спасибо, милый, что пришел... Не представляю, как бы я вчера без тебя... Прости меня, Саша, я просто не знаю, что со мной творится... Иногда я даже тебе не верю... Это ужасно!..

– Ничего-ничего!.. Все будет хорошо, – прижимает ее к себе Александр.

Уже в знойный полдень заходит Ирина в здание обкома партии, где почти год назад нашла приют общественная организация "Союз Чернобыль". За дверью в холле получают инструктаж маленькой горбоносой брюнетки группа детей, отъезжающих на оздоровление за рубеж, и их родители, большинство из которых мало похожи на отселенных или проживающих в зоне.

Перед лифтами Ирине преграждает дорогу милиционер.

– Вы к кому?

– В "Союз Чернобыль"...

– У них сейчас обед...

Ирина немного растерялась, но быстро нашла, что сказать:

– Мне назначали именно это время!..

– Хорошо, идите, – недоверчиво пропускает ее милиционер и возвращается к своему посту.

– Ой!.. Простите, совсем забыла, какой у них этаж? – спрашивает его вдогонку Ирина.

– Третий, – буркнул тот.

Ирина выходит из лифта. Заходит в приемную Союза, где видит Валентину, ту самую интеллигентную припятчанку, которая вчера говорила прощальную речь на похоронах Сергея.

– А... Ира, – заметила ее та. – Ты что, за сына пришла хлопотать?.. Но знаешь, они все там заняты... Гости из Дании приехали, – полушепотом поясняет она. – А... Впрочем, давай рискнем!.. Пошли...

Они входят в кабинет, где с гостями за чашкой чая мило беседует утомленный молодой человек и обаятельная шатенка неопределенного возраста. Ближе к вошедшим юная блондинка-референт нарочито серьезно выслушивает солидного чиновника.

– Светлана Николаевна, – наклонившись к ней, почти шепчет тот, – умоляю вас, поговорите с ними еще раз!.. Предложите им наши услуги на самых выгодных условиях... Вы же знаете – они не желают иметь дело с официальными структурами. Не доверяют нам... Только на чернобыльской почве пока и можно наладить контакт... Прошу вас, голубушка!..

– Угу!.. Я поговорю, конечно, – роняет референт и обращается к вошедшим: – В чем дело, Валентина Петровна?..

Та подходит к ней и, тоже наклонившись, что-то шепчет, показывая на Ирину. Юная референт досадно вздыхает, пристально глядя на Ирину.

Валентина с чиновником направляются к гостям, а референт подходит к посетительнице.

– Ирина Михайловна?.. К сожалению, вы видите, мы заняты... Зайдите, пожалуйста, в комнату напротив, там наша комиссия "Дети Чернобыля"... Они разберутся... Всего доброго! – распахнула она дверь перед Ириной.

В соседней комнате бесстрастная толстушка объясняет Ирине:

– Вы разве не знаете, что мы посылаем за границу только тяжело больных детей?..

Ирина протянула ей документы. Пробежав их взглядом, та озадаченно покачала головой:

– Но не таких тяжелых, простите... Здесь пишут, что ему нужна срочная операция... У нас нет таких средств... К тому же они отказываются принимать очень тяжелых... Вдруг с ребенком что-то в дороге случится... или еще что... Нет, мы не можем вам помочь!..

– И вы не можете!.. А кто может?! – голос Ирины дрогнул. – Куда, к кому мне еще обращаться?! Или просто смотреть на страдания и ждать конца?! – не выдержав, Ирина расплакалась.

– Господи! – раздраженно вздыхает толстуха. – Настя, этой тоже, видать, "неотложку" вызывать придется...

Настя наливает в стакан воду из графина, привычно капает туда корвалол. Предлагает Ирине. Но Ирина отстраняет стакан, ее трясет.

– Благодарю за консультацию, – еле выдыхает она и неровным шагом покидает кабинет.

– Ах ты, Боже мой!.. Несчастливая мать, – закрыв за посетительницей дверь, вздыхает Настя.

Но уже через мгновение лицо ее посветлело, и она предлагает коллеге: – Кофе хочешь?.. Датчане угостили, – достает из своего стола импортную баночку.

– Что ж, давай!.. У меня кое-что к кофе найдется...

А Ирину у парадного подъезда обкома встречает Александр. Отводит ее к скамье, усаживает, заставляет взять под язык валидол.

– Ну, что? – спрашивает он, щупая ее пульс.

– Все!.. Хватит... Больше идти некуда, – нервно смеется сквозь слезы Ирина.

– Прекрати истерику!.. Что значит – хватит?.. Мы же договорились... Сейчас же пойдешь на телевидение... Может, там что-то есть уже... Кстати... Прости, ты не могла бы отдать мне тот вчерашний презент американцев?.. Понимаешь, мне пообещали очень хороший препарат для Дениса...

– Бери, конечно, – достает она из сумочки сто долларов.

– Сэнк ю, май дарлинг! – прячет деньги в карман Александр. – Ну, мне пора!.. Прости!.. А ты должна посидеть здесь еще минут десять... Это я тебе как врач говорю!.. И запомни, коль они показали Дениса в марафоне, значит, обязаны ему помочь... Только смелее!.. Прощай, – целует он ее в щеку и почти бегом устремляется к троллейбусной остановке.

Тоскливо глядя ему вслед, Ирина вновь вспоминает...

~~~~~

... Она в переднике заглядывает в комнату Дениса, где тот играет на полу в шахматы с Сергеем. Рядом с ними растянулся лохматый Джек и, положив вытянутую мордочку на передние лапы, наблюдает за игрой. На софе дремлет сытый Васька. Денис время от времени покашливает.

А в ее комнате тихо играет музыка, в открытую дверь видно танцующих Лизу и Виктора, родителей Сергея.

Звонок. Ирина открывает дверь. На пороге цветут улыбками ей навстречу Верочка – "божий одуванчик" и некогда статная Галина. Обе очень изменились, и потому Ирина лишь по улыбкам узнает их.

– Ой, девочки!.. Боже мой!.. Проходите, хорошие мои!..

– Ирка!.. Господи!.. Ведь тебя не узнать совсем, – запричитала маленькая Верочка, вручая Ирине букет роскошных роз.

Они обнялись и так, растроганные, шмыгая носами, стоят втроем несколько мгновений.

– А нас, конечно, не ждали, – вдруг басит из-за их спин Софья, чмокая опешившую подругу.

– Видишь, кого я тебе привела?!.. Цени!.. – пропускает Софья вперед Светлану и Александра Васильевича с огромными букетами цветов. Светлана, обнимая Ирину, тараторит:

– Узнала про твой день рождения, и решила улизнуть из больницы... Заодно и доктора прихватила, чтоб не заложил!.. – смеясь, покосилась она на Александра Васильевича, который взял руку Ирины и бережно поднес ее к губам. Ирина смутилась.

Радостный Джек весело обнюхивает новых гостей.

– Да... Это, действительно, уникальный подарочек!.. Проходите в комнату... Там соседи принесли слайды припятские... А ты уже домой, Сережа?..

– Ага... До свидания, – буркнув Ирине и гостям, он пропускает вперед верного дружка, – Джек, домой!.. Пока, Денька!.. – уже в дверях крикнул он Денису.

– Пока! – хрипло откликнулся Денис из своей комнаты и снова закашлял.

– Денька! – вскрикнула Верочка и поспешила к нему. – Ты что, болеешь?!.. Не может быть!.. Ты ведь у нас всегда богатырем был... Денька!.. Узнаешь нас с тетей Галей, а, сорванец?.. – треплет она за щеки улыбающегося Дениса.

– Конечно, узнаю... Вы – наша Золушка... А тетя Галя – певица...

– Ах, ты, мой хороший! – целует его Верочка.

Галя, тоже поцеловав Дениса, достает из сумки пакет яблок и большой грейпфрут, кладет гостинец на стул у кровати:

– Съешь все и сразу поправишься!..

– Девчата, проходите сюда, будем чай пить и судачить... Вы мне все-все обо всех расскажете, да?!

– Ирина ведет подруг в свою комнату.

– О ком знаем, расскажем, – вздыхает Галина. – Только радостных новостей не жди...

– Зато мы слайды привезли показать... Еще из нашей мирной жизни, – лепечет Верочка.

Стемнело. В комнате полумрак. Денис, полулежа, устроился в обнимку с котом на мамином диване. Ирина, Лиза, Вера и Светлана сидят рядом с ним у журнального столика, уставленного вареньем, конфетами, чашками с остатком чая, чайником и прочей посудой, сдвинутой в сторону, а на краю стола лежат раскрытый альбом и толстая папка с различными пригласительными и другими маленькими свидетельствами их безвозвратно ушедшего прошлого. Тихо играет музыка. Александр и Софья танцуют. На стене меняются слайды прекрасной, еще живой Припяти и живописного Полесья, которые показывает Виктор.

– Внимание! Исторический кадр, – восклицает Верочка.

– Со стены весело смотрят – она в дубленке и шапке из рыжей лисицы и Ирина в зимнем пальто, с пышными распущенными волосами. Они в две руки качают коляску с Вериной малюткой на заснеженной площади перед припятским дворцом культуры.

– Ах, какие зимы у нас были, девчата! – причитает Лиза.

– А волосы?! Глянь, какие волосы у Ирины, не то, что сейчас, – тербит стриженую голову подружки подсевшая к ним Софья.

– Да, Ир, какие волосы были!.. – сокрушается Верочка.

– Но ты тоже осыпашься, одуванчик наш, – ласково говорит Ирина, бросив извиняющийся взгляд на подошедшего Александра.

– Да уж... – шмыгает носом та.

Александр, поклонившись дамам, приглашает Ирину на танец. Софья ревностно следит за ними. Ирине неуютно под ее пристальным взглядом. Сердясь на саму себя, она нервно пробурчала:

– Что это мы топчемся, как солдаты на плацу?! Пойдем ко всем... Денис, – обращается она к сыну, – давай-ка быстро в постель!.. Поздно уже, – и, подняв его с дивана, уводит из комнаты, а сама, вернувшись, устраивается на его месте.

Меняется слайд. На экране ДК, увенчанный всеми флагами стран-членов Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) – участниц международной конференции по атомной энергетике, проходящей в Припяти весной 1985 года.

– А Володя твой почему не пришел? – спрашивает Ирина Софью.

– Он же на вахте...

Меняется слайд, теперь подружки видят сценку из Иринино спектакля. На сцене А. Блок в исполнении Саши Деханова, в углу за столом Валя Пинчук в образе Марины Цветаевой...

– А что с Сашей Дехановым, знаешь? – спрашивает Галя.

– Знаю, – вздыхает Ирина.

– Ну, а что с Валентиной – твоей Цветаевой?.. Где она теперь?

– Совсем плоха... Не ходит уже. Два раза в год лежит в клинике в Москве, на химии... А живет с родителями в Хмельницком... Впрочем, письма писать ей тяжело очень... Последнее письмо полгода назад пришло... Как теперь она, даже не знаю...

На экране – припятская юморина. Девчата смеются, видя, как полуобнаженные парни – инженеры ЧАЭС – в балетных "пачках" исполняют "танец маленьких лебедей".

– Верочка, как встречу во дворе Станкевича, всегда вспоминаю твой заказ на юморину 85-го, помнишь?.. Когда он в гробу летал... Ты тогда написала в заявке нашим столярам: "Прошу изготовить гроб для Станкевича"...

– Да, черный юмор получился!.. Теперь только и слышишь – то один умер, то другой!.. Мы скоро будем встречаться и обсуждать, кого в чем в гроб положили... – грустно шутит Верочка.

– Смотри, это же юморина 1 апреля 86-го, – восклицает Галя, комментируя новый слайд. – Тогда еще хлопцы протянули "ускорение", раздутое прессой... Помните, как городской гид вроде бы водит по станции столичного корреспондента, говоря что-то типа: "Вот видите, как усиленно работают кувалдами наши инженеры"... В то время как мимо них все чаще пробегают станционники с пустыми тачками. "А это, говорит гид, наши рабочие претворяют в жизнь призыв партии к ускорению".

Все дружно, но не очень весело, смеются.

– Это что!.. Вспомните, что дальше было в этой последней юморине, – подключилась эмоциональная Верочка. – Когда этот самый гид, якобы показывает корреспонденту городские достопримечательности, и, подойдя к долгострою в центре города, говорит: "Обратите внимание на замечательный из добротного дерева забор прямо напротив дворца культуры. Мы взяли коллективное сощобязательство к концу года весь город обнести таким забором!.."

Никто даже не улыбнулся.

– Да... Выполнили!.. Не прошло и месяца, обнесли город колючей проволокой, – вздохнула Ирина.

– Ну и ну, у вас даже юморины были пророческие, – удивляется Александр.

Виктор гасит проектор, включает слабый свет.

Галя достает из папки газету, читает заголовок статьи:

– "Припять – место заповедное"... Чья это статья была – твоя или Софьиной? – спрашивает она Ирину. – Здесь псевдоним...

– Моя... Но сказал так о нашем городе один московский поэт...

– Да, уж теперь точно заповедное место, – басит Софья.

Ирина трет рукою глаза, нос.

– Боже мой!.. Так всегда, как только достаю альбом и архивы свои, сразу все лицо чешется...

– И у меня тоже, – подтверждает Галина. – Может, у тебя вообще фон в квартире?!.

– Слушай, Ир, у меня дома дозиметр есть... Давай сбегая, – предлагает Виктор.

– Беги!.. – безразлично бросает Ирина и, взяв свою любимицу- гитару, настраивает и поет:

Бессонницы недуг неизлечимый

ночами манит в прошлое меня,

и я вхожу без стука, без причины

в дома к давно покинутым друзьям.

Нам есть еще о чем поговорить,

есть чем помочь друг другу, непременно.

Ни время, ни пространство, ни измены

еще нас не сумели разлучить.

И свет в домах утраченных друзей

включается в ночи на небе позднем,

и мне с друзьями радостно и слезно

листать тома уже минувших дней...

Все, затаив дыхание, слушают. Приятный голос Ирины завораживает задушевностью. Тихонько вошедший Виктор тоже замер, прислонившись к двери.

А день несет иные имена,

и новые заботы ждут за дверью,

и новые разлуки и потери

бессонницей не вычерпать до дна...

Все тяжело вздыхают, Ирина, отложив гитару, встает, и обращается к Виктору.

– Ну, где же твой аппарат?..

Тот подносит дозиметр к альбому и папке на столике, слышится легкий треск.

– А что я говорила?! – помрачнела Галина.

– Это не так страшно, – успокаивает Виктор, – У тебя, Ирина, есть еще припятские вещи?

– Конечно...

– Тащи все – проверим!..

Ирина приносит. Проверяют. "Звенит" все – книги, одежда, даже полотенце. Ирина заносит черную сумку, с которой они выезжали из Припяти – дозиметр дико трещит.

– Более шести тысяч бета-распадов!.. Зачем же ты такие вещи дома держишь?! – возмущается Виктор.

– А где же я могла их проверить?!. Это – то старье, что мы в камере хранения на вокзале оставили в мае, чтоб меньше нести с собой... перед банной "дезактивацией"... Да еще то, что я летом взяла из Припяти... А с этой сумкой мы уже второй год всюду разъезжаем... И как-то в голову не пришло, что ты мог давно все это замерить...

– С ума сошла!.. А ну, давай все в мусоропровод!.. – требует Галина.

Ирина заталкивает одежду, полотенце и другие вещи в сумку, протягивает ей.

– Пожалуйста!.. Но книги я не выброшу!.. Почиту еще... и спрячу от Дениса... Каждую из них я с таким трудом доставала... в очередях... И каждую – с какой-нибудь идеологической ахинеей в нагрузку... Так что это самое дорогое, пусть со мною рядом "распадаются"...

Галина несет сумку из квартиры, ворча:

– А сколько же тогда на всем этом было "грязи"?.. Ведь уже больше двух лет прошло!..

– И все-таки, что ни говорите, – неожиданно и невпопад вмешивается в разговор Александр. – Я, конечно, не имею в виду присутствующих, но припятский синдром все-таки существует, – многозначительно произносит он.

Все удивленно смотрят на него.

– Александр Васильевич, в вас опять заговорил медицинский чиновник атомного ведомства, – съязвила Светлана. – Вы еще вспомните тут пресловутую радиофобию!.. Наверное, ваша диссертация по гастроэнтерологии будет называться "припятский синдром", да?!

– Ну, что ты, Светка!.. У него – "оболонский", – заржала Софья. – Он, например, не прочь бы прокатиться на стажировку куда-нибудь, скажем – в Америку, чтобы серьезно и глубоко изучить там чернобыльский фактор... Не правда ли, дорогой доктор?!. – она подошла вплотную к Александру и, испытываяще глядя ему в глаза, затянулась сигаретой.

Александр выдержал ее взгляд и спокойно парировал:

– Если поездку оплатит какой-нибудь фонд, я не откажусь...

– Вот и я о том же, – выдохнув дымом ему в лицо, Софья повернулась на каблучке и направилась к Ирине.

– Софья!.. Прекрати!.. – гневно говорит та.

Подсев к Ирине, Софья примирительно сжимает ей руку.

– Ладно, не злись... Все путем!.. – берет она прислоненную к дивану гитару. – Давай-ка, твои "Звезды...", а?!

Ирина, помедлив мгновение, горько вздыхает, и, тихо тронув струны, поет:

Нет, звезды абстрактны.

Не то измеренье!

Вернемся обратно.

Пройдемся отдельно
по травмам
вдоль тракта –
судьбе параллельно.

Пройдемся отдельно...

Мой верный попутчик,
так жить невозможно!

Но можем ли лучше?!

Как небо тревожно!..

Я вновь задыхаюсь!

Помочь мне не можешь,
но все понимаешь.

...По травмам

вдоль тракта

следы наши стынут,

сияя абстрактною

звездною пылью...

Гости собираются по домам, одеваются в прихожей.

– Я провожу вас немного, – набрасывает на плечи демисезонное пальто Ирина.

У лифта Виктор еще раз достает дозиметр.

– И почему ты меня раньше не позвала? – бормочет он, удивленно глядя на дозиметр, подносит его к Ирине, прибор затрещал. Виктор ведет прибором по пальто к воротнику – бешеный треск, стрелка прибора зашкаливает.

– А это еще что?!.. Это тоже припятское пальто?..

– Нет, я его уже осенью за компенсацию купила...

Виктор измеряет все пальто еще раз – легкий треск, подносит к воротнику – снова бешеный треск, "зашкал".

– Ничего не понимаю, – недоумевает он. – Больше десяти тысяч бета...

– А!.. Я, кажется, поняла... Это или от волос моих,

на них тогда больше рентгена было, а постриглась я уже поздней осенью... тогда я в этом пальто ходила... Или же от шапки песцовой... Помните, девчата шапку мою припятскую?.. Я ее выбросила уже зимой, когда другую смогла купить... У меня от нее тоже все лицо чесалось... Так я завернула ее в старую газету и – в мусорку, чтобы какая-нибудь бомжиха не позарилась...

– Вот ты даже бомжей пожалела, – басит Виктор. – А знаешь, как торговали тогда "грязными" вещами?! Ну, ладно, все!.. Прощайте, девчата, наш этаж чуть ниже, спустимся своим ходом... Пойдем, Лизок!..

На автобусной остановке подруги прощаются с Александром Васильевичем и Ириной. Верочка, обнимая ее, сокрушается:

– Ох, когда теперь увидимся?.. Скажи хоть, где тебя искать?

– Куда ты ложишься?.. Снова в Пущу?.. – уже со ступенек автобуса спрашивает Галя.

– Угу... Только сначала Дениса положу в диспансер... Это ведь рядышком – буду навещать его, – отвечает Ирина, маша им на прощанье.

Александр тоже помахав подругам, берет Ирину за руку, и решительно ведет назад через дорогу. Она немного удивлено, но ласково посмотрев на него, не сопротивляется.

Так за ручку, молча, они возвращаются к Ирине домой. Тихонько входят в квартиру.

– Мам?!.. – слышится из спальни голос Дениса.

Ирина, беззвучно подтолкнув гостя в свою комнату, быстренько заходит к сыну.

– А что гости уже ушли?! Я тоже хотел их провожать!..

– Ну-ка спать быстренько!.. Ты и так сегодня выбился из режима, – присаживается к нему на кровать Ирина.

– Ма, правда, припятчане теперь – как отдельная нация? – спрашивает он.

– Да, сынок, – механически соглашается Ирина, поправляя одеяло. – Спи!..

– А помнишь, как в Припяти елка новогодняя – перед дворцом культуры – три раза подряд по ночам падала?.. Как будто предупреждала, правда?..

– Правда, – гладит его по голове Ирина.

Лицо мальчика сосредоточено, в глазенках отражена напряженная работа мысли.

– А разбитые игрушки, как разбитые судьбы, – вздыхает он, заключая свои размышления.

Утром Ирина, тихо проводив Александра, заглянула в комнату сына. Он спит. Она идет на кухню. Смотрит в окно, видит на остановке Александра, машущего ей. В ответ Ирина прислоняет раскрытую ладонь к стеклу.

За ее спиной появляется Денис и тоже смотрит в окно. Ирина вздрагивает.

– Мама, а дядя Саша будет моим папой?!.

– Не знаю, сынок...

~~~~~

... Пока Ирина добирается на телевидение, Александр размашистой походкой свободного человека уверенно входит в бюро "Интурист". Игнорируя лифт, он вбегает на третий этаж, входит в одну из комнат.

– Хэлло, Шурик! – приветливо встречает его смазливая девушка-инструктор.

– Привет!.. Вот, – торжественно взмахивает он зелененькой бумажкой, – недостающая валюта!.. Так-то, Ларочка!.. Что там с билетом?..

– Все договорено. Вот с этим, – что-то пишет она, – подойдите к международной кассе... Там сегодня Нинок... Она в курсе...

– Боже мой! – сладко потягивается Александр. – Даже не верится... Уже через неделю по ту сторону границы я навсегда забуду, что был в моей жизни этот совковый кошмар!..

– Я вас поздравляю, – загадочно улыбается инструктор. – Но надеюсь, наши услуги вы там не забудете, – многозначительно добавляет она, протянув ему двумя пальчиками записку для кассира.

Александр, поцеловав ее пальчики, берет записку:

– Что вы, Ларочка, вас я вовек не забуду!..

... А в это время на телевидении известный комментатор объясняет Ирине:

– Я думаю, вам нужно подойти в 9-ю студию... Там сейчас группа чернобыльского марафона снимает какой-то сюжет... А впрочем, – оценил он состояние Ирины, – я проведу вас... Прошу!..

Они тихонько заходят в затемненную студию, где идет съемка. Здесь за круглым столом сидят зарубежные гости, представители марафона и Чернобыльской комиссии Верховного совета, а также начмед ВНЦРМ – тот самый Виктор Иванович, отличающийся жандармскими наклонностями в своем ведомстве и совершенно обаятельный собеседник здесь – на телевидении. Теперь он рассказывает гостям и будущим зрителям о бедственном постчернобыльском состоянии здоровья всех слоев населения, представляет сравнительную статистику заболеваемости киевлян и живущих здесь припятчан, в том числе детей.

– Вот, например, статистический анализ за прошлые два-три года одной из городских поликлиник, где наблюдаются как киевские, так и припятские детишки...

Строгая худощавая немка спешно конспектирует его слова.

– Так вот, этот анализ свидетельствует, что заболеваемость резко возросла в обеих наблюдаемых группах... У припятчан, правда, преобладают... вот... заболевания сердечнососудистой системы, желудочно-кишечного тракта и, к сожалению, заболеваемость крови имеет место... Увеличение щитовидной железы наблюдается приблизительно в равных пропорциях в обеих группах... Зато киевские дети перекрывают все показатели по заболеваемости верхних дыхательных путей и острым респираторным заболеваниям...

– А вам не кажется не совсем точным такой анализ, – вдруг прерывает его из темноты нервный голос Ирины. – Ведь вы не учитываете того, что большинство мужчин припятчан до недавнего времени работали на станции и мамы имели возможность сидеть с детьми дома, а потому, извините, с соплями могли в поликлинику не обращаться...

– Стоп, камера! – кричит режиссер.

В студии замешательство. Начмед вглядывается в темноту, узнает Ирину.

– Вот видите, я же вам говорил о "припятском синдроме", – поясняет он.

– А у вас, Виктор Иванович, конечно же, как говорят, "оболонский", – едко выпалила Ирина.

Иностранцы заинтересованно следят за этой неожиданной сценой.

– Что такое? – пробирается меж осветительной аппаратурой к Ирине режиссер. – Что вам надо?!. Как вы здесь оказались?.. Кто вы?..

– Это м-мать больного м-мальчика, что м-мы показывали на прошлом м-марафоне, – заикаясь, поясняет спешащий за ним ассистент.

– Мне от вас уже ничего не надо! – сорвавшимся голосом прохрипела Ирина. – А кто я?.. Вон, у начмеда спросите, – охваченная гневом и жестокой болью, почти выскакивает Ирина из студийной комнаты.

Униженная, возмущенная и подавленная спешит она на вокзал, решив-таки сегодня же ехать за сыном.

Но на табло у вокзальных касс светится одна фраза на всех направлениях: "Мест нет". Однако, несмотря на это, ко всем кассам тянутся длинные очереди. Ирина хватается за голову, тяжело дышит.

– Ты што так пэрэживаешь, а? – обращается к ней стоящий рядом старый узбек. – Тэбэ так срочно поехать надо?.. Слушай, попробуй дэ предварительный касса... Когда повезет, на утренний поезд билет возьмешь... Там народу мал-мал мэнше...

– Спасибо, – протискивается к выходу Ирина.

Подходя к предварительным кассам, она, погруженная в свои нерадостные переживания, буквально сталкивается с довольным Александром, рассматривающим на ходу только что приобретенный яркий билет-книжечку.

– Ты?! Здесь?!

– Видишь ли... – растерявшись от неожиданной встречи, Александр пытается спрятать билет.

– Что это?.. Покажи, пожалуйста, – протянула руку Ирина.

– Видишь ли, – нехотя отдает ей билет Александр. – Я решил, что так будет лучше... нам всем!.. Но как только я там устроюсь, тотчас же напишу тебе... Да... Я помогать вам буду... Все Штаты на ноги подниму!.. Поверь, – уже воспрянув духом, увлекается он. – Ведь у тебя опять ничего не вышло?! Вот видишь?! Я так и знал... А у меня там все получится – спешит он за отдавшей ему билет и решительно устремившейся в кассовый зал Ириной. – Я привлеку к вам внимание всей западной прессы... Они соберут средства и вызовут вас... или хотя бы Дениса на лечение... Поверь мне!.. – тараторит он.

– Ладно. Не оправдывайся! – резко остановившись, повернулась к нему Ирина, в глазах ее боль и отчаяние. – Не надо!.. – тихо, но жестко говорит она. – Ничего не надо нам от тебя... Устраивайся сам, нас не трогай!.. Боже!.. Ведь еще вчера ты мне ничего не сказал о своем отъезде...

– Я хотел... За тем и пришел... Но это горе с Сергеем... Я не смог!.. Прости меня!..

– Дура!.. Господи, какая же я дура!.. Вот что... Я тебя только об одном попрошу... о последнем одолжении... Купи мне билет на завтра в Евпаторию... А то если мне и здесь откажут... я не выдержу, – задыхается она. – Прошу тебя!..

– Хорошо!.. Конечно... Вот, – сует он ей в руку валидол. – Прими, пожалуйста... Я сейчас...

Ирина прислоняется к прохладной колонне. Все вокруг видится ей, как в тумане. И вспоминается ...

~~~~~

... Весна в Пуще-Водице прекрасна не менее осени. Прелесть свежей зелени дополняет пьянящий аромат лесных ландышей, щебет и свист пернатых. Ирина, Александр и Денис, одетый в новенькую желтую пижаму, бредут по аллее детского диспансера, домики которого после капитального ремонта преобразились.

– Дядя Саша!.. Смотрите, что я нашел, – показывает Денис плоский кусочек угля с четким отпечатком листьев папоротника.

– Интересно!.. Очень старый отпечаток... Это пополнит твою коллекцию!.. Значит, все-таки хочешь быть геологом?..

– Конечно!.. – удивляется его вопросу Денис.

Мимо них проходит иностранная делегация и, сделав пару идиллических снимков, покидает диспансер.

– Мам, – оглядывается на них Денис, – теперь, как только иностранцы приезжают, нам новые пижамы выдают... А на второй завтрак дают по бутерброду с икрой... На тоненький ломтик хлеба так тоненько кладут икру... Но все равно вкусно! – улыбается он.

В это время к главному корпусу подкатил длинный рефрижератор, к которому ринулись медицинские работники, образовав очередь за каким-то дефицитным товаром.

– Не хочешь присоединиться к коллегам?! – язвит Ирина, пытливо глядя на Александра.

– Не понимаю твоей иронии... В чем ты тут видишь криминал?.. Каждый устроивается, как может!..

~~~~~

... – Вот билет, – возвращает ее в реальность голос Александра. – Я очень хотел бы проводить тебя завтра, но не смогу. Прости!.. Мне столько еще нужно увязать, обежать перед отъездом... Понимаешь?!.

– Конечно... Конечно, понимаю, – нервно усмехается Ирина. – Начинать новую жизнь – дело серьезное!.. Тем более, что я не хочу тебя больше видеть... Не могу!.. Так что прощай!.. Да... Вот деньги за билет, – сует она ассигнации в нагрудный карман его рубашки. – Будь здоров, – бросает напоследок и, болезненно сгорбившись, идет к выходу.

Она входит в свой подъезд, задыхаясь от горечи и слез. Вынимает из почтового ящика очередные два письма от Дениса. Входит в квартиру, опускается на диван, читает:

...Дорогая мамочка! Я себя очень плохо чувствую. Весь день лежу в постели. Ужасно болит голова. Тут такая страшная жара. Мне еду приносят в постель. Я совсем не хожу на море. Мне запретил врач... Мама! Все время, когда все уходят, я беру твою фотографию, смотрю на тебя и плачу!.. Никак не могу с собой справиться!..

Слезы застилают ей глаза, туманят текст. Прямо перед ней на полке книжного шкафа – большое фото голубоглазого красавца Александра. Ирина смотрит на него сквозь пелену слез и... вновь вспоминает свое недавнее пребывание в больнице ...

~~~~~

... Ей совсем плохо. Но она уже различает больничную палату. Видит, как молоденькая медсестра снимает капельницу.

– Спасибо, лапушка, – шепчет на ухо медсестре Александр, чуть приобняв ее за талию.

– Не за что, доктор, – кокетливо улыбнувшись ему, медсестра уходит, унося штатив с системой.

Александр наклоняется к Ирине, целует в щечку.

– Ну?.. Ты уже молодцом?! Чудесно!..

– Саша!.. – с трудом выговаривает Ирина. – Не пойму!.. Зачем ты возишься с нами? Зачем мы тебе?.. Ты ведь свободен!.. Можешь прекрасно устроить свою жизнь, – тяжело вздыхает она.

– Могу-могу!.. Конечно, могу... Но не хочу!.. Понимаешь, мне понравилось бороться с трудностями... К тому же я, быть может, люблю тебя!..

~~~~~

... Ирина встает с дивана. Берет фотографию и медленно рвет на мелкие кусочки. По щекам ее катятся слезы ...

Просыпается Ирина рано утром опять в тяжелом кризе. Но все-таки ей удастся собраться. И вот уже с дорожной сумкой через плечо она медленно подходит к остановке, где стоит, будто поджидая ее, автобус. Устроившись на свободном месте, она распечатывает второе письмо сына:

...Мама! Я каждый день отмечаю в календарике. У меня на голове все время лежит мокрое полотенце, но все равно через каждые две минуты я обливаюсь потом...

Толпа выносит Ирину из автобуса в метро.

...Мамочка! У меня больше нет бумаги, потому что мне нельзя выходить. А кого я прошу мне купить, все отказываются!..

Переполненный эскалатор выбросил Ирину к выходу станции метро "Вокзальная", когда до отправления поезда осталось несколько минут. Ирина понимает, что с ее теперешними возможностями она может не успеть, и усердно продвигается к вокзалу. На перроне гам отъезжающих перекрывает громко звучащая из вокзальных усилителей музыка. Ирина с трудом находит свой двенадцатый вагон. Отдышавшись, она оглядывается по сторонам. Вокзальное радио передает песню Игоря Талькова "Летний дождь", а Ирина еще надеется увидеть в толпе Александра.

Память уже не жаль,

Мысли не бьют по рукам,

Я тебя провожаю

К иным берегам...

Ты – перелетная птица

Счастье ищешь в пути.

Приходишь, чтобы проститься

И снова уйти...

– задушевно поет Тальков.

Поезд трогается. Ирина старается на ходу забраться в вагон. Ей бы это ни за что не удалось, если бы две молодые проводницы не подхватили ее под руки и не затащили в тамбур, а затем легонько подтолкнули внутрь вагона.

Почти упала Ирина на свое место. Но тут сердобольная старушка, сидящая напротив, подсказала ей:

– Вам сейчас не надо сидеть... Вы походите немного... Отдышитесь... На вас ведь лица нет...

Ирина послушно поднялась и медленно пошла по коридору. И вновь ей слышится:

...Мама! Мне ночью ты снилась. Как долго тянутся дни. Голова продолжает болеть, не проходит даже ночью. Не знаю почему, но мне стало так трудно с тобой расставаться, мама!.. Нам воспитатель сказал, что лечение только месяц. Второй месяц – отдых. Но у меня здесь не может быть отдыха!..

... – Отдыхать? – спросила старушка Ирину, когда та снова опустилась на свою полку.

– Нет, за сыном, – ответила Ирина в изнеможении, откинувшись всем телом к стене.

– Как же это вы чуть не отстали от поезда?.. Поздно взяли билет?.. А вам уже лучше?.. Может – таблетку?..

– Нет-нет, – прервала учтивый поток вопросов Ирина. – Спасибо... У меня свои есть... А билет?! Достали мне с горем пополам... Однако, пройдя вдоль вагона, я обнаружила, что он почти пуст...

– Вот-вот... – подхватила старушка. – Я сюда, к дочке, так же добиралась... Они билеты в кассе держат до последней минуты, ироды. Пусть даже пропадут. Но кто сотню сверху положит, так, пожалуйста, получай!.. Сама видела, ей-Богу!.. Ох, и везде такое безобразие. Просто мафия какая-то... Эх-эх-эх, – тяжело вздохнула старушка и принялась искать что-то в своей бездонной сумке.

Ирина только было прикрыла глаза, чтобы чуть-чуть прийти в себя, как в купе вошла проводница.

– Билеты, пожалуйста... Спасибо... Так, Евпатория... А вы до Джанкоя... Хорошо... Постель я принесу попозже. И чай тоже... Доброго пути!..

– Какая милая девушка, – после ее ухода довольно констатировала старушка.

– Да, – согласилась Ирина. – Они, видать, стройотрядовцы, осваивают европейский стиль работы.

– И то верно. У нас не часто встретишь такое обращение с пассажирами!..

Пока происходит этот разговор, вагонное радио информирует слушателей о работе сессии Верховного Совета Украины. И вот диктор проникновенно говорит о недавнем решении Верховного Совета обратиться ко всем республикам и к украинской диаспоре за помощью детям,

пострадавшим в результате Чернобыльской катастрофы, а также о том, сколько детей уже отправлено на лечение в другие страны и т. д.

Ирине снова сделалось худо. Она взяла таблетку под язык. Лицо ее посерело. Она закрыла глаза. Старушка, выждав время, проникновенно спросила:

– Давно страдаешь, дочка?

– Пять лет уже...

– А сын что же – в санатории лечится?..

– Да.

– Неужто тоже болен?

Ирина побледнела, глаза наполнились слезами. Она лишь сглотнула подступивший к горлу ком.

– Сколько лет-то ему?

– Скоро четырнадцать... А когда началось все это, девяти не было, – выдохнула Ирина.

Старушка напряженно всматривается в ее лицо:

– Так вот оно что!.. Ах, Боже ты мой!.. Да вы из Чернобыля, что ли?!.

– Из Припяти, – почти прошептала она.

– Стаканчики можно забрать?.. – почти над ухом слышит Ирина мягкий голос проводницы.

– Да, да... Пожалуйста! – роется она в сумочке, достает мелочь и протягивает проводнице.

Та уходит. А вагонное радио передает очередной информационный выпуск, в котором, среди прочих новостей, опять сообщается приблизительно следующее:

"...Чернобыльская катастрофа еще долго будет волновать мир. Уже неделю работает у нас экспертная комиссия, состоящая из ученых и специалистов разных стран, в работе которой принимает участие и Генеральный директор МАГАТЭ Ханс Бликс... Особенно волнует общественность медицинский аспект трагедии. Совещания по этому поводу прошли в Киеве и Минске..." – сообщает мужской баритон.

"А детей, пострадавших в результате Чернобыльской катастрофы, – подхватила диктор-женщина, – радушно принимают на отдых и лечение на Кубе, в Венгрии, ФРГ, Канаде... Дети чувствуют себя хорошо..."

Ирина поднимается и нервно крутит выключатель, пока радио не смолкло.

– А как твой себя чувствует? – спрашивает старушка.

– Плохо... Ему дали в поликлинике путевку на два самых жарких месяца в Евпаторию... Других не было!.. Я согласилась-то на эту в надежде, что суставы ему там подлечат... Очень они его беспокоить стали в последнее время, весной так полмесяца в школу не ходил из-за них... Да какое

там лечение, какие грязи, если у него постоянные головные боли, если каждые две минуты он потом обливается... В таком состоянии ему даже на море ходить запретили...

– Ах, Боже ты мой!.. Что ж это за лето в Евпатории без моря?! – вздыхает старушка.

– Вот и еду забирать его, потому, что ни отдыха, ни лечения – мука одна!..

– Ну, а почему не отправишь лечить за границу? – показывает старушка на радио.

– За границу?! Я не знаю, чьи дети ездят за границу... Во всяком случае, наших детей и детей из зоны там не много...

– Да что ты?!.

– А чему вы удивляетесь?! Реальная власть у нас все еще в тех же руках... Та же ложь и лицемерие...

В купе с вместительным портфелем, тяжело дыша, вваливается солидный гражданин.

– Четырнадцатое место здесь?

– Здесь. Здесь, дорогой, – говорит старушка. – Что же вы в другое купе не хотите пройти?.. Вагон-то почти пустой...

– Э-э, бабуля! Не надо мне чужого места... Дорога долгая, пассажиры еще будут садиться... Зачем мне лишние хлопоты?!... Да и скучно одному...

– И то верно, – соглашается старушка. – Давай, дочка, выйдем в коридор, – обращается она к Ирине. – А они пусть пока располагаются здесь...

Ирина тяжело поднялась и с трудом выходит вслед за шустрой соседкой. Они стоят у открытого окна в середине вагона.

– Ты присядь, – сочувственно глядя на серое лицо Ирины опускает старушка откидное боковое сидение.

– Нет-нет, садитесь вы, пожалуйста!

– Садись! – усаживает та Ирину.

Ирина сидит, держась за перильце, затем почти зависает на нем, так тяжело ей себя держать. А за окном мелькают деревья, поля, села. Вдали опускается за горизонт горячее до красноты солнце, и свет его многократно отражают перистые облака.

– Ты слышала, дочка, про Нострадамуса? – вдруг спрашивает "продвинутая" старушка.

– Да, конечно... А почему вы спросили о нем? – заинтересовалась Ирина.

– Все в этом мире не случайно, милая. Вот говорят – случилась авария... А ведь он когда еще написал, что "придет комета на Землю, звезду Откровенья неся на хвосте"... Ту самую Звезду Полынь из Откровения Иоанна Богослова, помнишь, после которой "третья часть вод сделалась полынью и многие из людей умерли от вод..."

– Недавно я читала об очень любопытных совпадениях, связанных с кометой Галлея. Оказывается, тогда, в 86-м, ближайшее нахождение ее от Земли было 11 апреля. Через две недели, 25-го, было лунное затмение, а потом Луна еще как-то там соединялась с Плутоном, не помню точно... Но самое интересное, что голову комета была в южном полушарии, и там обнаружили озонную дыру. А хвост ее указывал на созвездие Тельца – знак Украины... Вот ведь как!..

Обе задумались, глядя на уходящее солнце.

– Соседушки, прошу! – прервал их размышления новый сосед, выглядывая из купе уже в бриджах и легкой тенниске.

Входя в купе, старушка говорит Ирине:

– Ты сразу ложись, дочка, отдыхай!.. – а сама с вязанием устраивается поудобней у окна.

Общительный сосед подсаживается к ней. И, пока Ирина с трудом стелет себе постель, он заводит со старушкой долгий разговор.

– Дочка?.. – почти шепотом спрашивает он.

– Нет... Но моя немногим старше... Еду от нее...

– А-а-а!..

– А вы куда?..

– В Евпаторию, – радостно выдыхает сосед.

– Отдохнуть?..

– Нет... В командировку!.. – сладостно восклицает он.

– А где вы служите?..

– Почему служу?.. Я работаю... в одной организации... – нехотя отвечает он и переводит разговор на другое. – Вы, бабуля, лучше скажите, что это вы вяжете такое интересное?..

– Внучке свитерок... Одной еще в Киеве связала... А с этой только мерку сняла... И теперь, как свяжу, отправлю бандеролькой...

Ирина ложится, обхватив голову руками. Разговор соседей уплывает все дальше и дальше, и она вновь погружается в воспоминания ...

~~~~~

... Ирина опять в той же самой палате ВНЦРМ. На этот раз ее соседками стали дебелая санитарка этого же центра и пожилая молчаливая припятчанка. Двигая тапочки, моет пол под Ириной кроватью маленькая дежурная санитарка.

– Тань, – обращается она, разогнувшись, к заболевшей коллеге, – ну, когда ты уже выпишешься?.. Третий месяц за тебя работаем!..

– У меня, Дуся, все законно, – почти горделиво отвечает та, уплетая селедку с луком. – Знаешь, какой у меня РОЭ высокий?!..

– Да, если бы я так селедку ела, – тихо ворчит санитарка, – то у меня, может, еще выше был бы!..

Она вздыхает и, гремя ведром, выходит из палаты.

– Девчата! – заговорщицки шепчет дебелая соседка, достав из шкафа бутылку вина. – Давайте по граммулечке, чтоб не киснуть здесь с тоски, а?..

Пожилая припятчанка, дико глянув на нее, отвернулась к окну.

– Нет, мы вам в этом не компания, извините, – отвечает Ирина.

– Ну и зря! – пожимает плечами та и, отхлебнув из горлышка, сует бутылку обратно. – Пойду, прогуляюсь чуть-чуть...

Она выходит. Соседка резко поворачивается к Ирине.

– Видеть ее не могу!.. Кто по-настоящему болен, должен из шкуры лезть или голодать, как ребята наши, чтобы доказать, что не верблюд!.. А такие отлеживают здесь по три месяца и получают инвалидность, да еще и связь с аварией!..

– Да... Я смотрю, они теперь здесь все больны ... из-за работы с "грязными" больными, – удивляется Ирина.

– Точно... Половина врачей в больничных халатах... Ох, тошно!.. – вздыхает соседка.

В палату входит их нынешний лечащий врач – коренастый мужчина среднего роста с бегающими глазами на беспокойном лице, Владимир Николаевич.

– Ирина Михайловна, здравствуйте!.. Вот узнал, что вы опять у нас, и сразу зашел поприветствовать вас!..

– Спасибо, – сдержанно кивает ему Ирина. – А вы, я слышала, зав. отделением стали?!.

– Да вот, повысили, – виновато улыбается он.

Но, видать, ему очень хочется завоевать ее расположение. И он, присев на край кровати, с подчеркнутым сочувствием и вниманием смотрит на нее, почти как на близкую родственницу.

– Я листал вашу историю, Ирина Михайловна... Мне очень жаль, что состояние ваше ухудшилось... Очень жаль, поверьте!.. Но мы сделаем все, что в наших силах, чтобы вам помочь...

– Правда?! Я тронута вашим вниманием, Владимир Николаевич!.. Хоть, по всему видно, у вас здесь мало что изменилось...

– Ну почему же, Ирина Михайловна?.. Весна, смотрите!.. Какая чудная весна, – смотрит он в окно.

– Вы же весной у нас еще не лежали?!. Гуляйте побольше, дышите!..

– Да я-то гуляю – к сыну, в диспансер, например... И дышу... Я не о том... Посмотрите, Валентина Ивановна уже неделю температурит, и это в больнице!.. И никакого внимания!..

– Да что вы?! Ну-ка, Валентина Ивановна, дайте-ка я вас послушаю!.. – садится врач около Валентины Ивановны, слушает ее. – Ох, ты, Боже мой!.. Какие хрипы!.. Я сейчас медсестру пришлю... И пульмонолога приглашу, чтобы послушал вас... А на ночь баночки вам поставят...

– Спасибо, доктор, – глухо благодарит больная.

– Да. Сейчас медсестра вам укольчик сделает, – уже на ходу добавляет врач, выскальзывая из палаты.

На следующий день Ирина сидит в комнате сестры-хозяйки, удивительно оформленной всевозможными, стоящими и висящими, сказочными персонажами из корневищ, стволов и веток деревьев, а также вазочками, салфеточками и другими поделками здешних больных. Кроме того, красный угол здесь занят иконами, библейскими писаниями и прочей святой литературой.

– Кто знает, Ирочка, может, все так и должно быть?! Значит, Богу так угодно!.. Все от Бога, милая!.. – говорит чистенькая и вся накрахмаленная сестра-хозяйка. – А знаешь, я еще в прошлом году заметила, что ты крестик носишь... И почти все чернобыльцы теперь с крестиками...

– Ничего удивительного, ведь у нас одна надежда и осталась – на Бога!..

В комнату заглядывает добродушная, круглая, как колобок, пожилая медсестра.

– Ирина, вот ты где, а я тебя везде ищу!.. Кардиолог у нас в ординаторской консультирует... Идем, быстренько...

Ирина входит в ординаторскую после того, как оттуда, кашляя, вышла Валентина Ивановна. Молодая врач, кивнув новой пациентке, еще заканчивает запись в предыдущей истории болезни.

– Садитесь, – роняет она. – Минуточку!..

В комнату бочком входит Владимир Николаевич и, стараясь не обращать внимания на Ирину, кладет перед кардиологом три истории болезни.

– Что это?..

– Это наши сотрудники, я вам уже говорил про них, – склонился он поближе к кардиологу.

– Ах, да! – листает она истории. – Но, Владимир Николаевич, дорогой, я не могу им всем поставить ишемию, – громко говорит она, заставляя тем самым все больше съеживаться заведующего отделением. – Ну, этой – куда ни шло, там холестерин повышен и УЗИ не совсем благополучно... Но вот этой я сама не могу поставить такой диагноз!.. Подойдите к нашей заведующей, если она поставит, то и я... а сама я не могу, извините!..

– Хорошо, хорошо, – покраснев, выдавливает из себя новоиспеченный зав. отделением, выскальзывая из кабинета.

– Ну-с... Теперь займемся вами... Ложитесь, я вас послушаю, – мягко предлагает Ирине кардиолог.

~~~~~

... Сосед с полотенцем на шее, только что вернувшийся из туалета, грузно забирается на верхнюю полку.

– Вы бы все-таки пошли, да и заняли где-нибудь пустую нижнюю полку, – сетует старушка. – Что ж мучиться-то, коль есть возможность ехать удобней...

– Мне, бабуля, наверху удобней, – кричит сосед. – Люблю, знаете, сверху быть... Сверху – оно все и всех виднее... А внизу – это не мое кредо, увольте, – ворочается он, устраиваясь.

Ирина смотрит перед собой на тени, блуждающие по купе. Ее знобит. Она пытается подняться, озноб усиливается. Все-таки ей удастся сесть. Она выходит и, держась за стенки, идет вдоль вагона в туалет, где сильная рвота ослабила ее еще больше. Но тут подоспела сердобольная старушка и помогает ей вернуться в купе.

– Ложись, я тебя укрою потеплее, – достает она с верхней полки одеяло.

– Бабушка, вы еще одно попросите, пожалуйста... Может, и впрямь, все пройдет, когда согреюсь?!..

– Сейчас, милая! – старушка выходит.

Сверху свешивается голова сонного соседа.

– Тебе бы уснуть сейчас надо, дочка, – вернувшись, ласково говорит старушка, укрывая дрожащую Ирину еще одним одеялом.

– Спасибо. Попробую...

... Ей опять снится все тот же сон, как в густом фиолетовом небе пульсирует далекая звездочка... Все увеличиваясь, она превращается в огненный шар, оставляющий длинный лучистый шлейф... Вспышка... Все небо занимается заревом, которым дышит распахнутый зев четвертого реактора ЧАЭС ...

... Еле слышный стон вырывается из ее груди. Поезд мчит ночью мимо какого-то города, мелькают силуэты дымящих труб, больших и малых строений промышленной зоны, т.е. привычный уже пейзаж. Монотонно стучат колеса вагона. По купе блуждают блики дорожных фонарей. На верхней полке похрапывает сосед. Внизу спокойно спит старушка.

Лицо Ирины в испарине. Она мечется в бреду. Стонет. Старушка просыпается, включает свет над своей постелью.

– Дочка, ты меня слышишь?!. – тормошит она Ирину.

Ирина открывает глаза. Непослушными, опаленными кризом губами она просит:

– Сумочку... мою... возьмите!.. Там адрес... и телефон сестры... В книжке записной – там, где написано "Надя", посмотрите... Если что, – она переводит дыхание, – позвоните... или телеграмму... пожалуйста!.. Скажите... что Денис ждет меня... Пусть она заберет его... если что...

С верхней полки свесилось лицо уважаемого соседа, но вдруг лицо это растягивается в ехидной улыбке начмеда: "А припятский синдром все-таки существует!.." – шипит улыбка. И тает... Появляются глаза... грустные глаза Софы... А может, Лиды?.. Вот ведь ее черный траурный платок... Нет, это черный мех кота Васьки... Черный кот с голубыми глазами, такими же ясными, как у него – Александра... Да это же Александр!.. Он уходит... все дальше и дальше... А за ним бежит Денис, что-то крича и размахивая руками... Хочет остановить... Поздно!.. Денис поворачивается к ней: "Мама!.. Ну, где же ты, мамаааааааа?!.." – звучит долгое эхо его голоса...

– Саша!.. Денечка!.. Деня... Сынок!.. – бредит Ирина.

Старушка выбегает из купе.

Поезд останавливается. На ночном перроне только дежурная медицинская бригада. Врачи спешат в 12-й вагон, где в коридоре их встречает взволнованная девушка-проводница и сонный начальник поезда.

– Сюда, пожалуйста, – показывает дорогу проводница.

В купе с верхней полки снова свесилась голова недовольного беспокойной ночью соседа. Старушка, съезжившись, сидит у окна, жалостливо глядя на мечущуюся в бреду Ирину.

– Она из Припяти, – поясняет старушка вошедшим медикам.

Коснувшись лба Ирины, врач покачал головой. Медсестра разместила на столике громоздкий тонометр. Врач считает пульс, измеряет давление. Ирина чуть приоткрыла воспаленные жаром глаза. Она едва различает лицо врача, слабым голосом просит:

– Сделайте мне укол, доктор!.. У меня так бывает... Вы только укол сделайте... Не снимайте с поезда, прошу вас!.. Не снимайте... Меня сын ждет ...

... В это же самое время в санатории просыпается Денис. Бледный, он тихонько, чтобы не разбудить спящих товарищей, шлепает босиком в коридор, где за столом дремлет няня.

– Тебе чего, Дениска? – спрашивает она спросонья.

– Тетя Дуся, покажите мне мамину телеграмму, пожалуйста!..

– Да где же я ее возьму?..

– Она здесь, в столе была вечером, посмотрите, – умоляет мальчик.

Няня копошится в столе, находит.

– На!.. Забирай свою телеграмму!.. И спать иди!.. Не то проспишь мать завтра...

Денис счастливо улыбается и, сжав в руке телеграмму, шлепает обратно ...

... Ирина очнулась. Вагон трясет от скорого хода поезда. Дрожат бутылки и стаканы на столике, по которому катается несколько пустых ампул, здесь же лежат использованные иглы.

– Как ты, дочка?.. Лучше тебе? – слышится в рассветных сумерках голос склонившейся над Ириной старушки.

– Лучше, бабушка, лучше... Спасибо вам за все, – слабым голосом отвечает Ирина, вытирая полотенцем испарину со лба.

– Слаба ты еще очень... Но ничего, ты еще не скоро будешь в Евпатории... Авось, отлежишься к тому времени?! Отдыхай... А если что нужно, говори, – старушка поправляет Ирину постель.

Тяжело вздохнув и перекрестив больную, она возвращается на свою полку.

Хоть еще очень рано, в вагоне от легкой ночной свежести не осталось и следа. Душно. Ирина с трудом поднимается. Ей тяжело дышать. Старушка уже собрала свою постель и укладывает вещи в сумку. Ирина хочет налить воды, но рука срывается, опрокидывая стакан. Старушка испуганно повернулась.

– Тебе водички, дочка?!.. Сейчас, – она наливает в стакан минеральной воды.

Ирина припадает к нему воспаленными губами, делает несколько маленьких глотков. Отдыхает.

– А где сосед наш? – тихо спрашивает она.

– Нашел себе – там, дальше, другую компанию, повеселее нас... В карты играют...

– А вы уже почти приехали?..

– Да, милая, – она достает из кармана сложенный тетрадный листочек, протягивает Ирине. – Вот, возьми!.. Это адрес мой – в Джанкое!.. Если сможете, когда попрохладней будет, приезжайте с сыночком!.. Место, слава Богу, всегда найдется!..

– Спасибо вам!.. За все спасибо!.. Но приехать – это вряд ли... Дай вам Бог здоровья, любви и заботы ваших близких!.. Вы удивительно прекрасный человек!..

Несколько минут спустя они прощаются на перроне станции Джанкой.

– Дай Бог тебе доехать благополучно, дочка!.. – обнимает Ирину старушка.

– Всего вам доброго!.. – машет ей Ирина уже с подножки вагона и с трудом поднимается в тамбур.

Старушка печально смотрит ей вслед, поднимает с земли сумку и идет в сторону вокзала. А Ирина, тяжело дыша, подходит к открытому коридорному окну и еще видит, как ее добрая спутница

теряется в вокзальной толпе. Затем заходит в купе, ложится на свою полку.

Наконец-то поезд прибыл в Евпаторию, которая уже с утра встречает отдыхающих знойным, пыльным воздухом.

Ирина с дорожной сумкой через плечо и дамской сумочкой в руке тяжело спускается по ступенькам на платформу. Идет к кассам предварительной продажи билетов. Встает в длинную очередь.

Подходит к трамвайной остановке.

На разрисованном, словно игрушечном, трамвайчике едет по центральному проспекту города-курорта.

Входит в холл центральной гостиницы "Украина", подходит к жгучей брюнетке, сидящей перед табличкой "Администратор-распорядитель гостиниц г. Евпатория". Тяжело дыша, Ирина вынимает из сумочки паспорт и железнодорожные билеты.

– Будьте добры – обращается она к администратору. – Помогите мне, пожалуйста!.. Я приехала забрать сына из санатория, но билеты удалось взять только на завтра... Мне бы только переночевать!.. Любое место, в любой гостинице, прошу вас!..

– Мест нет, – отрезает администратор.

Ирина открывает паспорт на страничке с пропиской, протягивает брюнетке.

– Мы из Припяти... Сын болен... Я тоже еле доехала, а еще обратный путь... Помогите, пожалуйста!..

– Мест нет... Вот, – показывает она на двух солидных господ, – даже артистов филармонии не могу разместить, ждут!..

Ирине становится совсем худо и почему-то очень обидно.

– Послушайте, сейчас на каждом углу кричат о сострадании и помощи чернобыльцам, на Верховном Совете почти каждый день говорят о том же... Я же прошу у вас не номер для отдыха здесь, а любое место на одну только ночь!..

– Ничем помочь не могу! – холодно отвечает администраторша.

Ирина еще стоит какое-то время, не в силах сдвинуться с места. Только что подошедшая крепенькая седая женщина кладет перед администратором удостоверение.

– Я могу предложить вам место только в номере на троих, – говорит ей та, протягивая бланк для заполнения.

– Ну, вот, есть же места!.. – не выдержала Ирина, когда женщина прошла в холл.

– Это участникам войны!..

– Хорошо. А мы?.. Мы разве не участники войны?..

– Давайте удостоверение, тогда будем говорить!..

– Нет у нас еще удостоверений... А паспорт с припятской пропиской и печатью об эвакуации вас не устраивает?!

– Мне нужно удостоверение... Впрочем, можете прийти после девяти вечера, если нигде не устроитесь... Здесь, – показывает она в центр холла, где вокруг широкого стола стоят мягкие диваны, – может, будет свободно...

– И на том спасибо, – говорит сквозь слезы Ирина.

Она выходит из гостиницы на залитый солнцем проспект. И вдруг, зашатавшись, подходит к стене и сползает по ней на тротуар. В окно гостиницы выглядывает перепуганная администраторша ...

... Тем временем совсем рядышком, всего в нескольких трамвайных остановках от гостиницы, в столовой санатория "Здравница" заглатывает свой завтрак Денис.

– Ну што ты так шпешишь?.. Подавишьца, – шепелявит упитанный мальчуган, сосед Дениса по столику.

– Да никуда твоя мамка не денется, успеешь еще, – поддерживает его другой сосед.

– Денис, а мы сейчас на море идем!.. – подбегает к ним сероглазый сверстник Дениса. – Ну, прощай!.. Наверное, уже не увидимся?!..

Они жмут друг другу руки. Убегая, сероглазый мальчик кричит:

– Жаль, что ты так и не покупался в море!..

... А в этот момент "скорая помощь" доставила в реанимацию городской больницы бесчувственную Ирину.

Вот она лежит на реанимационном столе. На миг приоткрывает глаза, смутно различает белый халат и вихрастую шевелюру, ей кажется, что это Александр. Слабой рукой она тянется к лицу врача:

– Саша!.. Сашенька!.. Это ты... Как хорошо!.. Я знала, что ты нас не бросишь!.. Умоляю тебя... Умоляю, спаси Дениса!.. Сыночек, – едва выговаривает она и снова теряет сознание ...

... В то самое время, когда по перрону киевского вокзала с мягкой вместительной сумкой не спеша, даже слегка вальяжно, шагает элегантно одетый Александр. Поезд "Москва – Берлин" готовится к отправлению. Редкие лучи солнца, пробиваясь сквозь грозовые тучи, освещают непрерывную вокзальную суету, над которой несется все та же песня Игоря Талькова:

Ты перестанешь мне сниться

Скоро совсем, а потом

Новой мечтой загорится

Остывший мой дом...

Александр ставит сумку у своего вагона, протягивает билет проводнице. Несколько крупных капель начинающегося дождя падают ему на лицо. И в памяти, как вспышка, – полные любви, боли и отчаяния глаза Ирины... Они втроем: он, она и Денис бредут по мокрому осеннему лесу в Пуще-Водице... Денис кружится, пытаясь поймать лицом дождевые капли ...

...Что от любви любви не ищут,

Ты с годами поймешь...

Ну, а сейчас ты не слышишь

И тебя не вернешь...

– проникновенно поет Тальков. По лицу Александра уже стекают струи дождя. Поезд трогается.

– Гражданин! Вы едете или нет? – кричит ему проводница со ступенек вагона, размахивая его ярким билетом, а затем бросает его вниз – прямо на вместительную сумку странного пассажира.

Александр смотрит на нее отсутствующим взглядом. Поезд набирает скорость ...

... А Ирина на реанимационном столе, на миг чуть приоткрыв глаза, видит над собою склонившихся врачей и...

...яркое пятно света за ними... Вспышка... Все небо занимается дрожащим от собственного жара красно-желтым заревом, которое, сжимаясь, трансформируется в огромный многоцветный шар, затем превращается в пульсирующую в густом фиолетовом небе и оставляющую за собой длинный лучистый шлейф яркую вихрастую звезду, которая все стремительнее уменьшается, превращаясь в маленькую звездочку, мчащуюся вдаль в густеющей темноте Вселенной...

... вот она уже крохотной светлой точкой пульсирует на экране кардиографа по изломанной синусоиде сердечного ритма, амплитуда которого все уменьшается...

И вдруг точка медленно поплыла по прямой ...

... Денис выбегает из высокого парадного во двор санатория, где его товарищи, выстроившись по двое и помахав ему на прощание, вместе с воспитателем идут к морю.

Денис остается один на солнцепеке. Реснички его дрожат, глаза жадно всматриваются в каждого прохожего, мелькнувшего в просветах меж бетонными плитами санаторного забора. Он ждет...

Слышно, как тревожно и гулко стучит его сердце: "Бум – бум – бум..."

Камера уходит вверх... или это душа матери видит сына с высоты птичьего полета... Все удаляется бетонная громада санатория, во дворе которого нет ни единого деревца, лишь крохотная фигурка мальчика под палящим солнцем.

– Бум – бум – бум, – разносятся над городом удары сердца.

А чуть дальше – через две улицы – плещется лазурное бескрайнее море, на берегу которого поправляют свое здоровье тысячи отдыхающих ...

... И над всем побережьем отчаянно стучит сердце мальчика...

~~~~~

ЭПИЛОГ

И вновь перрон центрального киевского вокзала. Зима. Александр в легкой дубленке и пыжиковой шапке, с той же мягкой вместительной сумкой, спешно подходит к знакомому вагону поезда "Москва – Берлин", готовящемуся к отправлению. Сквозь густую снежную завесу неба пытается пробиться желток холодного зимнего солнца. Над перроном разносится песня ансамбля "Пламя":

Снег кружится, летает, летает...

И поземкою клубя,

заметает зима, заметает

все, что было до тебя...

Александр ставит сумку у вагона, протягивает билет той же самой проводнице, которая лишь глянув на него, сразу узнала странного пассажира:

– Что, все-таки решились... Или опять передумаете?! – хитро прищурилась она.

– Теперь не передумаю, я не сам... Денис, давай-ка побыстрее, а то отстанем от поезда, – зовет он немного подросшего за полгода Дениса, одетого в яркую пуховую куртку с капюшоном.

Мальчик медленно, с остановками, продвигается к ним в потоке пассажиров, время от времени спотыкаясь о собственную поклажу – дорожную сумку не меньшего размера, чем у Александра, почти волочашую по земле.

Только они разместились в уютном купе спального вагона, поезд трогается. Входит проводница. Александр протягивает ей билеты и документы для контроля. Она долго изучает бумаги.

– Ого, у вас билеты аж до Мюнхена, – восклицает она.

– Да, в Берлине пересадка, – задумчиво произносит Александр.

– А мальчик кто вам?.. Фамилии разные, – любопытствует она. – Подопечный или сын?..

– Сын... приемный... Там отметка в паспорте есть, – нехотя отвечает он.

– Ну, что ж, с документами все в порядке... На границе я вас разбужу для таможенного контроля... Думаю, проблем не будет... Счастливого пути, – уже автоматически улыбается им проводница и выходит из купе.

Денис открывает модную сумку-кошелек на поясном ремне и достает оттуда ту самую маленькую мамину фотографию, которую он взял у нее еще летом 1986 года в пионерлагере "Медик 2", только теперь она – в красивой рамке с подставкой. Смотрит на нее, ставит на столик.

– Можно, она постоит здесь? – в глубоких печальных глазах его дрожат слезы.

– Конечно, что за вопрос, – садится рядом с ним Александр и тоже смотрит на фото. – Ты даже не представляешь, Денька, как мама была бы рада, что нам наконец-то удалось организовать твоё лечение в Германии, – с трудом сдерживая слезы, говорит он и, ласково взъерошив отросшую шевелюру мальчика, прижимает его к себе. – Все будет хорошо, вот увидишь...

... Они сидят, обнявшись. Стучат колеса вагона.

За окном все быстрее мелькает, уносясь в прошлое, беспросветно унылый пейзаж советского времени. А с дрожащей на купейном столике маленькой фотографии смотрит на них еще молодая, улыбающаяся Ирина – с надеждой на лучшее будущее.

Киев, 1991 г.

.....